

"Клад под старым дубом (сборник)"

Читайте больше **БЕСПЛАТНОЙ** литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org

Софья Прокофьева

Клад под старым дубом (сборник)

© Прокофьева С. Л., 2015

© Селиванова Е. Д., иллюстрации, 2015

© Оформление. ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2015

Machaon®

Клад под старым дубом

Глава первая

Кто такая была госпожа Жадность и кто такой был мальчик Алёшка

Я хочу рассказать вам одну удивительную историю.

Жил в одном городе мальчик Алёша.

Нет, я лучше начну не с этого.

Жила-была на свете госпожа Жадность. Ну да, самая обыкновенная Жадность. И жилось ей очень плохо.

На её беду, люди все ей попадались добрые и щедрые. Они делились друг с другом всем, что у них было. Если было холодно, то они делились одеждой. Если было голодно, то они делились хлебом. А если было весело, то они делились радостью.

Глядя на них, госпожа Жадность просто таяла от злобы и огорчения. И наконец стала совсем маленькой, ну просто совсем маленькой, как мышонок.

Целыми днями бродила она по городу, но нигде не могла найти ни одного жадного человека.

И вот однажды зашла она в какой-то двор, забралась под скамейку и задумалась: «Неужели во всём городе нет ни одного жадного человека? Не может быть. Уж наверное, в каком-нибудь доме живёт жадная старушка. Или девчонка, которая никому не даёт своих кукол. Или мальчишка, который никому не даёт покататься на своём велосипеде. Не понимаю, о чём думают мои тайные глиняные шпионы? Бегают, наверное, где-нибудь, задрав хвосты!..»

- Кис-кис-кис! - позвала госпожа Жадность.

И в ту же секунду перед ней появился целый десяток кошек.

Вы, конечно, думаете, что это были живые кошки, такие тёплые и пушистые, которые катают по полу клубок серых ниток или уютно спят, пригревшись на солнышке?

Нет, нет! Ничего подобного.

Это были глиняные кошки-копилки с круглыми мордами и глупыми глазами. У каждой на шее был бант, а на затылке узкая чёрная щель.

- Ну как, нашли вы наконец жадного человека? - нетерпеливо спросила госпожа Жадность.

- Не-ет... - жалобно замыкали кошки-копилки. - Искали, искали... Уж как искали... С глиняных ног сбились... Никого не нашли. Жадный человек нас бы сразу взял. А мы к кому ни подходили - никто нас не берёт. Знаете, как обидно...

И кошки-копилки с оскорблённым видом заморгали глупыми глазами. Наверное, они думали, что госпожа Жадность их пожалеет, но госпожа Жадность в ярости затопала ногами:

- Глиняные лентяйки! Пустые животы! Расколоть бы вас на кусочки! Вы во все школы заходили?

- А как же, - горестно вздыхали кошки-копилки. - Целый день под партами бегали. Никто нас не берёт. Ребята друг другу помогают, подсказывают. А первоклашки так ногами болтают - просто ужас. Вон у кошки Мурки ухо отбили.

- Ну, а ещё где вы были?

- А я на рынок забежала. Думала, уж там-то найду жадного человека. Искала-искала и никого не нашла.

- А я - по улицам...

Но тут все кошки-копилки наострили глиняные уши и повернули круглые головы в одну сторону.

Из-за угла дома вышла маленькая девочка. Она шла, опустив голову, и горько плакала. Круглые слёзы бежали по щекам и капали с покрасневшего носа, похожего на маленькую редиску.

- И?и?и, - плакала девочка. - А?а?а...

Через забор перескочил какой-то мальчишка. На коленке у него был жёлтый синяк, на локте зелёный, а под глазом не то лиловый, не то фиолетовый. Откуда-то появился ещё один мальчишка, держа на поводке мохнатую собаку. Распахнулась дверь подъезда. Оттуда выбежали две девочки.

- Ну Люся, Люся!

- Ну чего ты ревёшь?

- Опять что-нибудь потеряла?

- Эх ты, растяпа!

- Да помолчи ты, Синяк. Что ты потеряла, Люська?

- А?а?а!.. И?и?и!.. - плакала маленькая девочка. - Панаму потеряла... Я позавчера берет потеряла. Красивый... А сегодня мне бабушка панаму купила. Белую такую. А я её... А бабушка сказала: «Если ты ещё чего потеряешь, я тебя отшлѐ... отшлѐ...»

Нет, Люська никак не могла договорить до конца это ужасное слово!

Ребята окружили Люську и стали её утешать. Они что-то все вместе говорили и по очереди гладили её по голове.

Потом все они разбрелись по двору и стали искать панаму.

- Нашёл! Нашёл! - вдруг закричал один из мальчишек.

Госпожа Жадность выглянула из-под скамейки и посмотрела на него.

Мальчишка был рыжий. На носу и на щеках у него были яркие веснушки. Они были весёлые и тоже рыжие. Казалось, что от каждой веснушки идёт золотой лучик. И уши у мальчишки были смешные и торчали в разные стороны.

Все ребята бросились к нему. Люська тоже подбежала и доверчиво ухватила его за рукав. Круглые слёзы, которые катились у неё по щекам, мгновенно исчезли. Можно было подумать, что они закатились обратно в глаза.

Рыжий мальчишка протянул руку.

На ладони блеснула серебряная монета.

- А панамы? - тихо спросила Люська.

- Панамы? - повторил рыжий мальчишка и засмеялся. - Я не панаму, я монету нашёл.

Люська снова заревела.

- «Нашёл! Нашёл!..» - передразнил Синяк. - Эх ты, Алёшка! А ты, Люська, не плачь. Подумаешь, панамы! Найдём мы твою панаму.

- Может, её ветром унесло?

- Да нет, её, наверно, Дружок утащил. Вот у меня собака однажды ботинок утащила. Унесла, и неизвестно куда.

- А может, ты её на улице потеряла?

- Ребята, побежали к воротам!

- Нет, сперва к старому дубу за домом!

- Точно! К старому дубу! Я вчера под ним свои тетрадки нашёл и географию...

Алёшка остался один. Он стоял и смотрел на монету, которая блестела у него на ладони.

Госпожа Жадность выглянула из-под скамейки.

- Эй, кошки-копилки! А вот к этому мальчишке вы подходили? - спросила госпожа Жадность,

и голос у неё дрогнул.

Кошки-копилки заволновались и заморгали глупыми глазами.

- Нет, нет, я не подходила. А ты, глиняная Мурка?

- И я не подходила.

- Может, глиняная Дашка?

- Да вы что? Я же на рынок бегала...

- Замолчите вы! - прикрикнула на них госпожа Жадность. - А ну, глиняная Мурка, беги скорее к этому мальчишке! Может быть, он возьмёт тебя. Приласкайся к нему, помурлыкай послаще.

Глиняная кошка, быстро перебирая толстыми лапами, подбежала к Алёшке и прижалась к его ногам.

Алёшка посмотрел на неё с большим удивлением. Да и кто бы не удивился, если бы к нему вдруг подбежала глиняная кошка-копилка!

Алёшка нагнулся и поднял её с земли.

- Он взял её! Он взял её! - вне себя от волнения прошептала госпожа Жадность.

Алёшка покрутил монету, подумал немного и сунул её в чёрную щель на затылке глиняной кошки. Монета весело запрыгала в её пустом животе, как будто тоже чему-то обрадовалась. Алёшка улыбнулся и прижался ухом к животу кошки-копилки.

Тут госпожа Жадность бегом бросилась к Алёшке.

Она чуть не потонула в большой луже, оставшейся от вчерашнего дождя. Да ещё по дороге заехала локтем в бок какому-то воробью.

Она подбежала к Алёшке и дрожащими руками ухватила его за шнурок ботинка.

- Алёшенька! - закричала госпожа Жадность. - Миленький! Да какой ты славный! До чего веснушки у тебя симпатичные! Ну наконец-то... А я уж думала... Ты только возьми меня к себе! Вот увидишь, дорогой! Я тебе пригожусь! Уж так пригожусь!

Алёшка ужасно удивился. Глаза у него стали в четыре раза больше, а рот сам собой открылся.

Он попятился назад. А госпожа Жадность потащилась за ним по мокрой земле, не выпуская из рук шнурка его ботинка.

- Вот это да!.. - пробормотал Алёшка. - Маленькая совсем, а разговаривать умеет.

Он нагнулся, осторожно взял госпожу Жадность двумя пальцами и поставил себе на ладонь.

Госпожа Жадность была похожа на крошечную тощую старушонку. У неё было серое сморщенное личико. Платье тоже серое, точно посыпанное пылью, старое, кое-где залатанное. На ногах стоптанные башмаки.

Смотрела она жалобно, в глазах дрожали мутные слёзы.

Госпожа Жадность с мольбой потянула к Алёшке дрожащие руки со скрюченными пальцами.

- Смешная какая! - прошептал Алёшка. - Надо бабушке показать.

- Нет, нет! - запищала госпожа Жадность. - Не надо показывать меня бабушке. Я скромная! Не люблю, когда на меня смотрят! Я к этому не привыкла! Я стесняюсь!

Алёшка засмеялся, и госпожа Жадность чуть не свалилась с его ладошки. Хорошо ещё, что она успела ухватиться за его мизинец.

- Алёшенька, не бросай меня! - закричала она плачущим голосом. - Лапочка! Возьми меня к себе! Вот ты увидишь! Ты не пожалеешь!

- Ладно, - согласился Алёшка. - Только ненадолго.

- Почему ненадолго? Там видно будет! Чего загадывать?! - торопливо воскликнула госпожа Жадность. - Вообще-то меня зовут госпожа... Ну, не важно как. Ты зови меня... тётя! А ещё лучше - тётя Жадинка или тётя Жаднуска. Вот будет славно!

- Какая ещё тётя? - удивился Алёшка и сунул госпожу Жадность к себе в карман.

В Алёшкином кармане было темно и душно. Там лежали какие-то гайки, винтики, тубик

с клеем, бумажки от конфет, пёстрые камешки. Юбка госпожи Жадности тут же измазалась клеем, ботинок свалился с её ноги.

«Это всё пустяки, – с восторгом подумала госпожа Жадность. – Главное, мальчишка взял меня! Вот удача! Наконец-то повезло. Уверена, теперь вся моя жизнь пойдёт по-другому!»

Глава вторая

о двух коробках из-под конфет, которые перестали быть пустыми

Если бы Алёшкина бабушка была дома, всё, вероятно, получилось бы иначе. Бабушка, конечно, сразу же догадалась бы, что это госпожа Жадность, и, наверно, сказала бы Алёшке: «Зачем ты её принёс? Это же госпожа Жадность! Выброси её сейчас же».

Но бабушки дома не было. И поэтому случилось вот что.

Алёшка вытащил госпожу Жадность из кармана и поставил её на стол. Кошку-копилку он тоже поставил на стол.

Потом все они молча уставились друг на друга.

Алёшка молчал от удивления и оттого, что не знал, о чём говорить.

Госпожа Жадность молчала от волнения и оттого, что не знала, как начать разговор.

А кошка-копилка молчала потому, что при Алёшке она вообще делала вид, что не умеет разговаривать.

– Ну вот... – сказал наконец Алёшка, который, по правде говоря, не любил долго молчать. – Мне уже в школу пора. Уже скоро два часа. А тебя я пока посажу в коробку из-под конфет. Сиди в ней и жди, когда я вернусь.

Алёшка выдвинул ящик своего стола. Ящик был набит разными пустыми коробками. Он их просто так собирал, картинки красивые. Алёшка посмотрел на госпожу Жадность и взял самую маленькую круглую коробочку из-под леденцов. Жадность бросилась к Алёшке и чуть не упала, споткнувшись о чайную ложку.

– Постой, постой, Алёшенька! – закричала она. – Мы с тобой ещё даже не поговорили как следует, не познакомились. Не надо меня в эту коробку... Ты ещё не знаешь, что я умею...

Госпожа Жадность щёлкнула своими кривыми пальцами, и пустая коробка мгновенно наполнилась леденцами. Красными, синими, зелёными.

Они лежали в коробке, и солнечные лучи прыгали с одного леденца на другой, как будто хотели узнать, какой из них самый сладкий.

– Вот это да... – пробормотал потрясённый Алёшка.

Он осторожно взял из коробки леденец и лизнул его языком.

– Настоящий! – ахнул Алёшка. – А ещё ты можешь? Вот в эту коробку, а?

– Да я для тебя, мой дорогой... – Госпожа Жадность снова щёлкнула пальцами.

Алёшка с волнением приподнял крышку - в коробке рядами лежали шоколадные конфеты в серебряных бумажках.

- Ух ты, сколько! - закричал Алёшка, хватая конфеты горстями и запихивая их себе в карманы. - А то мама всегда даст штучки две, и всё.

Госпожа Жадность присела на кусок сахара.

- я ещё тебе дам, моё сокровище! Только с уговором. С маленьким таким уговорчиком... Сам ешь сколько хочешь, но другим не давай. А то тебе самому ничего не останется. Понял? Тогда пожалеешь, да поздно будет.

- Понял, - сказал Алёшка, хотя в этот момент он почти ничего не мог понять.

«А вдруг это мне только снится? - с тревогой подумал он. - Уж очень на сон похоже. Вот проснусь - и ничего нет...» Дон-дон! - пробили стенные часы. Алёшка вздрогнул:

- Ой, я в школу опаздываю!

Он схватил коробку из-под мармелада и сунул туда госпожу Жадность. Госпожа Жадность высунулась из коробки, пыталась что-то крикнуть, но Алёшка быстро задвинул коробку под кровать. Потом он схватил портфель и выскочил в коридор.

Щёлк - повернулся ключ в замочной скважине.

А госпожа Жадность осталась лежать в коробке из-под мармелада.

Там было темно, тихо и очень приятно пахло.

Госпожа Жадность не знала, сколько прошло времени. Наконец она услышала чьи-то шаги в соседней комнате.

«Это, наверно, Алёшкина бабушка! - догадалась госпожа Жадность и съёжилась от страха. - Очень мягкие туфли и очень медленные шаги».

Бабушка несколько раз дёрнула за ручку двери, но дверь не открылась.

- Странно, - сама себе сказала бабушка. - Никогда Алёшенька дверь не запирает. И чего это он?..

Бабушка ещё раз дёрнула за ручку и ушла. Ведь у неё, конечно, были более важные дела, чем стоять около запертой двери и дёргать её за ручку. Но если бы она знала, что в этот момент произошло у Алёшки под кроватью!

Голова госпожи Жадности и её ноги упёрлись в стенки коробки. Коробка затрещала.

Госпожа Жадность сбросила с себя картонную крышку и встала. Голова её упёрлась в пружины матраца.

Дрожа от радости и волнения, она ощупала себя руками.

- я расту! Я расту! - прошептала госпожа Жадность. - Какое счастье! Наконец-то!.. Неужели мой мальчишка и впрямь становится жадным?

Глава третья

о том, как Алёшка получил двойку

Вам, конечно, интересно узнать, что случилось с госпожой Жадностью. Почему она выросла? Ну ничего, потерпите немного, вы узнаете об этом очень скоро.

Алёшка сидел в классе и всё время думал о конфетах.

Перед его глазами, как стаи разноцветных рыбок, покачиваясь, проплывали конфеты в ярких бумажках.

- Что с тобой, Алёша? - спросила учительница Анна Петровна и указала пальцем на Алёшкину тетрадку. - Ничего не понимаю! Посмотри, что ты написал. Надо было написать: «По волнам плыл кашалот», а ты написал: «По волнам плыл шоколад». Надо было написать: «По небу тянулись тучки», а ты написал: «По небу тянулись тянучки». Что с тобой? Я вынуждена поставить тебе двойку.

Лицо Анны Петровны стало очень грустным. Как будто она поставила двойку не Алёшке, а самой себе.

Но Алёшка только махнул под партой рукой. Подумаешь, какая-то двойка. Не до того сейчас.

На перемене он вынул из кармана все конфеты и начал их есть одну за другой.

- Сколько у тебя конфет! - сказала девочка Женя и подбросила на ладони большое яблоко. - Нам бабушка из деревни целый ящик прислала. Хочешь, поменяемся? Я тебе яблоко, а ты мне конфету.

Яблоко на вид было удивительно вкусным. Алёшка посмотрел на него, и во рту стало как-то сладко и прохладно.

Женя подбрасывала яблоко в воздух, и оно поворачивалось к Алёшке то красным боком, то жёлтым. Можно было подумать, что яблоко то улыбается Алёшке, то нет.

«Что же мне делать? Я ведь обещал этой старушонке никому конфеты не давать, - с досадой подумал Алёшка. - Но ведь я же их и не отдаю. Я же их меняю. Это совсем другое дело. Совсем другое».

- За такую конфету одного яблока мало, - сказал Алёшка каким-то не своим, чужим хриплым голосом. - Давай ещё денег сколько есть!

Денег у Жени оказалось немного. Всего две монеты. Алёшка схватил их так быстро, что Женя не успела даже ахнуть.

Как вы можете догадаться, именно в этот момент госпожа Жадность, которая лежала в коробке под кроватью, выросла сразу в несколько раз.

Когда кончились уроки, Алёшка первым выскочил из класса.

Он бежал по улице, а сам всё думал и думал о конфетах.

Ему даже показалось, что в светофор вставлены три больших леденца - красный, жёлтый и зелёный. Да и сам светофор похож на большую конфету, зачем-то привязанную к проводам. Навстречу Алёшке шла румяная девочка в розовом пальто. Она вела на верёвочке коричневую мохнатую собаку.

«Какая девчонка смешная, - подумал Алёшка. - На пряник похожа. А собака совсем как шоколадная. Вот бы такую большую шоколадную собаку! Чтоб уши шоколадные и хвостик... Или лучше шоколадную лошадь. С одной ногой можно целый месяц чай пить...»

Алёшка так размышлял о шоколадной лошади, что чуть не налетел на ребят, стоявших около булочной.

Ребята окружили маленькую Люську.

На голове у Люськи была панама. Панама была новая и очень белая.

Люська стояла, низко опустив голову, и плакала. Лица её не было видно. Можно было подумать, что плачет белая панама.

- Опять что-нибудь потеряла? - спросил Алёшка. - Эх ты!

- А?а?а... - всхлипнула панама. - Меня бабушка за хлебом послала... Велела батон купить.

Деньги дала. Я их в кармане держала... Кулак вот... А деньги я потеряла. А бабушка сказала: «Если ты ещё чего потеряешь, я тебя отшлё...»

Из-под белой панамы ещё быстрее закапали удивительно крупные прозрачные слёзы.

- Ребята, у меня есть немного, - сказала девочка Женя. Лицо у неё на секунду стало грустным, но она сейчас же улыбнулась. - Я хотела эскимо купить, да уж ладно... Возьми их себе, Люська.

И она положила деньги на мокрую от слёз маленькую ладошку.

- И у меня есть... На, держи!

- И у меня...

- И у меня монетка. Новенькая, смотри, как блестит!

Люська подняла голову. Глаза ещё плакали, но губы уже улыбались и тихо шевелились. Это Люська шёпотом говорила «спасибо».

- Ну вот, - сказал Синяк. Он протянул поцарапанный палец и пересчитал монеты. - Почти набралось. Ещё немного не хватает. У кого ещё есть, ребята?

У ребят вытянулись лица. Больше ни у кого денег не было. Даже круглое Женино лицо стало каким-то не таким круглым.

Маленький Васька вывернул карманы и сказал виноватым голосом:

- А мне мамка не даёт... Говорит, я сама тебе всё, что надо, покупаю.

- Ребята! - сказал Синяк. - У Алёшки ещё деньги есть. Ему Женька дала. Я сам видел. Эй, Алёшка, давай их сюда. А то бабушка Люську нашлапает.

Алёшка посмотрел на Люськины покрасневшие глаза, на слипшиеся от слёз ресницы, и его рука как-то сама собой потянулась в карман.

И вдруг он вспомнил, как весело звенела монета в пустом животе глиняной кошки: дзынь, дзынь! - как будто хотела сказать: «Ещё, ещё!»

- Не дам! Ничего не дам, - тихо сказал Алёшка. - Мне деньги самому нужны.

Как вы понимаете, друзья мои, госпожа Жадность в этот момент выросла ещё в несколько раз.

- Ну и вредина же ты! - сказал Синяк. - Ладно. Припомним тебе это. Ребята, пошли к Катьке. Она дома сидит, у неё уши болят. Катька даст. Она всегда всё даёт.

Ребята пёстрой стайкой побежали к дому, а белая панاما весело запрыгала впереди.

Глава четвёртая

о гибели люстры и о многом другом

Бабушки не было дома.

«Вот здорово, - подумал Алёшка. - Бабушки, они всегда только мешают. Настроение портят и вообще. Увидит конфеты, начнёт приставать: кто дал да зачем взял?»

Алёшка открыл дверь и ахнул: посреди комнаты стояла госпожа Жадность.

Ох, какая она стала большая! Ростом почти как Алёшкин папа, а то и ещё повыше. Алёшка узнал её, только поглядев на длинные-предлинные руки со скрюченными пальцами. Нет, она стала совсем другая, даже как-то помолодела. И платье уже не казалось таким старым, обтрёпанным. Тяжёлые тёмные складки падали до самого пола, а на шее поблёскивали бусы из разноцветных камушков.

«Наверное, драгоценные», - подумал Алёшка.

Госпожа Жадность посмотрела на Алёшку огромными чёрными глазами. В их глубине вспыхивали и мерцали красные огоньки, похожие на раскалённые угли.

Алёшка испуганно попятился. Он разжал пальцы. Монеты жалобно звякнули и покатались по полу.

- Ну, ну, не бойся, моё сокровище! - сладким голосом сказала госпожа Жадность. - Ну я немного выросла, ну и что? В этом же нет ничего плохого. Это очень даже хорошо!

И госпожа Жадность улыбнулась.

Алёшка думал, что от улыбок всегда всем становится тепло и весело. Но от этой улыбки ему стало как-то неуютно и зябко. Холодная дрожь пробежала по спине.

- Я... я пойду... - хрипло сказал Алёшка. - Мне уйти надо...

Он повернулся к двери, но госпожа Жадность своей длинной рукой загородила ему дорогу.

- Монетки, монетки... - прошептала она. - Так вот почему я так выросла! Деньги. О, эта могучая, великая сила...

- я в кино, - с тоской пробормотал Алёшка, - пойду билет куплю...

- В кино?! - воскликнула госпожа Жадность. Алёшке показалось, что она даже обрадовалась. - Лапочка моя, хочешь, я дам тебе денег на билет? Вот смотри...

Госпожа Жадность взмахнула руками, и что-то обрушилось на Алёшку. Что-то заблестело и зазвенело. По полу в разные стороны покатались монеты. Они катились, кружились на месте и ложились на пол.

- Деньги! - закричал Алёшка, ловя монеты в воздухе. - Это всё мне? Правда мне? Ой, да я на эти деньги сто билетов куплю!

- Тебе, моё сокровище, всё тебе, - прошептала госпожа Жадность, наклоняясь над ним. - Только с уговором. Сам ходи в кино сколько хочешь, но никого с собой не бери. Эти деньги только для тебя. Понял?

- Понял, - задыхаясь, сказал Алёшка. - А ещё можно? Я ещё на фотоаппарат коплю.

В воздухе снова заблестели, заискрились монеты. Алёшка готов был разорваться на четыре части, так ему хотелось залезть сразу во все четыре угла и собрать сразу все монеты.

- Ещё! Ещё! - закричал Алёшка не своим голосом и на коленках уполз под кровать.

Алёшка уполз под кровать и поэтому ничего не видел. Он не видел, что стоило ему только произнести слово «ещё», как Жадность сразу же выросла и становилась всё больше и больше.

Вдруг что-то оглушительно грохнуло и зазвенело.

Алёшка выскочил из-под кровати и увидел люстру. Только она была уже не на потолке, где полагается быть люстре, а на полу.

Жёлтые стеклянные колпачки были разбиты. Без них люстра была похожа на большого паука.

Алёшка поднял голову и вдруг замер, схватившись руками за щёки. Он забыл обо всём на свете, даже о погибшей люстре.

Он увидел госпожу Жадность. Госпожа Жадность стояла, упираясь головой в потолок. Она даже немного согнулась, потому что ей уже было тесно в этой комнате. Наверное, она задела люстру головой, и люстра упала на пол.

- Ой!.. - бледнея, прошептал Алёшка.

- Ещё подросла? - радостно сказала госпожа Жадность. - Трудно поверить, что ещё утром ты хотел посадить меня в коробку из-под леденцов.

Да, она стала совсем другой. Глаза смотрели властно и повелительно. На голове сверкнул золотой обруч с багрово-алым камнем. Теперь пальцы её были унижены кольцами, на руках бренчали браслеты, украшенные лучистыми камнями.

Она наклонилась и осторожно пальцем погладила Алёшку по плечу.

- Ну, ну, моё сокровище, успокойся, - сказала она. - Отведи-ка ты меня лучше на чердак. У меня сегодня что-то нет настроения знакомиться с твоей бабушкой. Как-нибудь в другой раз. С превеликим удовольствием. Только, знаешь, не сегодня... А деньги и конфеты, если хочешь, я тоже унесу на чердак. Уж там они будут в целости. Уж там до них никто не доберётся.

«Это, пожалуй, верно, - подумал Алёшка. - Только надо побыстрее, пока бабушки нет».

Госпожа Жадность нагнулась и своими длинными руками стала быстро сгребать в кучу деньги. Она высыпала их в старую бабушкину сумку, потом стащила с Алёшкиной подушки наволочку и сунула туда коробки с конфетами.

- Пошли, моя радость, моя жизнь, моё сокровище!..

Алёшка выглянул на лестницу. Там было пусто и тихо.

«Никого нет... Хорошо, - подумал Алёшка, выходя на площадку. - Только вот пролезет ли она в дверь?»

Но госпожа Жадность, кряхтя, уже протиснулась боком в дверь и стала подниматься по ступенькам.

Где-то далеко внизу слышались шаги.

- Скорее! - прошептал Алёшка. - Это, наверно, бабушка! Она всегда, когда не надо, тут как тут...

Госпожа Жадность трусливо оглянулась и зашагала сразу через пять ступенек.

«Ещё увидит меня с ней, – подумал Алёшка. – Сразу начнёт спрашивать: «С кем это ты идёшь? Куда? Зачем? Да откуда у тебя конфеты?..»

На четвёртом этаже кто-то громко зашипел.

Алёшка, дрожа всем телом, шарахнулся в сторону.

Но это была всего-навсего тощая бездомная кошка. Вытаращив глаза и выгнув спину дугой, она смотрела на госпожу Жадность.

На пятом этаже открылась дверь, и на площадку вышел старичок в чёрных очках. Он стал спускаться по ступенькам, громко стуча по ним палкой, как будто за что-то на них рассердился.

Госпожа Жадность прижалась к стене и замерла. У Алёшки ещё сильнее заколотилось сердце. Старичок поправил очки, посмотрел на госпожу Жадность и потыкал в неё палкой.

- И зачем это на лестнице ставят такие громоздкие предметы? – пробормотал он. – И так лестница узкая. Надо пожаловаться, пусть уберут. Просто возмутительно!

Старичок, сердито стуча палкой по каждой ступеньке, стал спускаться вниз.

На шестом этаже Алёшка услышал голоса. За дверью разговаривали девочка Катя и её мама.

- Катенька, я пойду в аптеку за лекарством, – сказала мама Кате.

- Хорошо, мамочка, – ответила Катя маме и негромко вздохнула.

- Скорее, скорее, – заторопил Алёшка и даже подтолкнул госпожу Жадность сзади. – Не хватало ещё, чтобы Катька меня увидела. Она такая...

Наконец они добрались до чердака.

На чердаке было темно и пусто. С потолка свисала маленькая и пыльная лампочка. Она светила совсем слабо и тускло. Можно было подумать, что под лампочкой ещё вечер, а во всех углах уже наступила ночь.

- Как здесь здорово, уютно, – прошептала Жадность, оглядываясь по сторонам. Вид у неё был очень довольный. – Ох и устала же я сегодня!

Жадность высыпала конфеты и деньги на перевёрнутый ящик.

Во всех углах что-то зашевелилось, зашуршало. словно осенний ветер взвихрил сухие листья.

Алёшка увидел, как из темноты высунулись треугольные мышиные морды. Заблестели маленькие злобные глазки.

- Ой! – вскрикнул Алёшка и невольно пододвинулся к госпоже Жадности. – Сколько их! И все на мои конфеты глядят... Смотри, они всё ближе! Я боюсь...

- Успокойся, моё сокровище, – усмехнулась госпожа Жадность. – Сейчас мы их прогоним. Кис-кис-кис! – позвала она.

В ту же секунду перед ней появился целый десяток глиняных кошек. Но вместо того чтобы

прогнать мышей, они вытянули глиняные шеи и уставились голодными глазами на рассыпанные монеты.

- Мы есть хотим! - заныли они. - Брось в нас хоть по монетке, хоть по копеечке.

- Ах вы, глиняные лентяйки! - прикрикнула на них госпожа Жадность. - Вы сначала мышей прогоните! Никому ничего не дам. Ни одной монетки, ни одной конфетки! Это всё ему, ему, моему Алёшеньке. Вот садись сюда, на ящик, моё сокровище. Теперь скучать не будешь. Хочешь - конфеты ешь, хочешь - деньги считай!

Глава пятая

о девочке Кате и о том, как глиняная Мурка получила ответственное поручение

Алёшка плотно закрыл дверь чердака и стал спускаться по лестнице. Но на площадке шестого этажа он на минутку присел на ступеньку. Голова у него кружилась, ноги были какие-то слабые, словно набитые ватой.

Тут он увидел Катину маму. Она открывала дверь ключом.

- Ты что тут сидишь? - спросила она. - А Катя тебе только недавно по телефону звонила. Зайди к ней, скажи, какие вам сегодня уроки заданы.

И она распахнула перед Алёшкой дверь.

Алёшке было не до Кати, не до Катиной мамы и не до Катиных уроков. Но делать было нечего. Он поплёлся за Катиной мамой, уныло глядя ей в спину.

Катя сидела на диване. Уши у неё были завязаны, на макушке торчали концы платка. Она была похожа на зайца с двумя длинными ушами. Только этот заяц был грустный и бледный, с очень большими прозрачными глазами.

И вдруг Алёшка замер на месте.

Он увидел на столе стеклянную вазочку с конфетами. Он смотрел и смотрел на неё, как будто в ней лежали не обыкновенные конфеты, а магниты в конфетных бумажках, а Алёшка был весь железный, и они притягивали его к себе.

«Вот если бы мне эти конфеты, - подумал Алёшка, - таких у меня ещё нет».

- Ну, чего тебе? - спросил Алёшка, боком подбираясь к вазочке.

- Болят, - тихонько сказала Катя и потрогала уши, завязанные платком.

- А я что, доктор, что ли?

- Ты торопишься? А я думала, что ты со мной посидишь, - грустно сказала Катя. - Ну ладно, скажи, что задано, и иди.

- Ишь ты чего захотела, - усмехнулся Алёшка. - Скажи, что задано! А что ты за это дашь? Вот давай эти конфеты, тогда скажу. А то вон какая хитренькая нашлась! Знаю я вас, девчонок!

- Ох, я и не догадалась тебя угостить, - спохватилась Катя и покачала заячьими ушами. - Бери, пожалуйста. Хочешь, все бери. Мне всё равно ничего есть не хочется.

Катя свернула из бумаги кулёк и высыпала туда все конфеты.

Но Алёшка не взял кулёк.

Он стоял и смотрел на Катю, в её ясные прозрачные глаза. Он смотрел на неё, как будто увидел её первый раз в жизни.

- А тебе не жалко? - с удивлением спросил он.

Катя рассмеялась и тут же схватилась за уши.

- Ой, когда смеюсь, больно!

Только теперь Алёшка заметил, какая Катя стала худая и бледная. И даже голос у неё какой-то слабенький, тихий.

- Нет! - закричал Алёшка. - Ты сама ешь! Тебе полезно. Я тебе ещё шоколадных конфет принесу. Много! И заставлю все при мне съесть. Ну, записывай, что нам задано.

И в это время госпожа Жадность, которая спала в самом тёмном и пыльном углу чердака, проснулась. Она отбросила в сторону подушку, скатанную из паутины, и заскрипела зубами от злости:

- я уменьшаюсь! Я худею! Что случилось с моим мальчишкой? Что он там натворил! Эй, глиняная Мурка, сюда, ко мне!

Глиняная Мурка, вся в паутине, вытаращив глаза, выскочила из тёмного угла.

- У тебя хоть на одно ухо меньше, а ума всё-таки побольше, чем у других, - прошипела госпожа Жадность, наклоняясь к ней. - Пойди разузнай, что случилось? Мне кажется, мой Алёшка сейчас сделал что-то хорошее. А это очень плохо. Иди. Да поживее. Одна лапа здесь, другая там...

Глава шестая,

в конце которой Катя никак не может понять, куда же исчез Алёшка

В это утро погода была просто чудесная. Даже ветер был какой-то вкусный. Он пах травой, мокрой землёй и цветами. Ночью прошёл дождь, и сейчас повсюду блестели голубые лужи. Девчонки выбрали место посуше и прыгали через верёвочку.

Маленькая Люська прыгала, моргая глазами всякий раз, когда верёвка пролетала мимо её носа. Лицо у неё было очень счастливое, а белая панама подпрыгивала на голове.

Женя сегодня первый раз надела носки. Белые носки с голубой полоской так и мелькали в воздухе. А все девчонки, которым мамы ещё не разрешали снять чулки, смотрели на неё и вздыхали.

Солнце сверкало в голубых лужах. Ветер пробежал по ним, и тогда казалось, что солнце тоже прыгает через верёвочку.

Из подъезда вышел Алёшка. Лицо его было очень бледным. От этого веснушки казались совсем тёмными.

Никто из ребят даже не посмотрел на него. Только Синяк немного повернул голову и сказал:

- А, жадина... Чего сюда пришёл? Вали отсюда!

- Это моя верёвка, - тихо сказал Алёшка. Он подошёл поближе и вырвал верёвку из рук Жени.

- Нет, не твоя! - закричал Синяк. - Это твоей бабушки. Она бельё сушила на балконе, а потом верёвку нам отдала, попрыгать.

- Моя бабушка, значит, и верёвка моя! - со злостью огрызнулся Алёшка. - Идите к своим бабушкам, у них и берите.

Он повернулся и пошёл к своему подъезду. А верёвка волочилась за ним, как длинная, тощая змея.

На минуту Алёшка остановился. На земле лежал большой кривой гвоздь. Алёшка нагнулся, поднял его и крепко зажал в кулаке.

- Ржавый, - сказал он с досадой. - Ну ничего, и такой пригодится. Никому не отдам.

И тут он увидел Катю.

Катя шла по двору и вела за руль свой зелёный велосипед. Велосипед был не очень новый. Но Катя всё равно его любила. И все ребята во дворе его тоже любили, потому что Катя давала на нём кататься всем, кто захочет.

Теперь Катя уже не была похожа на зайца. Щёки у неё опять стали розовыми, а губы красными. Только на голове была надета шерстяная шапочка, которую Катя носила зимой.

Она шла прямо к Алёшке и смотрела прямо на него своими ясными глазами.

- Я?то его ишу, а он вон где! - радостно воскликнула Катя.

Алёшка отвёл глаза в сторону.

- Чего меня искать? - проворчал он. - Что я, белый гриб?

Катя засмеялась.

- Нет, правда. Ты всё шутишь. А ты мне очень нужен. Слушай, мы всем классом хотим пойти в театр. На «Аленький цветочек». Пойдёшь?

- Да ну, скука зелёная.

- И нисколько не зелёная. Ну, пожалуйста, - умоляюще сказала Катя. Её ясные глаза стали грустными. - Все пойдут, а ты... Пойдём, это очень хорошая сказка. Мы собираем деньги на билеты.

- Вот оно что! - закричал Алёшка. - До денег моих добираешься? Нет у меня денег! Понятно? Ни копейки у меня нет и не будет!

- Так бы сразу и сказал. - Катя прислонила велосипед к дереву. - А то раскричался. Ну хочешь, я за тебя заплачу?

- Ты?.. - задохнулся Алёшка.

Он стоял и молча глядел на Катю, на её прозрачные грустные глаза. И было видно, что её глаза такие грустные не потому, что ей жалко денег, а потому, что она боится, что Алёшка не пойдёт с ними в театр.

- Катька! - сказал Алёшка и опять замолчал.

- Значит, пойдёшь! - обрадовалась Катя. - Только, чур, не передумывать!

- Ай-яй-яй! - пробормотала глиняная кошка Мурка. Она выглянула из-под скамейки и покачала своей глиняной головой. - Не понравится госпоже Жадности эти театры, ох не понравятся!..

- Как это ты педаль сломала? - спросил Алёшка и присел на корточки около велосипеда. - Вечно вы, девчонки, всё ломаете, а починить не умеете. Ну-ка, дай я посмотрю.

- Ох, кошки-подружки, ещё хуже! - прошептала кошка Мурка и почесала глиняной лапой за глиняным ухом. - Не понравятся госпоже Жадности эти велосипеды, ох не понравятся!..

Кошка Мурка шмыгнула в подъезд и быстро запрыгала по ступенькам.

Госпожа Жадность сладко спала на чердаке, положив толстую щёку на ладонь.

- Эй, госпожа повелительница моя, проснись! - замяукала Мурка. - Да проснись же ты! Беда!

Но госпожа Жадность только улыбнулась во сне.

- У, спит... ничего не слышит, - проворчала кошка Мурка. - Вон уши какие большие. Мне до них не дотянуться.

Кошка Мурка вскарабкалась на старую бабушкину сумку. Монеты, лежащие в сумке, звякнули сонно и слабо.

Но этого оказалось достаточно, чтобы разбудить госпожу Жадность. Она вскочила, спросонок испуганно моргая глазами, и стукнулась головой об потолок. Крыша затрещала.

Кошка Мурка со скромным видом отошла от бабушкиной сумки и молча указала лапой на чердачное окно.

Госпожа Жадность смахнула со стекла паутину, похожую на серые кружева. Посреди двора она увидела Алёшку и Катю.

Они сидели на корточках около велосипеда. Алёшкины рыжие волосы так и горели на солнце. А ветер играл белым бантом в волосах у Кати. Тёплую шапочку она держала в руках.

- Ну, спасибо тебе, моя любимая копилка, - прошипела госпожа Жадность. - Так вот кто портит моего мальчика! Теперь я знаю. Эта маленькая девчонка. У неё слишком доброе сердце. Это, наверно, оно так громко стучало сегодня ночью и мешало мне спать. Тук-тук-тук! Я слышала его сквозь пол.

- Подожди, Катька, - услышала госпожа Жадность весёлый Алёшкин голос. - Видишь, я пока сюда гвоздь вставил. Только он плохо держит. Я сейчас принесу из дома проволоку и гайки.

- Вот здорово! - счастливым голосом сказала Катя. - И будем кататься по очереди, да?

- Ой, я ещё уменьшаюсь! - простонала госпожа Жадность. - Ой, туфли свалились с ног! Мне уже велик мой двести сорок второй размер. А ведь ещё сегодня утром туфли еле налезали на меня. Проклятая девчонка! Мои браслеты, ожерелье! Драгоценные камни, они гаснут, тускнеют, исчезают!..

Госпожа Жадность подползла к окну и просунула в него свою длинную руку.

И в тот самый момент, когда Алёшка встал, чтобы идти домой за гайками и проволокой, Жадность крепко схватила его рукой.

Алёшка почувствовал, что его ноги отрываются от земли. У него захватило дух.

Он поднимался всё выше и выше, а Катка становилась всё меньше и меньше. Белый бант у неё на голове стал похож на маленькую белую бабочку.

Мимо Алёшки, как зелёное облако, проплыла круглая липа.

Он не успел даже вскрикнуть, как уже очутился на чердаке.

Катя долго с удивлением вертела головой, смотрела по сторонам и моргала глазами, но так и не поняла, куда же это девался Алёшка.

Глава седьмая

о том, как Алёшка получил новый велосипед

- Ну, зачем, зачем ты меня утщила? - сердито закричал Алёшка, когда госпожа Жадность разжала пальцы и поставила его на пол.

- Подожди, подожди, моё сокровище, ну не волнуйся, - растерянно бормотала госпожа Жадность, глядя на Алёшку и не зная, как его успокоить.

Но Алёшка затопал ногами:

- я к Кате хочу! Я ей обещал велосипед починить! Мне с ней интересно, а с тобой...

Госпожа Жадность улыбнулась и пододвинулась поближе к Алёшке. Пол затрещал. Наверно, в комнатах под ними с потолка посыпалась штукатурка.

- Не смей улыбаться! - закричал Алёшка.

- я твой единственный друг, - проговорила госпожа Жадность. Голос у неё был сладкий и тягучий. - Я тебя люблю. Я всё для тебя сделаю. А ребята тебя терпеть не могут. Дружить с тобой не хотят. А Катка с тобой из хитрости дружит. Ты ей не верь!

- Нет, верю! Нет, верю! - с обидой закричал Алёшка.

- А тогда зачем она попросила тебя велосипед починить? Отдала бы его в мастерскую. Всё деньги жалеет. И глаза у неё нарочно такие светлые, чтобы обманывать легче. Уж ты мне поверь. Слишком ты простодушный, Алёшенька, доверчивый.

Но Алёшка снова затопал ногами:

- Нет, неправда, она не хитрая, не хитрая! Она сказала: «Починишь, и будем по очереди кататься». Вот!

Алёшка с торжеством посмотрел на госпожу Жадность.

Под его взглядом госпожа Жадность как-то сразу побледнела и съёжилась. Кольца с тусклыми камнями посыпались с её пальцев.

- Эх, - скрипнула она зубами. - Ну раз так...

Госпожа Жадность сунула свою огромную руку в карман, похожий на небольшую пещеру, и вытащила оттуда велосипед. Новенький голубой велосипед. С блестящим рулём, с чёрными шинами и жёлтым седлом.

Алёшка, сбив с ног какую-то кошку-копилку, бросился к велосипеду.

Он нажал на звонок, и звонок весело сказал ему «дзынь», как будто был его старым другом.

- У Катки плохой велосипед, старый, - забормотала госпожа Жадность. - Ребята его поломали, исцарапали. Чужое-то никто не бережёт. А у тебя велосипед новенький. Ты его никому не давай.

- А я и не дам. Что я, дурак, что ли? - сказал Алёшка, протянув дрожащие руки к велосипеду.

Госпожа Жадность засмеялась сытым, довольным смехом.

- Ах ты, моё сокровище! Ах ты, моя радость! А если бабушка спросит, откуда у тебя велосипед?

- А... совру что-нибудь.

Глаза госпожи Жадности блеснули.

- Это хорошо, это хорошо, - прошептала она. - Жадный человек всегда врёт, обманывает, выкручивается, старается обхитрить...

Алёшка присел на корточки, приладил насос и стал накачивать шину. Он тяжело дышал, капли пота повисли на ресницах и жгли глаза.

Кошки-копилки столпились вокруг него, вытаращив глаза.

Госпожа Жадность наклонилась над Алёшкой. От её дыхания зашевелились Алёшкины рыжие волосы.

- Никому ничего не давай, - прошептала она, - и никому не верь, не верь... И бабушке своей тоже не верь. Ты для неё и в булочную ходишь, и двери открываешь. А на той неделе, я знаю, даже пол веником подмёл. Ну и что? Она тебе за это заплатила? Видишь, обманывает она тебя. Ты думаешь, она тебя любит?

- Любит... - ещё тяжело дыша, пробормотал Алёшка.

- Если бы любила, так заплатила бы!

Небо за чердачным окном стало нежно-розовым, а затем потемнело.

Голоса девчонок и мальчишек во дворе в сумерках зазвучали ещё громче. Они боялись, что не успеют закончить игру.

На балконы вышли мамы, папы и бабушки. Они стали звать ребят ужинать.

- Маша, Наташа, Петя, Женя, Люська, Алёша, Катя, Надя, Вера! - кричали папы, мамы и бабушки.

Наконец все они замолчали. И только Алёшкина бабушка продолжала кричать с балкона:

- Алёша! Алёшенька!

- Ну, я пошёл. У меня ещё уроки. - Алёшка с нежностью погладил жёлтое седло. - А велосипед я пока тут оставляю. Ты смотри стереги его. И деньги стереги. А то я всё боюсь, как бы ребята с нашего двора не пронюхали про мои деньги.

Алёшка даже зубами скрипнул, а госпожа Жадность прошептала про себя:

- Это хорошо. Это хорошо. Жадный человек всегда всех боится и ненавидит, всего опасается...

Глава восьмая

о том, как бабушка ждала Алёшку и заплатила двадцать рублей за двадцать капель валерьянки

Бабушка стояла в передней и смотрела то на дверь, то на телефон. Губы у неё дрожали, и она всё время куталась в платок. Ей было холодно, сердце тоскливо замирало. Рядом с ней стояла Катина мама.

Сначала бабушка решила позвонить в больницу. Пока она набирала номер больницы, она передумала и решила позвонить в полицию. Но пока набирала номер полиции, она опять передумала и решила сначала позвонить в больницу.

- Не нужно куда звонить, Наталья Ивановна, - сказала Катина мама и взяла из её рук телефонную трубку. - Я уверена, что с вашим Алёшей ничего не случилось.

- Нет, с ним что-то случилось, - сказала бабушка и беспомощно посмотрела на Катину маму. - Вы знаете, с того дня, как у нас с потолка свалилась люстра, Алёшенька ужасно изменился. Стал такой бледный, неулыбчивый. За обедом ничего не ест. Смотрит на суп, но я вижу, что думает он о чём-то другом. Ночью ворочается, что-то считает. С арифметикой у него не ладится, что ли? Что он считает, не пойму.

- Мурр, - глухо сказала кошка Мурка, сидевшая под вешалкой. Она сидела за бабушкиными сапогами и была совсем незаметна. Бабушка всплеснула руками.

- Да ещё эта кошка с отбитым ухом! Просто можно с ума сойти. Сегодня пошла в булочную. Только взяла батон, оглянулась - и она там.

- Странно, - пробормотала Катина мама. - А я сегодня именно эту одноухую кошку видела у Кати под кроватью. И как только она туда пробралась?

Катина мама нахмурилась и о чём-то задумалась.

Алёшина бабушка нагнулась, схватила кошку Мурку за единственное ухо и выкинула её на лестницу.

- Ну, мне пора идти, Наталья Ивановна, - сказала Катина мама. - Пойду Катю ужином кормить. А если Алёша у нас, я его сразу же пришлю.

- Ах, я так хотела бы, чтобы Алёша был у вас! - вздохнула бабушка. - Он приходит от Кати совсем другой.

- Не огорчайтесь, Наталья Ивановна, всё наладится, - сказала Катина мама.

Она толкнула дверь и стукнула кошку Мурку прямо по носу. Катина мама снова озабоченно нахмурилась.

- Вы только посмотрите на эту противную кошку, - сказала она. - Можно подумать, что она нас подслушивает своим единственным ухом. Да вот и ваш Алёша. Я же вам говорила...

Действительно, по лестнице спускался Алёшка.

Он шёл, подозрительно оглядываясь по сторонам. Глаза у него горели, а лицо было очень бледным.

Алёшка захлопнул дверь, но кошка Мурка успела проскочить у него под ногами. Она прошмыгнула в комнату, прыгнула в бабушкину хозяйственную сумку с продуктами и высунула голову, прячась за банкой со сметаной.

Бабушка прижала Алёшку к себе, поцеловала его и на минутку закрыла глаза. Она была так рада, что ребёнок жив и здоров и что с ним ничего не случилось.

- Телячьи нежности, - недоверчиво проворчал Алёшка.

- Алёшенька, - робко сказала бабушка, - я хочу с тобой поговорить по душам. Ну скажи, что тебя мучает? Поделись со мной, со старухой.

- Поделиться? - завизжал Алёшка. - Не буду я ни с кем делиться! Это моё!

Бабушка побледнела и без сил упала в кресло. Пружины кресла застонали, как будто им тоже было ужасно горько и тяжело.

- Что с тобой, Алёшенька? - прошептала бабушка и приложила руки к груди. - Ох, пожалуйста, накапай мне двадцать капель валерьянки.

- Двадцать капель? - засмеялся Алёшка. Глаза его холодно блеснули. - Какая хитрая! Вот плати денежки, по рублю за каплю, тогда накапаю.

- Что ты, что ты, Алёшенька? Опомнись!

- Плати!

- Ну возьми, - простонала бабушка. - Вон кошелёк на тумбочке.

Алёшка схватил кошелёк и потряс его над столом.

Из кошелька посыпались монеты. Алёшка стал бить ладонями по столу, стараясь поймать сразу все монеты. Одна монета упала со стола и покатилась по полу, делая большой круг.

Кошка Мурка выскочила из бабушкиной хозяйственной сумки. Хвост у неё был в сметане, а нос

украшала жёлтая роза из сливочного масла. Она бросилась на монетку, как ни одна настоящая кошка не бросается на настоящую мышь.

Но Алёшка отпихнул глиняную кошку ногой.

В это время на чердаке госпожа Жадность зашевелилась и стала ощупывать себя руками.

- я расту, расту! - захихикала она. - О?о?о... как быстро я расту! Как сверкают мои кольца и браслеты!

Её голова упёрлась в крышу. Крыша затрещала, ноги госпожи Жадности вылезли наружу.

На чердак, стуча лапами, вбежала кошка Мурка.

- Он у бабушки все деньги из кошелька взял! - замяукала она. - Сама видела! Дай мне за это хоть одну монетку!

mir-knigi.org

Из тёмного угла выскочили ещё две кошки-копилки.

- И нам тоже! И нам тоже! - закричали они. - Мы голодные! Пустые! У нас ни копейки нету! Ты нам уже два месяца жалованья не платишь. Небось для своего Алёшеньки ты ничего не жалеешь. И конфеты ему даёшь, и деньги, и велосипед. А ещё Жадностью называешься!

- Ха-ха-ха, - захохотала госпожа Жадность.

От её громового смеха кошки-копилки бросились врассыпную, а мыши с писком разбежались по углам.

- Ах вы, глиняные мозги, ничего вы не понимаете! Что я ему даю, всё ко мне же и возвращается. Вот он, мой велосипед. Тут стоит. Вот они, мои денежки. Да он ещё бабушкины деньги сюда принесёт. Вот! - Госпожа Жадность с трудом перевела дух. - А потом, глядя на него, все ребята тоже начнут жадничать. Ведь жадность - это как болезнь, она заразная. Вот так понемногу, помаленьку все люди на земле станут жадными. А я буду всё расти, расти. Я стану больше этого города. Буду лежать, огромная, как гора. Все люди станут моими рабами! Тогда вы уже не будете безработными копилками!

- Ничего у тебя не выйдет, - фыркнула кошка Мурка. - У твоего Алёшки есть девчонка Катя. Он как с ней поговорит, так ты сразу меньше становишься, а в кольцах уже не бриллианты, а стекляшки.

Глаза госпожи Жадности злобно блеснули.

- Это хорошо, глиняная Мурка, что ты напомнила мне о девчонке! Пора, давно пора с ней разделаться. Сегодня днём я слышала, как она пела песенку. У неё переливчатый, звонкий голосок. Но я доберусь до неё и до её песенок!

Глава девятая

о том, как в Катиной комнате протёк потолок

Был вечер. На улице шёл дождь.

А на кухне плакала бабушка.

Она сидела за столом, положив голову на руки, и плакала. Вокруг на столе с грустным видом стояли невымытые чашки и тарелки.

«Вот возьму и пошлю телеграмму, - думала бабушка. - На то они и родители. Пускай приезжают. Напишу так: «Выезжайте немедленно. Алёшенька тяжело заболел». Нет, так нехорошо получится. Они испугаются, разволнуются. Лучше напишу так: «Выезжайте немедленно. Алёшенька здоров». Нет, и так нехорошо... Да и денег у меня на телеграмму, кажется, уже не осталось. Алёша всё забрал».

А Алёша между тем ходил по комнате и не находил себе места.

Ему было тоскливо и холодно. Он натянул на себя свитер, а сверху надел куртку, но всё равно не согрелся. Как будто острый кусочек льда, неведомо как, попал ему в грудь и теперь совсем заморозил его сердце.

За мокрым окном было темно и уныло. Только под фонарём было видно, как круглые пустые пузыри скачут по лужам.

- Надо к Катке зайти. Пускай отдаёт мой гвоздь, - решил Алёшка. - А потом можно и на чердак сходить. Деньги посчитать.

Алёшка заглянул на кухню. Бабушка всхлипывала, её плечи вздрагивали.

Алёшке стало её жаль. Захотелось подойти к ней, сказать что-нибудь такое, от чего она

перестала бы плакать и улыбнулась.

Он постоял немного в дверях, но так ничего и не придумал.

Почему-то ему стало ещё холоднее и тоскливее.

Алёшка вышел на лестницу и поднялся на шестой этаж.

Катя сама открыла ему дверь.

- Как хорошо, что ты пришёл! - обрадовалась Катя. - Понимаешь, мама на работе, а у нас беда: потолок протекает. Наверно, в крыше дыра. Прямо не знаю, что делать.

Она схватила Алёшку за руку холодной мокрой рукой и потащила за собой.

- Вот, - сказала Катя и показала на потолок.

По потолку растеклось большое зелёное пятно, похожее на толстую лягушку. И как будто эта лягушка только что вылезла из пруда, потому что с неё всё время капала вода. Стол был сдвинут с места. А на столе стоял таз.

Кап! Кап! - звонко стучали капли, падая в таз. Словно они были стеклянные и разбивались.

- Отдай гвоздь, - тихо сказал Алёшка.

- Чего? - переспросила Катя, ползая по полу и собирая тряпкой воду. - Тебе гвоздь нужен? Выдвини вон тот ящик. Там большие и маленькие. Бери, какие тебе нужно. А я сейчас на чердак схожу. Посмотрю, откуда это льёт.

Алёшка открыл ящик и схватил полную горсть гвоздей, сколько мог удержать. Но вдруг он разжал руку, и гвозди с грохотом упали обратно в ящик.

- Нет, нет, не ходи на чердак, - поспешно сказал он. - Тебе туда нельзя. Чего там хорошего?

- А ты посмотри, как льёт, - с огорчением сказала Катя. - Я схожу на чердак, а потом позвоню... Пусть починят. Только куда звонить? Уже поздно, наверно, никого нигде нет.

- Постой, погоди! Я сам схожу.

- Вот спасибо, - обрадовалась Катя. - А то там темно. Я боюсь. Я знаешь какая трусиха! Посмотри, таз уже почти полный.

Катя обеими руками взяла таз с водой и осторожно, чтоб не расплескать, понесла его из комнаты.

Вдруг кто-то тихонько постучал по стеклу.

Алёшка выглянул в окно и увидел госпожу Жадность.

Она стояла на пожарной лестнице, уцепившись за крышу своей длинной рукой. Капли дождя стекали с её лица.

Алёшка испуганно оглянулся и приоткрыл форточку.

- Сокровище моё, лапочка! - прошептала госпожа Жадность. - Я хочу открыть тебе тайну!
- Тайну? - заинтересовался Алёшка. - Это какую ещё тайну?
- Великую тайну! - Госпожа Жадность посмотрела в сторону, будто боялась, что кто-то их подслушает.
- Ну!
- Знаешь старый дуб за домом? Такой высокий, а в нём дупло. Ему, наверно, лет триста, а то и больше.
- Кто же его не знает! Ну!
- Так вот, радость моя! Только тсс!.. Никому ни словечка. Под этим дубом разбойники закопали клад.
- Клад?! - обомлел Алёшка. - Настоящий?
- А то какой же! - быстро заговорила госпожа Жадность, острым языком облизывая губы. - Это давно было, даже и не помню когда. Все разбойники уже состарились, поумирали. А сундучок так и остался под дубом.
- А не врешь?! - задохнулся Алёшка.

- Да разве я тебя когда-нибудь обманывала? - обиделась госпожа Жадность и с упрёком посмотрела на Алёшку своими страшными, чёрными, как дыры, глазами. - Клад самый что ни на есть настоящий. Будь здоров какой клад! Сундучок обит медью, как и полагается. А в нём золотые монеты: дублоны, дукаты, пиастры. Так они в старину назывались. Я тебе даже лопату под дубом оставила. Колай себе на здоровье. Ты же мне как внучок, правда? Сундучишко заперт, само собой. Держи ключ, радость моя, птичка моя, солнышко!

Госпожа Жадность кинула в форточку ключ. Алёшка не смог поймать его, так дрожали руки. Он наклонился, схватил ключ, зажал в кулаке.

- Только Катке не говори, - прошипела госпожа Жадность, прикивая к форточке. - А то она у тебя все монеты выманит. Накупит себе всяких платьев, туфелек, серёжек. Ну, лучше с ней вообще не говори. А то скажешь нечаянно: клад, или сундучок, или монеты... Она и догадается. Девчонки - они хитрые.

- Да я ей ничего не скажу. Ни словечка. Молчать буду для верности, - задыхаясь проговорил Алёшка.

- Поторопись, миленький, - прошептала госпожа Жадность. - Пока дождь идёт. Во дворе пусто, никто тебя не увидит.

Алёшка, забыв обо всём на свете, бросился из комнаты.

Он пробежал мимо Кати, которая с пустым тазом шла из ванной. Глаза у Кати стали очень большие и очень грустные. Но Алёшка не обратил на это внимания. Он выскочил на лестницу, его каблуки быстро-быстро застучали по ступенькам.

- Всё равно клад мне достанется, - захихикала госпожа Жадность, с трудом взбираясь на чердак по пожарной лестнице. - Куда он с золотыми дублонами да пиастрами сунется?

С ними даже в булочную не пойдёшь. Пакета молока не купишь...

Глава десятая

о том, что случилось с Катей на чердаке

Катя, держа в одной руке ведро, а в другой тряпку, поднялась на чердак.

Там было темно. Слабо светила лампочка, затянутая паутиной.

Катя поставила ведро, положила в него тряпку и стала оглядывать чердак. Сбоку на потолке она увидела большую дыру.

Тук-тук-дзынь!.. – стучали капли дождя и мелкими брызгами разлетались по чердаку.

И вдруг Катя испуганно вскрикнула и попятилась. Да и кто бы на её месте не испугался! Она увидела лежащую поперёк чердака огромную госпожу Жадность. Катя прижала дрожащую ладошку к губам.

Госпожа Жадность с улыбкой посмотрела на Катю. От её улыбки Катя побледнела и сжалась в комочек.

- Не бойся меня, милая девочка, – услышала Катя сладкий, приторно-ласковый голос. – Ну, подойди ко мне ближе! Ближе, ещё ближе... Нам давно пора познакомиться. Я – госпожа Жадность!

Катя повернула назад и бегом бросилась к двери. Но госпожа Жадность протянула свою длинную-предлинную руку, захлопнула дверь и прижала её пальцами.

- Послушай меня, девочка. Я не сделаю тебе ничего плохого. Наоборот, я сделаю для тебя много хорошего, – сказала госпожа Жадность и улыбнулась. Она изо всех сил старалась казаться ласковой и доброй. – Но только ты не должна смотреть на меня своими светлыми глазами. Это мне очень неприятно. Я могу даже заболеть от этого. И не надо меня бояться.

- А я вас не боюсь, – тихо сказала Катя, хотя на самом деле ей было ужас как страшно.

- Алёшка – мой! Он мне самой нужен, понимаешь? – продолжала госпожа Жадность. – А тебе он совсем ни к чему. Посмотри, сколько хороших ребят у вас в классе. Они все благородные, добрые. Да что там в классе – на каждом заборе всегда найдётся пара хороших, смелых мальчишек. Зачем тебе Алёшка? Он плохой, жадный.

- Он не плохой. Его бабушка забаловала, – еле слышно прошептала Катя.

- Нет, плохой. Я его лучше знаю, – ухмыльнулась госпожа Жадность, тяжело подползая поближе к Кате. – Только не смотри на меня своими ясными глазами. Слышишь? У меня от этого заболит голова.

Катя послушно опустила глаза и стала смотреть на пыльный пол чердака.

- Дай честное слово, что больше не будешь дружить с моим Алёшкой! Поклянись, что ты больше не будешь с ним разговаривать и вместе учить уроки!

Катя попятилась и заморгала глазами.

- За это я награжу тебя! - проговорила госпожа Жадность. - Ты будешь самой богатой девочкой на свете. У тебя будут самые красивые платья. И банты всех цветов радуги. Все твои подружки лопнут от зависти.

- А я не хочу, чтобы они лопнули, - прошептала Катя.

- я ничего для тебя не пожалею!

Госпожа Жадность щёлкнула пальцами.

В ту же минуту в воздухе вокруг Кати что-то заблестело. Она почувствовала, как что-то холодное и тяжёлое пригибает её голову книзу.

Катя посмотрела в тусклое, расколотое зеркало - на голове у неё была корона.

Катя сняла корону. Она была вся золотая, а прозрачные камни на ней блестели так, что глазам стало больно. Катя повертела корону в руках, не зная, куда её девать.

- Теперь надень ещё это кольцо! - с торжеством прошипела госпожа Жадность. Она протянула свою длинную руку. На её кривом пальце болталось сверкающее кольцо. - Только обещай, что ты никогда ни слова не скажешь моему Алёшке!

- Нет, скажу! И дружить с ним буду! - Голос Кати неожиданно зазвенел. - А когда мы подрастём, мы, может, ещё поженимся. Вот! Забирайте вашу корону, она мне не нужна нисколько! Её лучше в музей отнести. И бусы ваши возьмите. А я с Алёшей...

- Ах ты, маленькая негодяйка! Тогда ты погибнешь! - завизжала госпожа Жадность, хватая Катю своей огромной рукой. - Я не отдам тебе мальчишку. Он мой, мой!

- Помогите! - отчаянно закричала Катя, изо всех сил стараясь вырваться. Но рука госпожи Жадности была холодной и твёрдой, как камень. - Алёша! Алёша!.. Ой!..

Глава одиннадцатая,

и последняя, в ней ты узнаешь, чем кончилась вся эта удивительная история

На улице всюду хлестал дождь.

Алёшка, перескакивая через лужи, полные пузырей, добежал до старого дуба. Под ним был кружок сухой земли, а на скамейке всего несколько тёмных мокрых пятнышек. Алёшка перевёл дух.

А может, и хорошо, что такой ливень. Во дворе пусто, ни души. Самое милое дело копать клад в такую погоду.

Небо разорвала яркая молния, похожая на серебряное дерево. Сразу вслед за ней обрушился гром, похожий на грохот камней. Всё вокруг потемнело. В некоторых окнах зажглись разноцветные люстры.

Алёшка прижался к дубу. Дуб был сухой, корявый и, как показалось Алёшке, – добрый.

Так, интересно, а чем копать? Не руками же! В тот же миг Алёшка увидел большую лопату с гладкой, словно отполированной, длинной ручкой. Она стояла под дубом; просто удивительно, как он её сразу не заметил! Алёшка вонзил лопату в землю между корнями. Надо быстрее, пока никто не видит. Во все стороны полетели комья земли и кучки тощей городской травы.

«Буду копать, пока не найду, – подумал Алёшка, изо всех сил налегая на лопату. – Пусть всё тут перекопаю».

И вдруг лопата звякнула, наткнувшись на что-то твёрдое. Алёшка опустился на колени, стал дрожащими руками выкидывать землю из ямы.

Показалась деревянная крышка, обитая по углам медью. Алёшка поднатужился и вытащил из ямы старинный сундук. Подгнил, конечно, но так и должно быть. Он, может, сто лет пролежал в земле, а то и тысячу. Это уже вряд ли, но всё равно, сразу видно – старинный сундучок, настоящий разбойничий. Вон как в нём монеты звенят. Того и гляди, развалится на мелкие дощечки, до того старинный!

Алёшка попробовал открыть сундучок – заперт. Сердце Алёшки билось так, будто хотело вдребезги разнести рёбра. Он сунул ключ в замочную скважину. Крышка откинулась с неожиданным музыкальным звоном.

Алёшка заглянул в сундучок – оттуда брызнул золотистый свет. Сундучок был полон старинных монет, больших и маленьких.

Неожиданно по небу полоснула молния. Алёшке показалось, что она целится прямо в него. Он испуганно сжался.

«Чего я, честное слово, я не вор какой-нибудь, своё копаю. Мне тётка Жадность подсказала, где клад зарыт. Она – добрая... для меня», – подумал Алёшка и почему-то вспомнил Катю. А, не до неё сейчас.

Главное – сундучок на чердак перетащить. Пусть его там госпожа Жадность стережёт. Она к нему никого не подпустит.

Алёшка попробовал приподнять сундучок, и тут же в щели полились монеты, мешаясь

с мокрой землёй.

Алёшка торопливо сгрёб монеты, прямо вместе с комьями земли и травой, сунул в карман.

Где-то грохнула входная дверь. Алёшка испуганно оглянулся, навалился животом на сундучок, закрывая его.

Мимо прошёл сердитый старикашка. В одной руке палка, в другой раскрытый зонт. На носу тёмные очки. И зачем ему очки в такой дождь?

Старичок ткнул палкой в яму и сказал недовольным голосом:

- Не понимаю, зачем это роют во дворе такие глубокие ямы? Надо пожаловаться...

Старичок, разбрызгивая палкой воду, прошёл мимо, обходя лужи.

«Куда же спрятать сундук? - в растерянности подумал Алёшка. - Если я его на чердак понесу - развалится по дороге, это уж точно! Что же придумать? Делать нечего, придётся, видно, мой сундучок до поры до времени опять под дубом закопать. А что? Потом приду как-нибудь ночью, когда луны не будет. С мешком, с фонариком...»

Алёшка с нежностью погладил крышку сундучка. Потом тяжело вздохнул и опустил его обратно на дно ямы. Кинул первую лопату земли, вторую. Нет, надо закопать его как следует. Разровнял над ним землю. Потом лопатой поддел кусок дёрна, положил сверху. Теперь никто не догадается, какое тут богатство спрятано.

Сполоснул в луже лопату и снова прислонил её к дубу как стояла.

Дождь лил не переставая. Алёшка стоял под дубом, и на него падали тяжёлые редкие капли с листьев.

Ему стало вдруг тоскливо и холодно. Куртка на плечах промокла насквозь. Как-то пусто на душе, будто ничего не случилось и вовсе он не откопал клад.

И вообще...

Тут Алёшка вспомнил о госпоже Жадности и помрачнел ещё больше.

- Надо было мне всё-таки с Катькой пойти, - пробормотал он. - Зря я её одну отпустил. Девчонка всё-таки. Испугается ещё с непривычки...

Алёшка стал неохотно подниматься по лестнице, волоча ноги.

На третьем этаже около батареи сидела кошка Мурка. Она пристально посмотрела на Алёшку круглыми пустыми глазами.

Алёшка прошёл мимо неё и услышал, как она тяжело затопала по ступенькам вслед за ним.

На пятом этаже сидели три кошки-копилки. Они проводили Алёшку подозрительными взглядами и тоже запрыгали вслед за ним по ступенькам.

На шестом этаже восемь кошек-копилок преградили ему путь. Алёшка перешагнул через них и подошёл к лестнице, ведущей на чердак. И тут он увидел, что на каждой ступеньке сидит не меньше десяти кошек.

Они сидели рядами и угрюмо, недобро смотрели на Алёшку.

Алёшка потоптался на месте, не зная, куда ему поставить ногу.

- Да что вы, с ума посходили, что ли? - сказал он. - А ну пропустите!

- А Катя уже домой пошла... Она уже чай пьёт... Она уже спать легла... - наперебой замяукали кошки-копилки.

- Ну и ладно, - пробормотал Алёшка. - И я пойду полежу. Устал что-то. Не привык я ещё клады откапывать.

Он махнул рукой и стал спускаться вниз.

Кошки-копилки с довольным мурлыканьем запрыгали вслед за ним.

И вдруг Алёшке показалось, что кто-то его зовёт. Так тихо-тихо, еле слышно, совсем слабо.

Алёшка снова повернулся к лестнице. У кошек-копилок злобно блеснули глаза. Они загородили ему дорогу и громко застучали глиняными хвостами по ступенькам.

«Что их, бешеная собака перекусила, что ли?» - подумал Алёшка и остановился.

- Алёша! - услышал он опять чей-то тоненький голос.

- Да это же Катька! - в ужасе воскликнул Алёшка и не глядя прыгнул вперёд.

Глиняные кошки шарахнулись в стороны.

Алёшка опрометью взбежал по лестнице и распахнул дверь на чердак.

Он увидел Катю. Она из последних сил вырывалась из рук госпожи Жадности.

- Как ты сюда попал, моё сокровище? - с затаённой злобой проворчала госпожа Жадность. - Проклятые кошки! Глиняные головы! Ничего им нельзя поручить!

- Отпусти её сейчас же! Слышишь! - заорал Алёшка, бросаясь к Кате.

Но госпожа Жадность одним пальцем без труда оттолкнула Алёшку:

- Ну, ну, потише! Скажи, зачем она тебе, моё сокровище? Смотри, сколько я тебе дала: и конфеты, и велосипед, и ещё клад бесценный. Неужели ты не отдашь мне за это какую-то жалкую девчонку?

- Она не жалкая! - Алёшка бросился на госпожу Жадность и попробовал разжать её ледяные каменные пальцы. Но госпожа Жадность только ещё крепче стиснула Катю. Алёшка увидел Катину запрокинутое бледное лицо. - Не нужен мне твой велосипед и клад тоже не нужен! Отпусти Катьку! Слышишь? - не своим голосом закричал Алёшка.

Госпожа Жадность заскрежетала зубами от ярости:

- Как? Тебе не нужен клад? Настоящий клад, золотые монеты?.. О, что со мной? Я уменьшаюсь! Это всё девчонка, она, она во всём виновата! Нет, пора с ней покончить. Эй, голодные мыши, берите себе эту девчонку! Берите, хватайте её, это ваша добыча!

Из тёмных углов показались мыши.

Они оскалили острые зубы, зашевелили длинными усами. Их было великое множество, не сосчитать. Целая армия мышей. Со всех сторон они двинулись к Кате.

Самая большая, самая старая мышь уже поставила свои лапы на Катину туфельку.

- Ай! - закричала Катя.

- Сейчас, Катька, погоди!

Трясущимися руками Алёшка схватил за углы наволочку и встряхнул её. Из наволочки посыпались разноцветные конфеты. На пол плоско скользнули плитки шоколада в ярких обёртках.

- Мыши, мыши, сюда! - закричал Алёшка. - Я дам вам конфет и шоколада!

Алёшка стал хватать конфеты целыми пригоршнями и разбрасывать их по полу.

Мыши запищали тонкими голосами и бросились на конфеты. Они прыгали, стегали друг друга длинными хвостами. Пять мышей подрались из-за одной плитки шоколада, а старая, беззубая мышь набрала полный рот конфет и металась по чердаку с вытаращенными глазами.

- Что ты делаешь? Зачем ты отдал конфеты? - отчаянным голосом закричала госпожа Жадность. - Смотри, как я похудела! О, мои драгоценные камни! Они тускнеют, гаснут...

Алёшка посмотрел на госпожу Жадность и увидел, что она и вправду стала гораздо меньше. Она уже не могла стоять на чердаке, вытянувшись во весь рост.

Катя перепрыгнула через десяток мышей и бросилась к Алёшке.

- Эй, кошки-копилки! - взвизгнула госпожа Жадность. - Держите девчонку! Не пускайте её к мальчишке!

Кошки-копилки преградили Кате путь. Катя споткнулась и упала. Кошки-копилки навалились на неё, прижали руки к полу. Глиняная Мурка с победным видом вскочила Кате на спину.

- Всё! Попалась девчонка! Теперь не выпустим, - приплясывая, зашипела кошка Мурка.

- Сейчас, Катька, я тебе помогу! - в отчаянии крикнул Алёшка.

Он с усилием поднял бабушкину клетчатую сумку и вытряхнул из неё все деньги. Монеты со звоном и дребезгом посыпались на пол. Кошки-копилки обернулись на этот звук.

- Вот вам ещё, берите! - Алёшка вытащил из карманов золотые монеты и швырнул их кошкам-копилкам. - Это настоящие, разбойничьи... Из сундука...

Ох, что тут началось!

Кошки-копилки, забыв обо всём на свете, бросились подбирать деньги. Они дрались из-за каждой монетки и били друг друга толстыми лапами.

Кошка Мурка и кошка Дашка стукнулись лбами и раскололись на кусочки. От них остались только грубые глиняные черепки. Монеты, которые они проглотили, посыпались

на разошедшийся пол и закатились в щели между досками.

- Катька, давай к двери! Бегом! - закричал Алёшка.

- Эй, кошки-копилки! - в ярости завопила госпожа Жадность. - Не упустите девчонку! Хватайте её, не то убежит! Ну, чего вы стоите?

Но кошки-копилки только сыто замурлыкали и вяло зашевелили лапами. Они так набили животы монетами, что больше не могли сдвинуться с места.

- А, проклятый мальчишка! - взвизгнула госпожа Жадность. Да, что и говорить, она стала гораздо меньше. Но даже и сейчас она была раза в три выше Алёшки. - Ты обманул меня. На самом деле ты вовсе не жадный. Но у меня ещё хватит сил! Ты не отдал мне эту девчонку и за это погибнешь!

- Нет! Нет! Я не хочу! - громко зарыдала Катя, обхватив руками Алёшку.

Но госпожа Жадность схватила Алёшку и подняла его под самый потолок.

- Всё равно я Катю не отдам! - отбиваясь изо всех сил, закричал Алёшка. - Лучше погибну!

Что тут случилось!

Госпожа Жадность пошатнулась и выпустила Алёшку. Её лицо позеленело от злобы.

В бессильной ярости она подняла кверху стиснутые кулаки, а сама прямо на глазах стала уменьшаться, сжиматься, таять... Она стала совсем маленькой, прозрачной, драгоценности рассыпались в прах.

- Зачем, зачем ты сказал эти ужасные слова? - прошептала госпожа Жадность, голос её угасал, звучал всё тише и тише. - Ведь жизнь - это самое дорогое на свете. А ты согласился отдать её ради какой-то девчонки. Ты погубил меня...

Голос Жадности затих. Она превратилась в тёмную струйку дыма и улетела в большую дыру, которую сама же проделала в крыше.

Алёшка и Катя долго стояли рядом, в изумлении глядя на пустое место, где только что стояла госпожа Жадность.

- Ой, Катя, - сказал Алёшка, который не очень-то любил молчать. - Посмотри, ничего нет. Ни конфет, ни велосипеда. И кошек-копилочек нет. Одни черепки валяются.

И правда, на чердаке было пусто. Только из чёрных нор кое-где ещё торчали измазанные шоколадом острые мышьи морды.

Алёшка толкнул раму. В открытое окно влетел свежий воздух, полный запахов мокрой земли, листьев, освежённой травы.

Он увидел под старым дубом глубокую пустую яму, из неё, извиваясь, поднималась струйка чёрного дыма. Лопата тоже исчезла.

«Всё, нету клада, ну и пусть, - легко подумал Алёшка. - Главное, что Жадность пропала, а без клада я уж как-нибудь проживу...»

- Ты о чём задумался? - Катя заглянула ему в глаза. - Пошли скорее отсюда. Я знаешь какая трусиха!

Алёшка засмеялся и взял Катю за руку.

- И в театр завтра пойдём. Правда? - улыбнулась Катя.

Алёшка и Катя, взявшись за руки, пошли с чердака. А на верхней площадке лестницы с бледными лицами стояли Алёшкина бабушка и Катина мама.

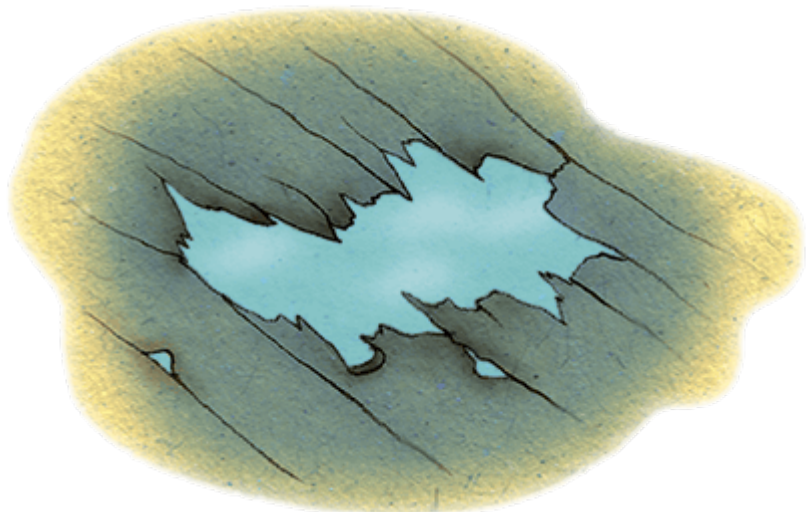
- Господи, Алёшенька, что случилось? - дрожащим голосом спросила бабушка.

- Зачем вы пошли на чердак? Прихожу, дверь в квартиру настежь... - сказала Катина мама.

- Там в крыше дыра, - сказал Алёшка.

Бабушка и Катина мама посмотрели на Алёшку с большим удивлением, потому что у Алёшки было такое счастливое лицо, как будто он сообщил им не о дыре в крыше, а о чём-то очень-

очень хорошо, что случилось в его жизни.

Тайна забытого чердака

mir-knigi.org

Глава первая

Сундучок

Дело дрянь! Надо решаться!

Но то, что Сашка задумал, почему-то нельзя было сделать дома. Нельзя, и всё. Сашка сам даже не знал почему.

И вот его словно каким-то ветром занесло в тёмный подъезд Катькиного дома. Это был, наверно, самый старый дом в их городе. Только церквушка на том берегу реки, напротив стадиона, была, наверно, ещё старинней.

Сашка попробовал пристроиться к высокому пыльному окну, где в паутине брыкалась и уныло жужжала муха.

Но по старой Катькиной лестнице всё время без толку ходили какие-то люди. Одни вверх, другие вниз. И уже две какие-то старушки подозрительно оглядели Сашку. Потом они с понимающим видом переглянулись и обе покачали головами.

Нет, здесь было неподходящее место. Сашка боялся: только он откроет портфель, тут же из-за его плеча вылезет чей-нибудь длинный нос: «А ты чем тут занимаешься, мальчик, а?а?»

Сашка стал подниматься вверх по лестнице. Но всюду за дверьми были люди. Они смеялись, разговаривали, что-то заколачивали.

Невольно став на цыпочки, Сашка осторожно прошёл мимо двери, на которой висела табличка:

«Зубной врач Петрова. Лечение и удаление зубов без боли».

По спине пробежал неприятный холодок.

Из-за двери, обитой толстой чёрной клеёнкой, до Сашки донёсся гнусный скрежет бормашины и чей-то стон.

- И нисколечко не больно, - проскрипела доктор Петрова.

Никакая клеёнка не могла заглушить её голос.

Сашка поднялся на самый верх.

Здесь была только одна дверь, забитая грубыми, шершавыми досками. Сашка отодрал доску, державшуюся на ржавом гвозде, и боком пролез на чердак.

На чердаке царил темнота. Свет еле-еле проходил через полукруглое окно, похожее на кошачий глаз.

Из темноты отовсюду вылезал какой-то хлам. От пыли и паутины всё казалось косматым и лохматым.

Велосипед с одним колесом обнял рулём сломанный стул. Сбоку к нему пристроилось потухшее зеркало.

В глубине под досками что-то слабо блестело. Что-то круглое, металлическое. Сашка изо всех сил вытянул шею. Не разберёшь: не то самовар, не то рыцарский шлем.

Сашка осторожно протянул в темноту руки и тронул пыльные доски. Неслышно рвалась под пальцами паутина. Кто-то маленький, у кого было очень много ног, побежал по Сашкиной руке прямо в рукав. Сашка яростно затряс рукавом.

Да... Этот чердак не простой! А чего удивляться? В Катькином доме и чердак должен быть не такой, как у других. Порыться бы тут неплохо. Но только не сейчас. Сейчас не до этого.

Сашка сел на ящик у окна. Вернее, это был не ящик, а какой-то старый, хлипкий сундучишко. Он пронзительно скрипнул да весь так и заходил под Сашкой, как живой, когда тот на него уселся.

Со вздохом, похожим на стон, Сашка вытащил из портфеля дневник и раскрыл его.

Сердце тоскливо сжалось.

Вот она, проклятая! Двойка. Стоит себе как миленькая. Такая закорючка, а всю жизнь человеку портит.

А ведь до этого всё было просто прекрасно. До Сашкиного дня рождения оставались всего пятница и суббота. Надо было только их как-нибудь прожить, протерпеть, и всё. Ну, спать, что ли, побольше, чтобы время поскорей прошло.

А в воскресенье папа обещал покатать весь Сашкин пятый «А» на своём катере «Степан Разин». Папа был там капитаном.

И Сашка миллион раз представлял себе, как он стоит на носу катера рядом с Катей. Лёд сошёл совсем недавно. Ещё вполне может пойти дождь, а то и снег.

Он дождётся, когда Катя как следует промёрзнет, задрожит, как овечий хвост, и её знаменитая чёлка намокнет.

Тогда он снимет с себя и отдаст ей всё: и шарф, и пальто, и шапку. И Катя поглядит на него своими светлыми взрослыми глазами.

А может быть, и спасти её удастся. Вдруг повезёт, и она свалится за борт. В крайнем случае дать ей как-нибудь пинка незаметно. Борька начнёт кричать, придумывать что-нибудь умное. А Сашка нет, он думать не будет. Он раз за борт – и спасёт. А когда уж он её спасёт, всем будет наплевать, как она там очутилась.

Но теперь всё лопнуло. Потому что папа был просто какой-то ненормальный с этой математикой.

Нет, это не зря говорят, что понедельник – самый несчастный день. Контрольная была как раз в понедельник. И вот пожалуйста – двойка.

Сашка проглотил колючую слюну. Он решительно вытащил из пенала ластик, потёр грязный уголок о штанину и, задержав дыхание в груди, осторожно стал стирать двойку.

Стирать её надо было ой как осторожно. Бумага так и сходила плёнками.

Сашка поёрзал на сундуке, чтобы усестся поудобней. Но вдруг под ним что-то хрюкнуло, хрустнуло, подломилось, и Сашка ухнул вниз, прямо в сундучок, так что коленки оказались выше головы. Острая щепка упёрлась в бок. А слева был ещё гвоздь. Он прошёл через штаны и немного уже вошёл в Сашку.

Сашка глянул на дневник и с шипением втянул в себя воздух. На месте двойки чернела дыра.

Он яростно и бестолково забарахтался, стараясь вылезти из сундучка.

Сам всё испортил! Такой дневник и вовсе папе не покажешь. По этой дырке кто хочешь сразу обо всём догадается.

Наконец Сашка с трудом встал на ноги. Не выдержав, со злостью изо всех сил ударил сундучок ногой. Сухие звонкие доски развалились, разлетелись в стороны.

Вот тут-то Сашка всё и увидел.

На дне сундука горкой, одна на другой, лежали какие-то удивительные книги.

Книги были не простые. Это Сашка сразу понял. Наверно, таких ни в одной библиотеке не сыщешь. Разве только в музее.

Книги были старинные, даже совсем древние. С застёжками из меди, а может, и из золота. А уж толстые! Одна книжечка как папин портфель.

Двумя руками Сашка с трудом поднял верхнюю книгу. До чего ж тяжёлая! А пылищи на ней...

Сашка плюнул на обложку и растёр рукавом.

На старой тёмной коже блеснули глубокие золотые буквы. Сашка прочел:

«ПОЛНАЯ ВОЛШЕБНАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ»

Внизу блестели золотенькие буквы поменьше:

В шести томах
Том 1

Эти слова как-то не сразу дошли до Сашки и вдруг словно взорвались в нём. Сашка покачнулся. Его руки судорожно вцепились в книгу, будто она могла вырваться от него, удрать или улететь, как птица.

Тихонько, осторожненько, боясь дохнуть, Сашка открыл книгу. Буквы так и запрыгали у него перед глазами: тяжёлые, красивые, все в завитушках.

- «Ведь-ма о?бык-но-вен-ная», - по складам прочёл Сашка. В голове было пусто и гулко. - Ух ты! Ведьма! А в скобках вон ещё написано: «На помеле и без помела». «Волшебники добрые». «Волшебники злые». «Вруны и враньё». И ещё стихи какие-то.

Не веря своим глазам, Сашка прочёл:

- Волки, войте на луну!
Раки, ползайте по дну!
В полночь каркнет вороньё,
И станет правдой всё враньё!
Окер-покер,
Доминокер,
Спин-спан,
Мускидан.

Этот «окер-покер» вдруг как-то остро огорчил Сашку. Он как-то всё испортил. Из-за него всё сразу стало каким-то дурацким, несерьёзным. Разве так должно быть, если всё настоящее, волшебное?

Сашка стал читать дальше:

«Примечание I. О врун! Твоё враньё станет правдой, только если тебе поверят. Если тебе не поверят, твоё враньё останется просто враньём.

Примечание II. О несчастный! Если ты, сгибаясь под тяжестью вранья, захочешь, чтобы всё было опять как прежде, то...»

Дальше почти ничего нельзя было разобрать. Низ страницы был весь в дырках и пятнах. Как будто книгу грызли мыши. Да ещё к тому же кто-то из волшебников читал её за обедом и переворачивал страницы жирными пальцами.

Сашка с трудом прочёл:

- Мне свидетель звёздный Лев,
Свет Стрельца и Водолея!
Волшебства сломай печать!
Только жи... не жа...
И себя преодо...
Смо... сно... всё на...

Нет, ничего толком не разберёшь, особенно последние строчки.

Но Сашка не стал ломать голову, догадываться, что там написано. Подумаешь, звёздный Лев какой-то... Чепуха!

Главным было совсем другое. Волшебство! Неужели и вправду... оно существует?

Сашка задохнулся. Он шагнул к окошку, высунулся и жадно глотнул острого, холодноватого воздуха.

Он увидел пустой солнечный двор. Красный зонт переходил улицу. В доме напротив на балконе какая-то тётя с голыми руками, закутав голову тёплым платком, била палкой ватное одеяло. На карниз сел такой славный воробей. Потом прилетел раскормленный, жирный голубь.

Всё было совсем простое, обыкновенное. Да нету никакого волшебства. И быть не может. Это ещё Анна Семёновна в школе объясняла. Откуда ему взяться?

Сашка оглянулся во тьму чердака. Может, и книг нет никаких, просто померещилось?

Но нет. Старые книги по-прежнему лежали среди груды досок, всё так же важно и слабо поблёскивая из темноты медью застёжек.

Так... А их, что ж, выходит, просто так писали? Для шуточки?..

Нет... Может, оно всё же есть, это волшебство. Ну, не на солнышке, не во дворе, а ночью или тут на чердаке. А что? В этом доме прежде жил волшебник. Потом он умер, потому что волшебники ведь тоже умирают, и вещи его снесли на чердак. А может, он и просто так приходил сюда поколдовать, потому что при соседях неудобно. Похоже, что всё было именно так. Ну, а если это правда, то тогда, тогда...

Всё равно, как бы то ни было, а заклинание надо прочесть. Хотя бы на всякий случай...

Сашка не своим, каким-то охрипшим голосом прочёл:

- Волки, войте на луну!
Раки, ползайте по дну!
В полночь каркнет вороньё,
И станет правдой всё враньё!
Окер-покер,
Доминокер,
Спин-спан,
Мускидан.

Никогда Сашка так не старался. Даже когда читал в школе на вечере «Белеет парус одинокий». Его голос звучал как-то очень странно на чёрном чердаке. Вспугнутая темнота шевелилась в углах.

Сашка бережно закрыл книгу, положил её к остальным и сверху завалил досками. Ему показалось, что доски снизу слабо светились красноватым светом. Нет, это просто луч солнца как-то пробрался сквозь пыльное окошко и стрельнул в глубь чердака.

Сашка дрожащими руками сунул дневник в портфель, неуклюже пролез в щель и снова заложил её корявой доской.

Глава вторая

Великое разочарование

Сашка с трудом спускался по ступенькам. В ногах была какая-то дрожь и слабость.

На третьем этаже Сашка нос к носу столкнулся с Лёлькой, Катиной сестрой.

Вообще-то он этих первоклашек просто сметал со своего пути.

Он двигался прямо на них, как танк, и это уже было их личное дело – разбежаться, отскочить в сторону или попасть под танк. Он никогда на них и не глядел даже. Они все казались ему одинаковыми, на одно лицо.

Но Лёлька как-никак приходилась Кате сестрой. Поэтому Сашка один раз всё-таки поглядел на неё и вдруг ужасно её пожалел.

Она была совсем маленькая, наверное, меньше всех в классе, задохлик какой-то. С острым носом и прозрачными глазами. Двух верхних зубов у неё не хватало, и Сашка от этого жалел её ещё больше. Она вечно редела во дворе из-за всякой чепухи. Катя на это не обращала никакого внимания, даже головы не поворачивала, будто не слышала. Но у Сашки почему-то от её рёва

портилось настроение.

Сашка, конечно, стеснялся утешать её при Катьке. Но иногда он даже думал, что неплохо бы и ему как-нибудь обзавестись такой сестрёнкой.

- Ты грязный, - робко сказала Лёлька.

Сашка ударил себя руками по бокам, и из него во все стороны полетела пыль. Но он только рассеянно посмотрел, как она тает в воздухе.

«На Лёльке испробую... - вдруг решил Сашка. - Она подходящая... Она чему хочешь поверит. Ведь тут главное, чтобы поверили...»

- Лёлька, - с трудом выговорил Сашка. У него словно язык распух. - Я сегодня пятёрку по математике получил. Пятёрку.

Сашка напряжённо вглядывался Лёльке в лицо. Ему хотелось вдолбить в неё это слово.

- Пя-тёр-ку! - повторил Сашка.

Лёлька посторонилась, чтобы пропустить его. В её лице мелькнул испуг. Чего это он с ней разговаривает? Поговорит, а потом как наподдаст...

- Ой ты... - тихо сказала Лёлька и прижалась спиной к тёмной стене. - А я тройку по чистописанию...

Сашка бросился мимо неё вниз по лестнице.

«Поверила, поверила! - повторял он про себя, прыгая по ступенькам. - Она такая. Теперь всё. Теперь у меня в дневнике пятёрочка. Заполучил. Это уж точно!»

Портфель сразу показался ему тяжелее. Он словно увидел эту пятёрку, огромную, золотую, прямо во весь портфель.

Ручка портфеля так и жгла ему пальцы.

Сашка пулей вылетел во двор.

Во дворе было солнечно и тихо. Мимо уха сладко и сонно пропела пчела.

Сашка вломился в кусты, хрустя ветками, продрался к самому забору. Из-под куста, шипя, вылетела худая серая кошка, она держала что-то в зубах. Сашка так вздрогнул, что чуть не выронил портфель.

Голые, без листьев ветки плохо загораживали его. Конечно, его могли увидеть и с улицы, и со двора. Но Сашка не стал искать места поукромней. Он упал на колени и дрожащими пальцами стал расстёгивать и дёргать портфель. Вытащил дневник. Пальцы были как варёные. Толстые, нескладные. От нетерпения рот у Сашки пересох, будто он съел промокашку.

Дневник перелистывался невыносимо медленно.

Неделя.

Ещё неделя. Ну же, ну! Вот!

Сашка вяло выпустил дневник из рук. Никакой пятёрки не было и в помине. В дневнике по-

прежнему зияла треугольная рваная дырка. От разочарования и яркого солнца слёзы навернулись на глаза и потёк нос. Эх!.. Чему поверил! Океру-покеру! Вот Борька умный, он бы никогда не поверил... Если бы Катя узнала, во было бы смеху!

Познакомьтесь, пожалуйста, будьте любезны! Волшебник Саша Кукушкин из пятого «А»!

Весь класс бы под парты свалился.

Глава третья

Пятёрка по математике

Дома никого не было. Сашка прошёл на кухню. Тронул пальцем окоченевшие макароны на сковородке. Есть совсем не хотелось.

Прямо в ботинках лёг на диван.

Как уговорить папу? Конечно, если на это дело мобилизовать маму... Но всё равно, папа такие слова знает... Лучше ежа проглотить, чем их слушать.

Сашка повернул голову и в тоске укусил подушку.

В папа-маминой комнате зазвонил телефон. Сашка еле сполз с дивана. Он весь разъезжался в разные стороны, как тесто.

- Саша? - спросил знакомый, немного железный голос.

- Я, Анна Семёновна, - убито сказал Сашка. Чего ещё ей надо? Поставила двойку - проходи!..

- Родители дома? - спросила Анна Семёновна.

«Нажаловаться хочет», - ужаснулся Сашка.

Сашка с ненавистью представил себе её бледное полное лицо. А ведь когда он получал пятёрку, лицо Анны Семёновны почему-то казалось ему самым милым, самым удивительным на свете.

- Никого нет, ушли, - сказал Сашка.

- А когда я смогу их застать?

- Не знаю. У папы... неприятности на работе... - соврал Сашка. - У мамы... тоже... Нет, у неё приятности... К ней приезжает... ну это... брат! Она его десять лет не видела. Нет... двадцать. Она, знаете, забегалась... Не знаю, когда придут.

- Жаль, - уронила в трубку Анна Семёновна.

«Жалей себе на здоровье», - со злостью подумал Сашка.

- А я хотела рассказать Виктору Николаевичу о твоих успехах... Последнее время он всё волновался за математику. Ну, хорошо, ты сам расскажешь ему о сегодняшней пятёрке.

- О пятёрке?! - захлебнулся Сашка и сел на пол.

Телефонная трубка рыбкай выскользнула у него из рук и теперь покачивалась, вращалась на перекрученном шнуре перед самым его носом.

- Саша! Саша! - замирала Анна Семёновна в трубке. Потом слышались короткие гудки.

Значит, всё. Значит, так. Значит, если бы не дырка, то там была бы уже не двойка, а пятёрка. Получается, что волшебство всё-таки есть. Существует! Но если так... Тогда...

В дверях завозился ключ. Щёлкнула и скрипнула дверь.

- я просто забегалась... С ног сбилась... - сказала мама в передней. Голос был весёлый.

Мама вошла в комнату. Папа втащил за ней две раздутые сумки.

- Встать с полу! - сказал папа. Любит папка командовать. Никогда не скажет «встань с полу» - всегда «встать».

Сашка встал и тут же, как подкошенный, повалился на диван.

- Сашенька, телеграмму видел? - спросила мама.

Она взяла со стола какую-то бумажку и бросила Саше. Бумажка перепорхнула Сашке прямо в руки. Сашка развернул её и прочёл:

«Приезжаю пятого целую обнимаю Машу Виктора племянника Семён».

- Уж-жасно хочу видеть Семёна... - с наслаждением сказала мама. - Брат всё-таки, не кто-нибудь. Подумать только, десять лет не виделись, какое там, почти двадцать. Бродяга несчастный, по всему свету его носит. Наконец-то и мы дождались... удостоились... Мне, наверно, неделю надо, чтобы с ним наговориться.

Сашка в полном изумлении уставился на маму. Шутит она, что ли? Какой ещё брат? Она же всегда говорила: «Я одна дочка у мамочки».

Не может ведь волшебство на маму действовать, не должно. Это же ерундистика какая-то. Ну, ещё там на Анну Семёновну, на школу, на отметки. Это ещё туда-сюда. Но на маму? В этом было что-то неприятное для Сашки. Может, двоюродный какой?

- Интересно, сколько он здесь пробудет? - сказал папа. - А то мы его в воскресенье с собой утащим, а, Саш?

- Ты лучше за детьми смотри, - сказала мама. - Когда у нас на плотине экскурсия, мы прямо дрожим, чтобы дети куда-нибудь не попадали.

- Уж как-нибудь, - засмеялся папа.

«И пусть попадают», - подумал Сашка.

Сашка вообще-то их очень любил. И папу, и маму. Одинаково, ну, может быть, на одну только капельку маму побольше. Но сейчас они оба были какие-то ненастоящие, полупрозрачные. Как куски воздуха.

- И как нарочно, у меня сегодня выходной, - всё смеялась и радовалась мама. Она вынимала из сумки закорючки бананов, бутылки и консервы. - Виктор, и ты на работу не ходи. Отпросись

раз в жизни. А Семён, чудище лесное, не пишет, во сколько приходит поезд.

- Не знаю, - сказал папа странным голосом. Он держал себя пальцами за нос и рассеянно потягивал его то в одну сторону, то в другую. - Как они там без меня справятся, на погрузке?

- А ты что молчишь, Саша? - вдруг спросила мама и посмотрела на Сашку.

Сашка почувствовал, как в него упёрлись два горячих луча. Сашка хотел сказать что-нибудь, хотя бы «да» или «нет», но изо рта только вылетел негромкий сдавленный хрип.

- Саша, что случилось? - слабым голосом сказала мама и села на стул.

Мама никогда не кричала, как папа. С угрожающим видом, тяжело дыша, не расстёгивала ремень. Но она каким-то образом ухитрялась видеть Сашку насквозь, будто Сашка был стеклянным и прозрачным, как стакан.

Она догадывалась обо всём, доводя Сашку до иступления и отчаяния. А потом начиналось! Мама могла огорчиться из-за любой ерунды, на которую всякий нормальный человек попросту бы махнул рукой. Она могла даже назло Сашке взять и заплакать. Настоящими слезами. Достать носовой платок, всхлипывать и вытирать слёзы. Хотя прекрасно видела, что для Сашки это самая лютая пытка.

Сашка был живой человек. А ведь с живым человеком всякое случается. Те же двойки наконец. Ну зачем, зачем вообще о двойках говорить маме? Огорчать только.

Двойка должна быть великой тайной, о которой знают только двое: кто поставил и кто получил. Да мало ли что ещё бывает...

- Mamochka, - покаянно начал Сашка. - Ты только не очень...

- Мороженое! - вдруг вскрикнула мама и, выхватив из сумки белые пачки, побежала на кухню к холодильнику. А мороженое капало на пол крупными пухлыми каплями.

«Пронесло», - с облегчением подумал Сашка.

- Ну, - сурово сказал папа и сложил руки за спиной. - Я жду. Опять что-нибудь в школе?

Ну, с отцом было куда легче.

- Чего это мама... Всегда она... - проворчал Сашка, - у меня пятёрка по математике. Тебе даже Анна Семёновна звонила. Только тебя не было.

- Пятёрка? - расцвёл папа. - Вот это по-нашему. Молодец, парень. Маша! - крикнул папа на кухню. - Слышишь? Александр по математике пятёрку принёс.

- Можно погулять? - крикнул Сашка. На кухню он не пошёл, чтобы не рисковать. От маминых глаз лучше было держаться подальше.

- Пусть погуляет. Погода хорошая, - сказал папа.

- Ненадолго, - разрешила мама.

Глава четвёртая

Надо ещё подумать, о чём врать

Сашка шёл по двору и ничего не видел вокруг себя. Он бы мог сейчас налететь на скамейку, на забор, свалиться в яму. Если бы с неба сейчас грянул гром, он бы его просто не услышал.

Вокруг Сашки плескалось бурное море возможностей.

«Первое дело легковушку. «Волгу» или «Москвича» на крайний случай... – прикидывал Сашка. – Нет, это, пожалуй, не выйдет. Во?первых, никто не поверит, что она у меня есть. А если поверят, всё равно народ приставучий и привяжутся: «Откуда?» Ну ладно, тогда деньги. Много. Мешок. Скажу – клад нашёл. Тут уж никто не подкопается. Само собой, шоколад и мороженое – это уж ящиками. У мамы день рождения. Узнаю, чего ей хочется, и навру. Папе тоже что-нибудь навру. Хорошее...»

Тут Сашка споткнулся обо что-то и как будто проснулся. Он стоял обеими ногами в луже.

Конечно, лучше всего рассказать обо всём маме и дальше уже врать всем вместе. Всей семьёй. Это бы было просто замечательно. Но ведь с мамой каши не сварить. Она, конечно, огорчится, будет умолять не врать, Волшебную Энциклопедию сдадут в районную библиотеку, и всё будет кончено.

Сашка снова задумчиво зашлёпал по лужам.

Что-то мучило его во всём этом, что-то получалось не так хорошо и складно, как бы ему хотелось. Наверно, потому, что теперь у него была тайна. И теперь придётся скрывать от мамы не какую-нибудь ерунду, разбитое, там, окно или драный локоть, а то, что стало отныне самым главным в его жизни, – Волшебство.

И поэтому выходило, что папа и мама теперь вроде как лишние в его жизни и даже мешают.

«Мало ли что враньё! Враньё – оно тоже разное. Буду врать только про хорошее... – утешал себя Сашка. – Буду, как добрый волшебник...»

Конечно, можно наврать, что Борька поглупел. Пусть станет дурак дураком. Но Сашка этого не сделает. Он лучше наврёт кому-нибудь, что Катя обещала его поцеловать. Он подойдёт к ней, когда она будет совсем одна, и скажет так небрежно: «Если не ошибаюсь, ты мне что-то обещала?» Тут уж Кате не отвертеться. Или вообще наврёт, что Катя его любит. Пускай любит, жалко, что ли?

Сашка не выдержал и захохотал. И тут же получил в ухо.

Перед ним стоял Гришка.

Гришка был всего-то на каких-нибудь два обыкновенных года старше Сашки. Но это был Гришка, и его знали все на много кварталов кругом.

Про него ходили самые невероятные слухи: что он бреется, что он курит, что его лучший друг сидит в тюрьме за ограбление ларька. Вокруг него было всегда мёртвое пространство на длину вытянутой руки – он мог двинуть кулаком каждого.

Отца и матери у Гришки что-то не было видно. Наверное, они удрали от него, как только он родился.

Гришку воспитывала тётка, та самая, которую боялся весь двор, – зубной врач Петрова. И на Гришке лежала отталкивающая и пугающая слава его тётки. Тётка его была как судьба. Она принимала и на дому, и в поликлинике. И поэтому рано или поздно всех приволакивали к ней на приём. Гришка вырос под скрежет бормашины, наверно, потому он и стал таким. Он на всё вокруг смотрел со злобой, тоской и отвращением.

Сашка согнулся и прикрыл рукой лицо. Но не успел. Он получил второй удар прямо в зубы.

– Ты чего? Я к тебе лез, да? – с трудом выговорил Сашка эти вечные слова, которые всегда говорит в драке слабый.

Гришка повернулся и лениво зашагал к дому. Даже со спины было видно, что ему всё на свете противно.

Сашка попробовал губу языком и пальцами. Губа вздувалась всё больше и больше. Как будто под ней работал вулкан. Но Сашка тут же забыл о ней. Он вышел со двора, и ноги сами повели его знакомым путём – во двор к Кате.

Он ещё из-за забора увидел их обоих.

Катю и Борьку. Они сидели на рябой, облезлой за зиму скамейке.

«На кой они нужны, эти скамейки? – вдруг со злостью подумал Сашка. – Свезти их со всего города куда-нибудь на свалку и сжечь».

Катя и Борька сидели далеко друг от друга, на разных концах скамейки, но между ними на сухом местечке стояли их портфели, рядышком, прислонившись друг к другу.

Это почему-то показалось Сашке отвратительным, и, подходя к ним, он сбросил на землю Борькин портфель.

– Ну ты, полегче... – сказал Борька, как всегда наклоняя голову набок. Это она у него, наверно, от ума набок свешивалась.

– Что это у тебя с губой? – спросила Катя.

Чёрная с блеском чёлка падала Кате на самые глаза, и она, чуть выпятив нижнюю губу, ловко сдувала её в сторону.

– За Гришку зацепился, – небрежно ответил Сашка и сплюнул.

Катя усмехнулась и посмотрела на Сашку своими светлыми взрослыми глазами. Она в упор смотрела на его разбитую губу, рассматривала её... Будто в Сашке ничего другого интересного не было.

– Ха-ха-ха! – не засмеялся, а закричал Сашка. Ему совсем не было смешно. – А ты видела, что я с ним сделал? Отбивную котлету, компот! Он так! А я ему так! Он так! А я ему в нос!

Сашка прыгал и размахивал кулаками. Насмешка в глазах у Катьки угасла. Теперь она смотрела на него по-другому, внимательно и даже с интересом.

– А правда, мальчики, чего он задирается? Пройти нельзя. Вчера мою Лёльку-дуру в лужу пихнул.

- Теперь не попихается, - пообещал Сашка.

- А не врешь? - спросила Катя.

- Очень надо. Не веришь - спроси у его тётки. Она из окна всё видела. Как выскочит, даже пальто не надела, и прямо на меня. А я от неё. А она за мной. Думал, на куски разорвёт.

- Точно. Она такая, - убеждённо сказала Катя.

- «Разбойник! - закричал Сашка тонким голосом, изображая Гришкину тётку. - Мальчику моему, Гришеньке, нос разбил! Всё равно изловлю!»

Из-под скамейки на брюхе выполз Борькин пёс, чёрный пудель Рекс, и с отвращением посмотрел на Сашку мудрыми, слезящимися глазами.

- Умный, - сказал Борька и погладил Рекса. - Поумней многих двуногих.

«Намекает, - обозлился Сашка. - Сам умный, так ему ещё умную собаку подавай».

- Катя, пошли на реку, - лениво сказал Борька, - говорят, церквушку на том берегу затопило.

Это было для него хоть бы что - позвать Катю на реку.

Сашке, конечно, он и не подумал предложить пойти с ними.

Сашка представил себе, как Борька и Катя идут по набережной. Рядом. А набережная такая длинная. Они будут весь день ходить. А потом на набережной зажгутся фонари. Они зажгутся длинной-длинной светлой цепочкой, которой тоже не будет конца. Нет, он не мог этого допустить.

- Ничего там уже нет, - соврал Сашка. - Я был на реке сегодня. Сошла вода.

- Когда это ты успел? Ты же в школе был? - сощурилась Катя.

- Значит, успел, - загадочно сказал Сашка.

- я же предлагал вчера, - сказал Борька. - Но у вас, мадам, не было настроения.

- Подумаешь, каждую весну половодье.

Катя нагнулась и стала гладить голову Рекса, пригибая её книзу.

- Умираю, собаку хочу, - сказала она. - Дома всем жизнь отравила. Когда я начинаю говорить о собаке, все просто уши затыкают. Мне нравится, когда идёт девчонка, а на поводке собака. Только не малявка какая-нибудь, а большая псина. Красиво.

- Дама с собачкой, - усмехнулся Борька.

- Но мама пока предлагает кошку, - вздохнула Катя.

- А ты попроси лошадь, - посоветовал Борька. - И тебе купят собаку.

Катя негромко рассмеялась, искоса посмотрела на Борьку.

Нет, у них была своя жизнь. Как будто невидимая стена стояла между ними и Сашкой. Они находились по одну сторону, а Сашка по другую. И он больно ощущал это.

- Подумаешь, кошки, собаки! - захохотал Сашка, стараясь разрушить эту стену словами, хохотом, развязными движениями. - А у меня дома медведи, обезьяны... попугаи! Вот!

- Врёшь, - не очень уверенно сказала Катя.

- А вот и нет. - Сашка шёл напролом. Назад пути уже не было. - У меня дядя укротитель. Он по всему миру ездит. А сейчас к нам приехал.

- Со всеми зверями? И прямо к вам? - в притворном ужасе вытаращил глаза Борька.

- Много ты знаешь! В цирке места нет. Карантин какой-то. У всех зверей температура. Коклюш звериный, что ли. Ну, почём я знаю. Болезнь какая-то объявилась новая. Вот он и к нам.

Одного он добился. Катины глаза были прикованы к нему. Жадно, с интересом. И он не мог упустить эти глаза.

- А ещё он мне привёз в подарок двустволку настоящую! - захлёбывался Сашка. Он словно летел куда-то. - И патроны... И патронташ. Она у нас на стенке висит. Заряженная. Настреляемся теперь. Вволю... сколько хочешь... А ещё... А ещё у нас дома...

Сашка мучительно напрягся, но всё равно ничего не мог так быстро придумать.

- А ещё... Вот такой большой... С ушами... С мотором... Придётся, сама увидишь.

Перед глазами Сашки, застилая всё небо, пролетел дирижабль похожий на огромный серебряный огурец. Высоко подпрыгивая, проскакал кенгуру, пронеслась пушка, изрыгая огонь.

- Миномёт... Самолёт... Кенгурёт... - задыхаясь, выкрикивал Сашка.

- Заврался, - вдруг трезво сказал Борька. - Так-таки миномёт? Признайся, что атомная пушка.

- И не заврался! - закричал Сашка. - Мой дядя...

И тут он увидел своего папу.

Папа шёл по улице очень быстро, деловито, не глядя по сторонам.

- я мигом... - сказал Сашка и побежал за папой.

Вообще-то сейчас папа был ему совершенно ни к чему. Просто он хотел выгадать время и придумать, что бы такое соврать поинтересней.

Сашка догнал папу и придержал его за рукав.

- Ты куда? - спросил Сашка. - А дядя Сёма?

- Неприятности... - рассеянно сказал папа. Он не замедлил шага.

Сашке пришлось почти бежать с ним рядом, чтобы не выпустить его рукав. При слове «неприятности» сердце Сашки странно и нехорошо ёкнуло.

Что-то знакомое было в этом слове, но что, Сашка сейчас не мог вспомнить.

- «Степан Разин» куда-то подевался. Вышел с базы и пропал. Чёрт знает, где его носит! Час назад должен был быть в порту на погрузке, - сказал папа как-то не Сашке, а самому себе.

Из-за угла, переваливаясь, выехало такси, обдавая тротуар плоскими веерами брызг.

Такси окатило старушку в длинном пальто и маленькую девочку в розовом капоре. Девочка обрадовалась и засмеялась. А старушка что-то сердито закричала шофёру, грозя маленьким кулачком, жёлтым, как лимон.

- Такси! Такси! - как сумасшедший закричал папа и бросился через улицу прямо по лужам, размахивая портфелем.

Старушка перестала сердиться и тоже засмеялась.

Сашке всё это ужасно не понравилось. И что его папа бежит прямо по лужам и обрызгал сзади серые брюки грязными кляксами, и что над ним все смеются.

Резко хлопнула дверца такси. Папа даже не оглянулся. Такси укатило.

Неприятности... У папы неприятности...

Ох! Да ведь это он сам наврал их папе, когда ещё с Анной Семёновной говорил. Но ведь он же тогда не знал, что его враньё волшебное. Он просто так соврал. А может, ничего такого? Ну, опоздал немного «Степан Разин». Подумаешь. Река разлилась. Может, от этого путь удлинился?

Сашка медленно пошёл назад.

На скамейке никого не было. Это была самая пустая скамейка на свете. Просто необитаемая скамейка. Как будто на ней никто никогда не сидел, ни один человек.

Кати с Борькой и след простыл, словно сквозь землю провалились вместе. Не было и портфелей. В грязи виднелись две пары следов, рядом цепочкой мелкие, собачьи. Следы доходили до сухой асфальтовой дорожки и там пропадали.

Сашка бегом пустился по дорожке, обогнул дом. Никого. Пустыня.

Добежал до Борькиного дома. И там никого.

Вернулся назад. Во дворе гуляла никому не нужная Лёлька. Увидев Сашку, для безопасности зашла на самую середину лужи, где поглубже, и застыла там на одной ноге.

«К Борьке уроки пошли учить. Нарочно. Назло, – с ненавистью подумал Сашка. – Ладно. Погоди. Навру тебе ещё что-нибудь. Попрыгаешь ещё у меня...»

Ему хотелось опять почувствовать себя счастливым и могущественным, как ещё совсем недавно, но он ощущал только пустоту и усталость.

«Поем, отдохну и тогда ещё навру...» – подумал Сашка и пошёл домой.

«Зря я это про папину работу придумал...» – подумал Сашка, поднимаясь в лифте. Лифт спокойно и равнодушно вёз его наверх.

«Да ничего не будет, – успокаивал себя Сашка. – Ну, куда денется целый катер? Что его, украдут, в карман сунут? И утонуть не утонет. Надо лучше подумать, о чём врать. Это только дураки думают, что врать просто...»

Лифт дрогнул и остановился. Сашка вышел из лифта и увидел, что дверь в его квартиру открыта.

Глава пятая

Дядя Сёма

Правда, дверь в квартиру была открытой.

«Ага, папа какой... – подумал Сашка. – А если бы я так? Представляю, вот был бы концерт!»

Сашка шагнул в переднюю и почему-то не узнал её. Он даже подумал, что по ошибке зашёл в чужую квартиру. Сашка хотел уже незаметно уйти, пока его не приняли за жулика, как вдруг увидел в углу свои старые лыжи, а на вешалке пёстрый мамин передник.

А... вот в чём дело. В квартире пахло как-то остро и незнакомо, не поймёшь чем. Этот запах его и сбил с толку. Никогда у них в квартире так не пахло.

Сашка несколько раз потянул носом, прислушался: глубине квартиры что-то негромко шелестело, шуршало, двигалось, задевая за стены.

Дрожь прошла по спине у Сашки. Он невольно сделал несколько шагов назад к двери.

В это время в переднюю из тёмного коридора вышел удивительный человек.

Он шёл необычайно легко, на носках, покачивая руками, и как будто плыл по воздуху. Увидев Сашку, он прижал одну руку к сердцу, другую откинул в сторону и вдруг низко и церемонно поклонился Сашке. Вместо его лица Сашка увидел желтоватую круглую лысину. Лысина показалась Сашке чуть-чуть прозрачной.

Всё это было совершенно дико и фантастично.

Удивительный человек выпрямился. Сашка увидел его чёрные глаза и большой квадратный нос, который снизу, как две подставки, поддерживали чёрные усики.

Странный человек улыбнулся.

Сашка удивился ещё больше, потому что этот странный человек улыбался маминой улыбкой. И хотя он был совсем, ну просто нисколько не похож на маму, всё равно он улыбался совсем как мама.

- Племянничек, ага... - сказал странный человек, наклоня голову и внимательно разглядывая Сашку. - Вот ты какой! Мамино сокровище... Ну, ну... Что ж, давай знакомиться. Я твой дядя. Можешь звать меня просто дядя Сёма.

Тут дядя Сёма наклонился и поцеловал Сашку в щёку. Потом ласково потянул его за ухо.

- А у меня история, понимаешь. - Дядя Сёма развёл руками. - Приехал сегодня - здрасте! В цирке карантин. Болезнь какая-то объявилась новая. Коклюш звериный, что ли. У слонов температура. Львы в бреду. Крокодил и директор цирка в обмороке. Нет, ты слышал что-нибудь подобное?! Такое и во сне не привидится. Не мог же я сидеть со своей компанией на улице. Вот и махнул прямо сюда, к сестре. Смотрю, никто не открывает. Хорошо, соседка, такая милая женщина, ключи от квартиры дала.

И тут Сашка увидел, что на плече у дяди Сёмы, невесть откуда взявшись, появилась обезьяна. Не очень большая, но совсем настоящая, живая обезьяна. У обезьяны были руки, похожие на ноги, ноги, похожие на руки, и милая старушечья мордашка.

Обезьяна потёрлась носом о щёку дяди Сёмы, а тот, будто так и надо, рассеянно, не глядя, пощекотал ей живот и оглянулся.

- Телефон у вас где? - спросил он.

Сашка никак не мог прийти в себя от изумления. Он стал просто как деревянный. Он с трудом кивнул своей деревянной головой и указал негнушейся рукой в глубь коридора.

Дядя Сёма улыбнулся маминой улыбкой и сунул обезьяну прямо в руки Сашке. А сам повернулся и пошёл звонить по телефону.

Обезьяна посмотрела на Сашку глубокими, невесёлыми глазами и начала чесаться. Одной лапой она чесала живот, а другой спину. При этом она ещё шевелилась, ёрзала, ни минуты не сидела спокойно. Руки у Сашки сразу затекли от напряжения, он даже вспотел.

- Алло! - гудел в трубку дядя Сёма. - Товарищ администратор? Это я, Симеон Симеонович Зверо! Он самый. Здравствуйте. Вот положение! Ума не приложу! Какой-нибудь выход! Да, да! Нет, нет! Три медведя и четыре обезьяны. Что? Медведя не четыре, а три. А обезьяны не три, а четыре! Хорошо. Заранее благодарен. Жду у телефона.

Дядя Сёма громко сказал: «Уф!»

«А может, это «уф» и не он сказал...» - подумал Сашка, и ему стало немного жутко. Ему показалось, что кто-то копошится в конце коридора.

Тем временем обезьяна перебралась Сашке на плечо. Сашка с трудом разогнул затёкшие руки. Но тут обезьяна полезла выше, прямо к нему на голову. Устроилась там поудобней и, видимо,

задумалась. Сашка стоял и покорно ждал, пока она кончит думать.

Вдруг обезьяна, сильно оттолкнувшись от его головы, скакнула на шкаф. Сашка покачнулся, как деревянная кегля.

Блямс!.. – на кухне с полки полетела какая-то кастрюля.

Плим-блим-блим!.. – задребезжала крышка, затихая на кафельном полу.

– Режим, голубчик мой, режим! – кричал дядя Сёма в трубку. – Для зверей главное – режим. Вы же знаете, какие сейчас звери пошли. Все, как один, нервные, избалованные. С ложечки кормлю, по часам...

Сашка, замирая, осторожно заглянул на кухню, и сейчас же что-то с хрустом шлёпнулось ему на плечо.

Это было сырое яйцо. Оно не спеша стало съезжать по рукаву его школьной формы. Сашка затряс рукой, и яйцо липко шлёпнулось на пол. Посреди кухни он увидел ещё несколько таких же некрасивых яичниц.

Сашка услышал шорох, поднял голову: между кастрюлями на полке сидела ещё одна обезьяна. Она запустила свою длинную лапу в стеклянную банку и ловила там убежавшее от неё яйцо.

Схватив яйцо, она быстро нацелилась в Сашку. Сашка отпрыгнул назад.

В коридоре он чуть не налетел на дядю Сёму. Лицо у дяди Сёмы было красное, нос блестел.

– Племянничек, – позвал дядя Сёма, – фу, в суматохе забыл. Я ведь тебе подарочек привёз. Убьёт меня твоя мать. И будет права, кстати. Сам не знаю, зачем купил. Помрачение ума. Не иначе.

И тут Сашка увидел в руках дяди Сёмы прекрасную охотничью двустволку. Она чуть блестела двумя воронёными стволами. Сверкала серебряной насечкой.

– А тут ещё патронташ и патроны, – с тоской простонал дядя Сёма. – Зачем? Зачем купил?.. Скажи на милость?

– Это мне? – вне себя от счастья пролепетал Сашка. – Ой, спасибо, дядя Сёма!

Дядя Сёма резко прижал ружьё к своей груди.

– Осторожно! Оно заряжено! О, боже мой, зачем я его зарядил? Сам не понимаю... Старый идиот... Пока мы его на стену повесим, я тебя прошу, не трогай его, умоляю тебя, слышишь?

Дядя Сёма, крепко прижимая ружьё к груди, понёсся по коридору в папа-мамину комнату.

«Здорово я наврал про ружьё, – ликуя, подумал Сашка. – Папку разве уломаешь! А теперь всё. Намертво. Подарено, и всё тут. Мне какое дело...»

Но тут кто-то сзади налетел на Сашку. Какой-то большой и лохматый шар. Шар развернулся и превратился в медведя.

Сашка прижался к стене, но в это время его по лицу задел чей-то хвост. Сашка невольно схватился за этот хвост, но, к его ужасу, хвост остался у него в руке. Сашка с отвращением

отшвырнул его, но хвост повис на нём, зацепившись за пуговицу его куртки.

Но тут Сашка увидел, что это вовсе не хвост, а рукав маминой кофты. Синий, в белый горошек. А вся мамина кофта, размахивая другим рукавом, скачет мимо него по коридору. Сашка бросился вдогонку за маминой кофтой.

Мамина кофта влетела в комнату и прямо с пола скакнула на шкаф.

Испуганно заговорила люстра стеклянными голосами. На люстре верхом сидела ещё одна обезьяна и раскачивала её, отталкиваясь от потолка длинной босой ногой.

В коридоре зазвенел телефон. Сашка схватил трубку.

«Может, мама?» – с надеждой подумал он. Но это был папа.

- Приехал? А? – нетерпеливо спросил папа.

- Приехал... – почему-то шёпотом ответил Сашка и оглянулся.

- Мм... – затосковал папа. – Ну, дай, дай мне его к телефону.

- А ты скоро домой?

- Не знаю, ничего не знаю. Сажу здесь, вот досада, и жду «Степана». Никто ничего не понимает. Ну давай, давай его.

Сашка передал трубку дяде Сёме. Дядя Сёма заорал в трубку:

- Витька! Речной пират! Сколько лет, сколько зим...

А Сашка пошёл в свою комнату, потому что он услышал из-за двери какое-то странное кряхтение и ворчанье. И, предчувствуя что-то недоброе, Сашка открыл дверь.

Глава шестая

Конец «Новой Гвинеи» и гибель зеркала

Сашка замер. Посреди комнаты сидел большой, очень коричневый медведь.

Он сидел точь-в?точь как сидят игрушечные мишки на полке в магазине – растопырив все четыре лапы.

Медведь наклонил тяжёлую голову набок и что-то жевал. Маленькие глазки хитро поглядели на Сашку.

Медведь глубоко вздохнул, но с удовольствием. Видно, то, что он жевал, казалось ему очень вкусным.

Сашка пригляделся и ахнул. Большое круглое пузо медведя было сплошь усеяно цветами. Из густой шерсти наивно торчали ромашки и колокольчики.

- Мой гербарий!.. – прошипел Сашка. – Я для тебя его собирал, да?

Сашка сделал шаг вперёд и сразу же шаг назад. Кто его знает? Может, он ещё не очень-то дрессированный, этот медведь, может, ещё полудикий.

И тут, на полу между расставленными лапами медведя, Сашка увидел свой альбом с марками. Вернее, это был уже бывший альбом. Он был весь изуродован и изжёван, смят, изодран в клочья. А тут ещё эта зверюга лохматая, нисколько не стесняясь, опустила когтистую лапу, выдрала ещё одну страницу и преспокойненько запихала её в свою пасть. Зажмурилась и начала лениво жевать.

- Дядя Сёма! Дядя Сёма! - отчаянно завопил Сашка.

Дядя Сёма, потирая красное ухо, заглянул в дверь.

Сашка руками, головой, всем телом показал на медведя.

Лицо Симеона Симеоновича страдальчески сморщилось.

- А... - виновато протянул он. - Недоглядел я... Закрутился со всеми делами...

Симеон Симеонович, тихо приговаривая: «Ах, ах, надо же такому случиться», поднял с полу альбом с марками. Сгрёб цветы с медвежьего живота. Получился жалкий, печальный букетик.

В коридоре снова зазвонил телефон.

- Это меня! - выкрикнул дядя Сёма и выскочил из комнаты.

Сашка с ненавистью посмотрел на медведя: «Ему-то что! А «Новая Гвинея»? Она, наверно, у него в животе уже переваривается...»

- Это вас, молодой человек, - церемонно сказал дядя Сёма, появляясь в дверях, и поклонился Сашке, - если не ошибаюсь, какая-то барышня.

Сашка взял в руки тёплую телефонную трубку. Она просто здорово нагрелась от уха Симеона Симеоновича. Сердце его сильно забилося.

- Саша... - сказала Катя низким чужим голосом. Но Сашка всё равно её сразу узнал. Катя не выдержала и прыснула. - Отстань, - шёпотом попросила она кого-то.

Наверно, рядом стоял Борька. Конечно, это был Борька, кто же ещё? Они звонили, наверно, из автомата. И стояли рядышком в тесной телефонной будке.

- А, это ты, - ответил Сашка, стараясь говорить холодно и обыкновенно.

- Это кто подходил? - спросила Катя.

- Так, дядя, - с торжеством сказал Сашка.

- Нет, правда? - уже настоящим, своим голосом сказала Катя. - А... звери?

- И звери тут. Где же им быть ещё? - Сашка с трудом сдерживал ликование. - Заходи, Катя, сама увидишь.

- Нет, правда?

Катя замолчала. Сашка услышал её дыхание.

- Мы сейчас на футбол собираемся, - с сожалением сказала Катя и добавила просительно: - А после футбола можно?

- Мне какое дело? Когда хочешь, тогда и заходи.

- А ты на футбол не идёшь?

- Билета нет, - растерялся Сашка.

- А у меня лишний! Хочешь? - вдруг предложила Катя. - Не твоё дело, отвяжись, - свирепым шёпотом мимо трубки сказала она кому-то.

Вот это да! Катя сама приглашала его на футбол. И даже билет предлагала. И это всё при Борьке. Он стоял рядом, конечно, и всё слышал.

- Отчего же, - сдерживая дрожь, тихо сказал Сашка.

- Через полчаса на моём дворе. Идёт?

- Идёт.

Сашка услышал в трубке короткие гудки. Сашка стоял и слушал их. Они, как цепочка, ещё соединяли его с Катей, и ему было жаль класть трубку...

Ба-ба-бах! Бум! – что-то дико грохнуло и загремело в папа-маминой комнате. Там случилось что-то ужасное. Наверное, там сразу рухнули стены и потолок.

В коридор из кухни, что-то жуя, выбежал Симеон Симеонович. Лицо у него было совсем белое. Чёрные усы на этом белом лице как-то выскочили вперёд. Он, топая, пробежал мимо Сашки. Сашка со всех ног бросился за ним. В дверях они столкнулись и застряли.

Потом их сверху накрыла рычащая, дрожащая тяжёлая шуба.

И так они все втроем – Сашка, Симеон Симеонович и медведь – ввалились в комнату.

В комнате стоял не то туман, не то дым.

С потолка сыпалась известь. Острыми кусками, вздрагивая и страшно звеня, падало зеркало.

Посреди комнаты, держа в трясущихся лапах ружьё, стояла обезьяна. В углу с жалобным визгом обнялись медвежата.

Над головой у Сашки, громко хлопая крыльями, закружились жёлтые и зелёные попугаи. Казалось, они вылетают прямо из Симеона Симеоновича.

Попугаи, как слепые, сильно, с размаху, бились о стёкла. В воздухе завертелись жёлтые и зелёные перья.

Обезьяна выронила ружьё, обняла ногу Симеона Симеоновича и, прижавшись к ней всем телом, заскулила, задрала голову кверху.

Дым рассеивался. Белая пыль оседала на пол. С потолка ещё срывались куски штукатурки. Около люстры чернела дыра.

– Нечего сказать, навестил сестру... Двадцать лет не был... – простонал Симеон Симеонович. – Да лучше бы ещё пятьдесят не приезжал... Старый балбес.

Симеон Симеонович яростно постучал себя кулаком по лбу.

«Дурак я, про этих зверей наплёл, – обозлился на себя Сашка. Он не мог смотреть на виноватое и огорчённое лицо Симеона Симеоновича. – И без этого ружья тоже обошёлся бы как-нибудь. Не помер».

– Дядя Сёма, – не зная, чем его утешить, сказал Сашка. – Ничего... Папка всё равно хотел летом ремонт делать. А зеркало...

Сашка запнулся. Он знал, что мама огорчится. Мама считала, что зеркала бьются не к добру, и переживала, даже когда треснуло маленькое круглое зеркальце. А тут такое зеркалище во весь шкаф.

Дядя Сёма всё сопел и вздыхал и даже замахнулся на ни в чём не повинного медвежонка. Медвежонок обиделся и закатился под стол. Ох, до чего же всё нескладно вышло! Хорошо ещё, что Борька про миномёт не поверил.

- Два часа, - вздохнул дядя Сёма. - Кормить их пора. Кашу сварю, что ли.

Дядя Сёма, какой-то постаревший, устало волоча ноги, пошёл на кухню.

А Сашка, так ничего ему не сказав, на цыпочках прошёл в переднюю и вышел на лестницу. Он плотно прикрыл за собой дверь. Не хватало ещё, чтобы эти твари по всему дому разбежались... И бегом бросился вниз.

Глава седьмая

Билет на футбол

Катя ждала его, нетерпеливо посматривая на ворота.

Она стояла посреди двора на сухом местечке, и солнце освещало её всю. На ней были голубые чулки, а на голове вязаная шапочка, тоже голубая. Рядом, конечно, Борька. Он со скучающим видом смотрел на голое дерево, разглядывал пустой скворечник.

В сторонке на сырой, раскисшей дорожке стояла никому не нужная Лёлька.

На ней была старая лыжная куртка, ещё Катина. Только Катя из неё уже давно выросла, а Лёлька ещё не доросла. Куртка была слишком длинной. Из-под неё торчали Лёлькины ноги не толще верёвки, с коленками, похожими на узелки, завязанные на этой верёвке.

- Пошли. Только-только успеем, - сказала Катя, и все двинулись к воротам.

Лёлька, шлёпая ботинками, облепленными грязью, и держась на расстоянии, пошла за ними.

Но у ворот Катя обернулась и грозно сказала ей:

- Кому говорят - домой! Не смей за нами!

- Мне кажется, ты её путаешь со своей будущей собачкой, - усмехнулся Борька.

Катя засмеялась:

- Знаю я их, с ними чем строже, тем лучше. А то на шею сядут... Ну, как дядя? - спросила она Сашку и посмотрела на него удивительно светлым глазом из-под чёрной чёлки.

- Нормально, - сказал Сашка, не зная, что ответить.

Оглянувшись, он увидел, что Лёлька всё-таки идёт за ними, робко, но упрямо. Они сели в троллейбус. Троллейбус был совсем пустой.

Лёлька тоже вскарабкалась с передней площадки.

Через весь пустой троллейбус Лёлька с укором посмотрела на Сашку. И по её оскорблённому и печальному лицу Сашка вдруг точно и ясно понял, что Катя отдала ему Лёлькин билет на футбол. Этот билет вовсе не был лишним. Это был Лёлькин билет. Сашкино сердце сжалось, словно ему на сердце надели защипку, какими мама на балконе прицепляла бельё к верёвке, чтобы ветер его не унёс.

«Растяпа! - обругал себя Сашка. - Наврал бы Катьке, что у меня уже есть билет. Вот где надо - не вру. А где не надо, само врётся».

Чем ближе к стадиону, тем теснее набивался троллейбус людьми. Наконец толстая тётя

скрыла Лёльку.

У стадиона все пассажиры сразу вышли. Троллейбус, пустой, прозрачный, дребезжа, сделал круг и покатил назад.

Все побежали к стадиону, на ходу доставая из карманов и сумочек билеты. Катя побежала, замелькав голубыми чулками.

Сашка оглянулся. Лёлька стояла у серой стены, маленькая, никому не нужная.

«Я ей марки подарю, гербарий отдам... - страдая, подумал Сашка и тут же вспомнил, что этого уже ничего нет. - Всё равно я ей что-нибудь хорошее...»

Раздумывать было некогда. Сзади наседали и подталкивали. Контролёрша с досадой сама выхватила билет из его нерешительных рук. Всё получилось само собой. Сашка стал пробираться вдоль длинных скамеек вслед за Борькой и Катей.

А над полем уже гремел марш и выбегали футболисты: «Водники» в полосатых майках, а «Электросталь» - в красных.

- Ты за кого болеешь? - спросил Сашка у Кати, когда они уже уселись. Борька-то, конечно, болел за «Электросталь». Его отец работал на этом заводе инженером.

- я болею за победителей, - уверенно сказала Катя. - Противно, когда проигрывают. Но вообще я бокс люблю лучше.

- Смерть побеждённому! - пробормотал Борька.

Сашка сидел рядом с Катей. Он и не надеялся, что когда-нибудь так может случиться в жизни.

Он старался не думать ни о чём плохом. Ни о Лёльке, ни о том, как мама войдёт в квартиру и всплеснёт руками.

«Потом, потом... - думал Сашка. - Это всё после...»

Скосив глаза, он видел круглую Катину голову, облитую голубой шапочкой, и чёрную чёлку. Он хотел сейчас от жизни только одного: чтобы «Водники» выиграли. И «Водники», наверно, это знали и потому играли, как боги, и уже за десять первых минут забили два гола в ворота «Электростали».

Катя ахала, вскрикивала. Щёки её горели, и Сашке казалось, что он чувствует на своём лице их жар. Она даже стучала кулаком по круглой спине какого-то дяди, сидящего впереди. С места вскочил высокий парень. Синяя куртка съехала с его плеч. Сашка увидел полосатую тельняшку.

- Давай, давай, братцы! - заорал он.

Широкие плечи в полоску, затылок и ухо показались Сашке ужасно знакомыми.

«Неужели Серёжа-машинист с папиного «Степана Разина»? Папа ждёт в порту. А он, что же, футбол смотрит? Нет, быть того не может».

Парня потянули за рукав, и он сел.

«Ошибся», - успокоился Сашка.

В перерыве Сашка кинулся купить себе и Кате мороженое. Тут он опять вспомнил про Лёльку и подумал, что не плохо бы и ей снести туда хотя бы эскимо. Он словно увидел её у стены - куртку на тонких ножках.

mir-knigi.org

«Да нет, она домой ушла, - подумал Сашка. - Не будет она столько дожидаться».

Дальше стало ещё лучше. Катя даже локтем его пихнула два раза.

Матч шёл к концу, и счёт стал уже 4:0. Борька скис, сидел как убитый и уже ничего не говорил умного.

И тут случилось что-то странное.

Сашка увидел, что какой-то человек упрямо пробирается между рядами.

Он нагнулся к кому-то, и тут снова вскочил всё тот же длинный в тельняшке. Тогда уж Сашка точно разглядел, что это Серёжа-машинист со «Степана».

Серёжа, подхватывая падающую с плеч куртку, стал стремительно пробираться к выходу. Он перелезал прямо через лавки, раздвигая людей. А какого-то короткого человечка Серёжа пригнул книзу и перешагнул через него.

Почему-то началась суматоха. Какие-то люди вставали и уходили. Они пробирались между рядами, застилая свет, мешая глядеть. Тут Сашка увидел среди них ещё и Семёныча с папкиного катера.

«И Семёныч тут! – удивился Сашка. – Интересно, а катер куда же они подевали?»

– Наша взяла, – сказала Катя Борьке. Она так и сказала: «Наша».

– О, безусловно, – ответил Борька. – Кто спорит? Но учтите, герцогиня, футбол – игра для тех, кому ноги важнее головы.

– Ну и глупо, – обиделась Катя.

В толпе их стиснули, сжали. Сашка сразу почувствовал себя маленьким. Сидел, как человек, смотрел с Катей футбол. А тут он кому-то еле доставал до плеча. Носом его ткнули в чей-то рукав. Вон и Катин помпон торчит у локтя здорового дяди.

Вместе с толпой их вынесло на площадь. Сашка незаметно скосил глаза вправо, где они оставили Лёльку.

Лёльки не было. У стены стояла толстая девчонка в красном пальто и лизала мороженое острым, треугольным языком.

«Не дождалась...» – сжалось что-то в Сашке.

На остановке один за другим стояли сразу три пустых троллейбуса.

Обычно у троллейбусов тут же начиналась толкотня, выростала очередь.

Водители надрывались, прося «остаться на следующий».

И на этот раз кто-то бегом бросился к остановке. Но таких было только несколько. И они тоже постепенно замедлили бег и растерянно остановились. И все они тоже почему-то смотрели в сторону реки.

– Там! – возбуждённо сказал высокий дядя, протянув руку с портфелем.

– Интересно, – сказала Катя. – Может, задавило кого? Только если кровь, я смотреть

не могу, - добавила она и зажмурилась.

- Хлеба и зрелищ, - пробормотал Борька.

Глава восьмая

На обрыве

Народ валил вниз с холма. Те, кто постарше, чинно шли по узким тропинкам. Но большинство спускались напрямиком, как-нибудь, прямо по бесцветной прошлогодней траве. Мальчишки перепрыгивали ямы, где ещё лежал грязный снег с чёрными корочками.

Сверху была видна голубая крыша и столики кафе.

Кафе стояло на обрыве, над самой рекой. Оно так и называлось красиво: «Волна». Круглые жёлтые столики сверху были похожи на блюдечки.

Но никто ничего не пил и не ел. Все толпились на краю обрыва. И те, кто сбегали с холма, старались тоже пробраться к самому краю, и толпа на обрыве всё росла.

- Ну скорей, скорей, - торопила Катя. - Опоздаем к самому интересному. Мальчишки, давайте за руки - и бегом. Только держите меня, а то я упаду.

Сашка сжал Катину мягкую руку. И они побежали вниз с холма.

Катя визжала. Холодный ветер пел в ушах. Сашка споткнулся, и они чуть не полетели кувыркком все трое. Солнце нестерпимо блестело посреди реки. Кружилась голова от неба и облаков, которые бежали кверху...

Это было замечательно, только быстро кончилось. Сашка бы согласился бежать с этой горы целый год. Но Катя уже зашевелила пальцами, высвобождая свою руку из Сашкиной руки.

Все толкались, стараясь пробраться поближе к обрыву. Счастливчики, стоявшие на самом краю, переговаривались, вскрикивали, ахали.

- Смотрите-ка, смотрите-ка, лежит на боку!

- Ну, голубчики! Ну, распотешили!

- Доигрались!

- За такое по головке не погладят!

- Ай! Ай! Ноги едут! Падаю!

- С ума сошли, граждане, не напирайте!

- Здесь же глина, глина! Мы все попадаем!

- Половодье - вещь очень непростая, - рассуждал хитрый седенький старичок, стоявший перед Сашкой. - За час вода сойти может. А что молодёжь сейчас? Думают, всё сами знают.

- У вас всегда молодёжь виновата!

- А как же, а как же! - оживился, даже обрадовался хитренький старичок. - Посудите сами. Видите, канатом к дереву привязали, а сами куда? Известно куда! В кафе. На футбол. А ответственность где? Вон она!

Старичок с трудом высвободил одну руку и грозно протянул её в сторону обрыва.

- Там что-то интересное, - выходила из себя Катя и пихалась остренькими кулачками.

- Ох, господи, страсть какая... - печально сказала старушка в тёмном платке и подалась назад от края.

Сашка и Катя тут же протиснулись на её место. Сашка вытянул шею, глянул вниз и обмер.

Никогда ещё ему не было так страшно и нехорошо.

Внизу, прямо под обрывом, на узком пляжике лежал на боку «Степан Разин».

Он выглядел жалким и нелепым, лёжа на боку на песке. Голубые буквы так и лезли в глаза, и каждый, каждый мог прочесть: «Степан Разин». Он казался каким-то беспомощным, наверно, оттого, что был виден весь до самого киля. Торчал гребной винт с прилипшим пучком водорослей. Дверь в каюту была распахнута.

Все вещи лежали кучей, привалившись к одной стене. В темноте белели подушки, на них опрокинутый графин. Книги, сковородка - всё вместе.

Кто-то засмеялся совсем рядом, обдавая теплом Сашкино ухо. Сашка повернул голову, тупо глянул.

Это смеялась Катя. Сашка увидел её сощуренные светлые глаза.

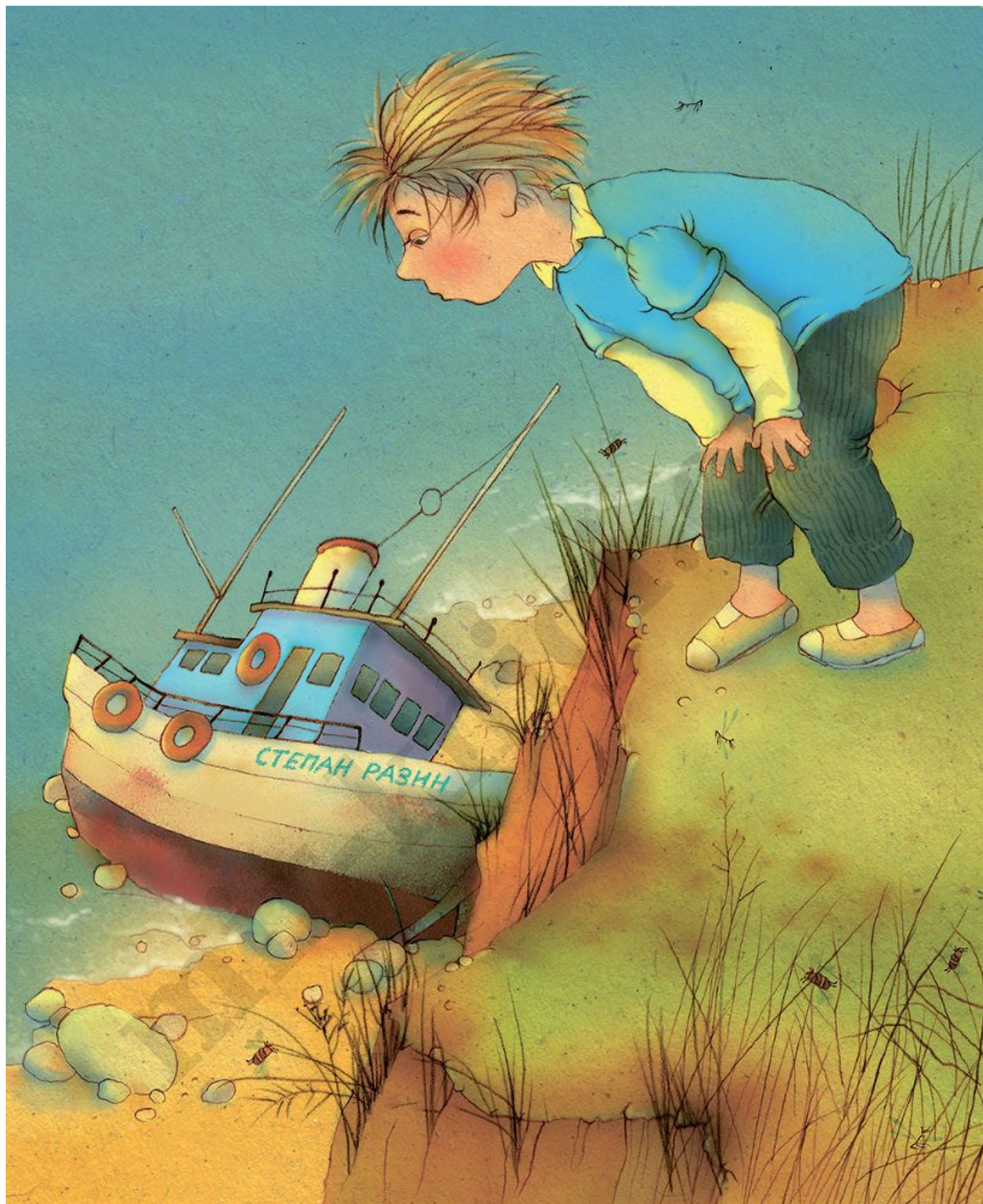
- Ха-ха-ха! - негромко смеялась Катя.

Сашка чувствовал, как трясётся её плечо. И каждый звук её голоса с мучительной болью входил прямо в Сашкино сердце.

- Кажется, это транспорт твоего отца, - сказал Борька.

- Надо же! - ахнула Катя и полезла ещё ближе к краю, так что комья сырой глины зашлёпали вниз.

Какой-то парень с гитарой спрыгнул с обрыва и стал танцевать вокруг катера, увязая в мокром песке. Ноги у него были всё время согнуты в коленях. Он так и не разгибал их и от этого здорово походил на обезьяну.

Вслед за ним стали спрыгивать вниз и другие, тоже здоровые, ногастые.

Обезьяний парень перекинул гитару на спину и неуклюже полез на катер. Он лез грубо, будто это была куча металлолома. Цеплялся руками за что попало. Его ноги чертили серые полосы на краске палубы, такой белой, такой свежей.

Он вскарабкался на борт, потопал ногами, прочно ли.

Приложил руки к груди и, кривляясь, закричал глупым голосом:

- Кто-то потерял парходик! Потерявшего прошу обращаться ко мне. В противном случае находочку считаю своей!

И затопал ногами, заплясал какой-то дурацкий танец. Как он так может? Ведь беда. А они ещё смеются...

- Вон твой отец, - безжалостно сказал Борька.

Сашка стал искать папу глазами. Сашка выглядывал его в толпе, а сердце у Сашки замирало. Его мучил страх, а вдруг папа плачет, или рвёт на себе волосы, или стоит, схватившись за голову.

Папа стоял в сторонке. Лицо его было спокойным. И только фуражка лежала около него на земле, и он её не поднимал. Позади него, сбившись в кучу, стояла вся команда катера «Степан Разин».

Серёжа-машинист низко опустил кудрявую голову. Всё было виноватым в его сильной фигуре: и вислые плечи, и опущенные руки, и даже полоски на тельняшке.

Сашка подбежал к папе.

- И ты тут, - рассеянно сказал папа и погладил Сашку по голове, чего не случилось уже много лет. Папа считал, что Сашка уже мужчина и отношения у них должны быть строгие, мужские.

- Виктор Николаевич, - дрожащим голосом сказал Серёжа-машинист, подходя сзади. Лицо у него было багровым. Даже глаза были красными. - Мы что, знали, что вода спадёт? Ну, думали, пришвартуемся тут, футбол посмотрим. Ну, на часок запоздаем. Мы что же, знали, что такое получится? Что ж, под суд, значит, за это?

Визгнув тормозами, около кафе остановилась «Волга». Из «Волги» вышли сразу четверо. Двое военных, строгая женщина в больших очках с толстым портфелем в руке и ещё совсем седенький старичок. У него было доброе лицо и довольно длинная белая борода. Ветер тут же занялся его бородой, и старичок сжал её в кулаке, будто боялся, что она оторвётся и улетит.

Все засуетились, давая им дорогу к обрыву.

Сашка с болью смотрел на их спины, заранее переживая: сейчас они увидят... Сейчас они увидят...

И правда, они подошли к краю да так и замерли. Только седенький старичок не подошёл близко, а, прижимая бороду к пальто, вытянул шею и издали посмотрел на «Степана».

Сашка как-то сразу понадеялся, что этот старичок что-то придумает и поможет.

- Н?да... неприятности... - сказал старичок тонким голосом.

Сашка стиснул зубы. Неприятности... Проклятье!

Папа шагнул было к ним, хотел что-то сказать, но высокий военный остановил его холодным жестом.

- Ваше мнение? - обратился он к остальным.

- Крайне сложное положение, - сказал военный пониже.
- Дикость какая-то, - сказала строгая женщина. Она сняла очки, посмотрела вниз на «Степана Разина» и снова их надела. - Распущенность. Разгильдяйство.
- Может, применить катки? Смазать салом доски и спускать на воду.
- А как вы его поставите на катки, интересно?
- А домкраты?
- Вы посмотрите, каков грунт! Мокрый, можно сказать, жидкий песок.
- В том-то и дело.

Старичок наклонил голову набок, сунул клочок бороды в рот и пожевал его. При этом лицо его сморщилось, как будто борода была кислой.

- я скажу вот что. Проще всего оставить катер здесь до следующего года. Весной половодье само снимет его с мели.

- До следующего года?!

Нечего сказать! Хорошенькое дело! Папа что-то невнятно пробормотал сквозь стиснутые зубы.

- Ну тогда вот что. Уж вы поверьте моему опыту. Это вам влетит в копеечку - спускать его на воду.

- Может, прорыть канаву?

- Н?да... Вот если бы здесь была железная дорога...

- Да, да. Очень мило. Очаровательно! Я восхищён! Проведите сюда железную дорогу, сделайте тут станцию. Только этого не хватало, - снова сказал старичок. - Я вам говорю: ждать до будущего сезона.

- Папочка... - сказал Сашка, замирая от тоски.

- Иди, иди, - сказал папа.

Сашка не мог этого вынести. Папино лицо просто убивало Сашку.

Он попятился в толпу, продолжая всё глядеть на папу, и налетел спиной на Лёльку. Лёлька всхлипнула. Глаза у неё были заплаканные, маленький острый нос посинел от резкого ветра, дующего с реки.

«А если... - как молния, вдруг мелькнуло в голове у Сашки, - а если ещё раз наврать? Ну, ещё один разок. Ну, самый распоследний... И правда, чего он теряет? До будущего года, говорите? Ладно. Сейчас увидим будущий год...»

Сашка быстро оглянулся по сторонам, схватил Лёлькину руку и сжал её изо всех сил, как-то невольно удивившись, до чего же она худая и тонкая, её рука. Но Лёлька была спасение, упустить её было никак нельзя.

Сашка поволок её за собой. Лёлька сначала немного упиралась, а потом молча и покорно побежала за ним.

Сашка утащил её за голубой павильон. Там один на другом стояли ящики с пустыми бутылками. Сашка припёр Лёльку спиной к ящикам.

- Чего ревела? - быстро спросил Сашка.

- Пароход жалко... - тихо всхлипнула Лёлька.

Лёлька стояла перед ним ровненько, как перед учителем, опустив руки, подняв голову, и только мигала. Ресницы от слёз слиплись кустиками.

- Тоже мне! Ревёшь, а сама не знаешь чего, - почему-то шёпотом, наклоняясь к ней, сказал Сашка. - Сейчас придёт вода. И поплывёт катер... пароход.

- Правда?! - Лёлька попробовала улыбнуться озябшими, посиневшими губами, но уголки рта поползли книзу. - Тебе твой папа сказал, да?

Гул толпы заглушил робкий Лёлькин голос. По-шмелиному гудели мужские голоса. Вскрикивали женщины.

- Ноги заливают! - орал кто-то.

- Люди без мозгов! Скорей, скорей!

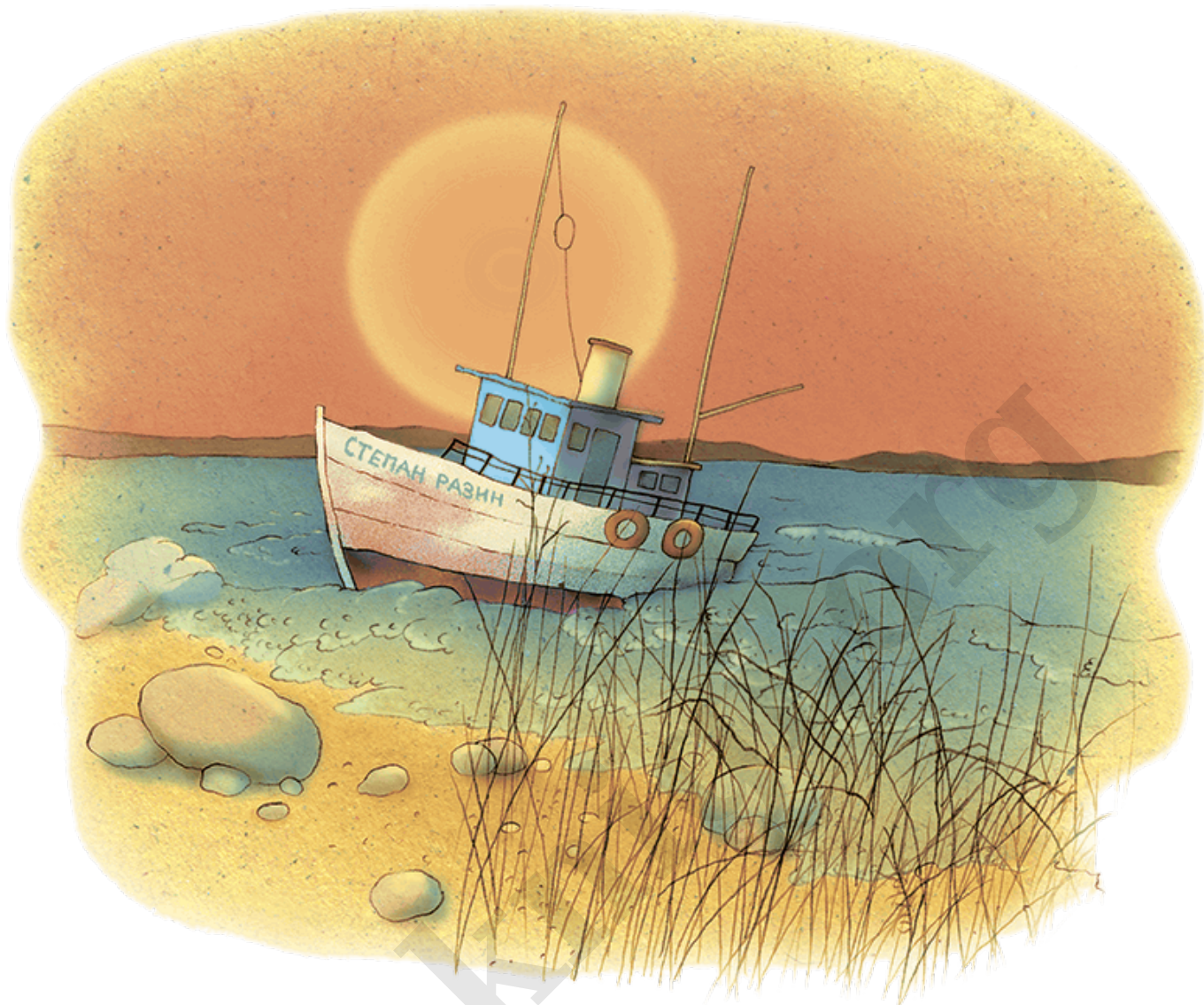
- Руку дайте, руку! Чего смотрите? Тащите меня!

- Тону, братцы!

Сейчас было уже не до Лёльки. Сашка обогнул угол павильона, прямо по лужам, шлёпая по густой грязи, бросился к берегу.

Узкий пляжик с шипением заливала вода.

Все, кто там были, подпрыгивали, скидывали ноги, торопливо карабкались на обрыв, срывались. А волны настигали их, обдавая мутной пеной.

Обезьяний парень, переступая ногами по голубому борту, в растерянности глядел на поднимающуюся воду. Наконец он решился и спрыгнул, жалобно тренькнув гитарой.

Вода пришлась ему уже выше колен. Отчаянно вскрикивая при каждом шаге, парень бросился к обрыву и полез вверх, измазав глиной мокрые брюки.

«Так тебе и надо», - подумал Сашка.

А вода всё прибывала. Мутные волны бурлили, поднимаясь всё выше. Катер ожил, шевельнулся, как живой.

Сашка отыскал глазами папу. Тот стоял над самым обрывом да так и впился глазами в катер. Сзади, разинув рот от восхищения, на него навалился Серёжа-машинист.

- Фантастика! - прошептал высокий военный.

- Однако предвижу неприятности, - прошамкал маленький старикашка и закашлялся, подавившись своей бородой. - Откуда вода? Впрочем, в любом случае это ничуть не снимает ответственности с тех...

«Противный...» - подумал Сашка.

«Степан Разин», голубой с белым, красивый, как всегда, покачивался на воде. Волнение сжало Сашкино горло, что-то зашевелилось в носу, зашипало глаза.

Вся команда по одному перебралась на катер. И папа прыгнул тоже, так и не приняв протянутую ему руку Серёжи. Сердится на него, значит.

Но Сашке хотелось только одного: чтобы они поскорее уехали, убрались подальше от этой глазающей толпы.

«Уплывайте! Уплывайте!» – приказывал им про себя Сашка.

Так и случилось. Мотор затарахтел, запыхтел, и катер отвалил от берега.

У Сашки внутри всё ещё дрожало. Он глядел, как «Степан Разин» уплывает, уменьшается и из голубого с белым превращается в серую точку на серой воде.

Глава девятая

По пустым улицам

Когда Сашка немного пришёл в себя и оглянулся, на обрыве уже никого не было. Только несколько человек с красными, озябшими носами сидели за столиками в кафе и глотали горячие сосиски. Они обнимали стаканы с кофе двумя руками и грели о них пальцы.

Серая туча прикрыла солнце, и с реки дул пронзительный, сырой ветер.

Сашка медленно пополз в гору.

Ветер налетал злыми порывами, подгонял его, продувал насквозь, будто Сашка был весь в дырочках. Сейчас бы поесть и нырнуть в постель, под одеяло. И ещё, чтобы мама посидела рядышком...

Сашка вскарабкался наверх. Небо стало совсем серое и навалилось на площадь.

У остановки стояла очередь длиной в километр. Где-то впереди он увидел Катю в голубой шапочке. Катя вертела головой: может, его высматривала?

Сашка спрятался за высокого дядю в мохнатом пальто. Ехать домой с Катюшкой ему почему-то не хотелось. Ему даже смотреть на неё не хотелось.

Ждать пришлось долго. Очередь сжималась, растягивалась, как резиновая, но народу не убывало. Потому что ни один троллейбус так и не подъехал к остановке.

Стоявшие впереди зашумели, заволновались. Вдоль очереди бежала женщина в расстёгнутом пальто, обмахивая разгорячённое лицо сдёрнутым с головы платком.

- Не будет вам троллейбусов, не будет! – с трудом переводя дух, кричала она.

- Как не будет? – крикнул кто-то из очереди и засмеялся. – А что будет?

Женщина остановилась.

- А ничего не будет! Авария на электростанции, ясно? Нету вам электричества. Добирайтесь теперь как желаете.

- А?а... - протяжно вздохнул кто-то позади Сашки. - Вот она откуда, водичка. Чудес-то на свете не бывает. Верно, плотину прорвало. Ну, конечно, не иначе.

Сашка замер. Он стоял и не шевелился, только сердце глухо стучало в груди.

Вдруг Сашка вырвался из очереди и бросился бежать. Он расталкивал людей, на кого-то налетал, как слепой.

- Видали ненормального! - сказал знакомый насмешливый голос. Похоже, что Борька. Теперь всё равно...

Сашка наискосок пересёк площадь. Он бежал изо всех сил, напрягая ноги, с отчаянием отталкиваясь от земли.

Вот оно! Вот оно какое, враньё! Прилипло к нему. И что не соврётся, всё хуже и хуже. К маме! К маме скорей! А что мама? Всё равно скорей домой.

- А?а... - простонал Сашка. Он вдруг понял. Мамы дома нет. Она же на электростанции, ясное дело. Раз там авария, её туда вызвали.

Сашка бежал по длинной улице.

Троллейбусы стояли пустые, мёртвые, в них было темно.

По рукам и по лицу полоснул ледяной дождь. Асфальт вокруг почернел. Но дождь сразу кончился. Только громоздкие тучи ползли быстро и низко, цепляясь лиловыми лохмотьями за крыши.

Дома стояли тёмные, неживые. Они смотрели на Сашку глубокими, чёрными окнами. Ни в одном доме не горел свет.

Сашке стало страшно. Шаги его звучали как-то слишком громко и гулко в тишине. Ему показалось, что за ним кто-то бежит. Оглянулся. Никого не было.

«Это моё враньё за мной бежит, - вдруг подумал Сашка. - Гонится за мной».

Дальше бежать не было сил. Он прислонился к столбу. Сухие рыдания с болью вырывались из груди. Сашка затрясся, обняв руками столб. Спиной почувствовал: кто-то стоит позади. Оглянулся. Позади стояла Лёлька и молча смотрела на него.

Сашка даже не удивился, будто так и должно быть. Даже не вытер мокрых щёк. А, пусть смотрит... Он тут же забыл о ней и бросился бежать.

Но когда, задохнувшись, остановился на углу, то опять увидел её рядом с собой.

- Оставь меня. Брось. Всё равно отстанешь, - еле дыша от усталости и отчаяния, сказал Сашка.

- Не... - прерывисто прошептала Лёлька, глядя на него, - я привыкла... Я всё время бегаю... От Гришки... От мальчишек... От Катьки... Привыкла...

Они побежали рядом. Сашка бежал изо всех сил. В горле пересохло, жгло и остро кололо в боку.

Сашка остановился около голубого киоска. Стекло окошко киоска было закрыто. В киоске

слабо просвечивала тётя в белой наколке. Сироп в банках казался чёрным.

- Воды... газировки... Два стакана, - хрипло попросил Сашка.

Тётя приблизила лицо к стеклу. Её нос расплющился о стекло, побелел.

- Тоже мне. Чего захотел! Воды ему! Нету воды! - сердито сказала она и посмотрела на Сашку, потом на Лёльку. Её лицо вдруг смягчилось, и она открыла окошечко. - Чистого сиропу налью, что ли, - устало предложила она.

- Как нету воды? Почему нету воды? - даже как-то жалобно спросил Сашка.

- Плотину прорвало, говорят. Во всём городе водопровод не работает.

Продавщица пригорюнилась и вдруг пожаловалась не то Сашке, не то банкам с сиропом:

- А у меня дома стирка не стирана и обеда нет.

Сашка отскочил от киоска.

Уже и воды нет! Докатились. Ещё разок соврать, и всё полетит вверх тормашками! Весь город! Да что там город! Всё! Нет, не домой... Надо к Волшебной Энциклопедии прорваться! Во что бы то ни стало. Как он сразу не додумался? Там же сказано: «О, несчастный...» Это я несчастный! «Если ты, сгибаясь под тяжестью вранья...» Это я, я сгибаюсь! Ну да, там сказано: «Если ты захочешь, чтобы всё было как прежде...» Хочу! Хочу!

Сашка снова бросился бежать. Он бежал, забыв о Лёльке. Но когда силы оставляли его и он, задыхаясь, переходил на шаг, он опять видел её около себя. Лёлька не отставала, бежала, как будто была сделана из одних ног.

Они бежали по тёмным, опустевшим улицам. Ноги у Сашки подгибались, подошвы горели.

Около тротуара стоял грузовик. Сашка последним усилием добежал до него, остановился, привалившись к нему грудью. Капот машины был поднят, шофёр стоял согнувшись, что-то подкручивал там и вздыхал.

- Дяденька, подвезите меня, - измученно попросил Сашка. - Вам в какую сторону? Мне вон в ту... Мне очень надо...

Шофёр поднял голову. Он был весь рыжий. Глаза тоже были рыжие. И губы тоже. Губы невесело улыбались.

- Воды в радиаторе нет. Всё, парень. Теперь загорать тут будем.

- Бежим, бежим! - подскакивала рядом Лёлька. - Ещё немножечко.

Лёлька, конечно, ничего не знала. Откуда ей?.. Но каким-то чутьём понимала - надо бежать. Догадывалась, что беда.

Они пробежали ещё несколько длинных улиц. Улицы удлинялись, дома вытягивались, не хотели кончаться. Как Сашка ни старался, он останавливался всё чаще. Ноги у него просто отваливались. Один раз, пошатнувшись, он даже ухватился за Лёльку и почувствовал под рукой хрупкие косточки плеча. Ещё совсем цыплячьи.

Наконец выбежали на площадь. Отсюда до Каткиного дома, до её злополучного чердака было уже рукой подать.

Из-под низкой тёмной тучи вдруг выбились тяжёлые красные лучи заходящего солнца. В доме напротив слепым огнём зажгли окна.

- Немножко, ещё немножко... - лепетала рядом Лёлька. - Ещё немножечко...

Сашка побежал напрямик через площадь, Лёлька несмело холодными пальцами ухватила его за руку. Сашка влетел в поток машин.

Зашипев шинами, резко остановилась голубая «Волга». Пассажиров качнуло вперёд. Кто-то приглушённо вскрикнул.

Справа что-то громко загудело. Слева с треском и щёлканьем вильнул в сторону мотоцикл.

Откуда-то посыпались яблоки, запрыгали по мостовой. Строго, требовательно засвистел полицейский. Но Сашка был уже на середине площади.

«Не догонишь...» – подумал Сашка.

Вдруг Сашка увидел, что навстречу ему кто-то бежит. Да ещё тащит за собой кого-то.

Солнце ослепляло Сашку. Он не мог разобрать, кто это. Он вильнул влево, потом вправо. Тут он разглядел по юбке, по каблукам, что навстречу ему бежит женщина. Он попробовал обежать её. Но женщина сделала прыжок и, застывая солнце, надвинулась на него. В Сашино плечо железной хваткой вцепилась её рука.

Сашка поднял голову и обомлел. Это была она, Гришкина тётка, зубной врач.

- Наконец-то изловила тебя! – задыхаясь, проговорила она. – Разбойник! Мальчику моему, Гришеньке, нос разбил. Думал, убежишь? Я из дома выскочила, так даже пальто не надела...

Глава десятая

Гришкина тётка зубной врач

Это были знакомые, знакомые слова...

Сашка мгновенно всё вспомнил.

Да, Катя и Борька сидели на скамейке. Он вспомнил Катин взгляд из-под чёрной чёлки. Как нестерпимо хотелось ему тогда казаться сильным и неустрашимым! И вот как всё это теперь обернулось...

Гришкина тётка была в лиловом платье и в фиолетовой шляпе. На шее у неё болтались белые бусы, и каждая бусина была похожа на выдранный зуб.

Она мучительно, со свистом дышала, тяжело отдуваясь, её хищные глаза сверкали.

Она тащила за руку своего племянника Гришку. Гришка упирался, и от этого его рука казалась очень длинной. А другой рукой он закрывал свой нос.

Сашка даже не сразу узнал его. И вовсе не потому, что Гришка закрывал нос. Он бы узнал его и сзади, и сбоку, и как угодно. По его знаменитой походке. По его самой длинной чёлке во всём районе. Ну, просто потому, что это был Гришка. Воинственный и неуязвимый, которого нельзя было не узнать или с кем-нибудь спутать.

Но теперь это был как будто и не Гришка.

Он весь съёжился, поник. Стал обыкновенный, такой же, как все другие.

- Изловила тебя, – с трудом выговорила Гришкина тётка. В голосе её было торжество и изнеможение. – Попался-таки, голубчик.

На её задыхающийся голос какие-то люди обернулись. Кто-то остановился, глядя на них.

- Ты меня, милый, сегодня на десять лет состарил. Себя не пожалела, но изловила!

Вокруг них стала собираться толпа. Но Гришкиной тётке только того было и надо.

- Видите! Видите! - возбуждённо говорила Гришкина тётка, оглядываясь по сторонам и яростно тряся за плечо Сашку. - Вы только посмотрите, что он сделал с Гришей?! - Она подтянула Гришку к себе поближе. - Мальчик мой! Ходил себе тихо по двору. Никому ничего худого не делал. Никого не трогал. А этот хулиган ни с того ни с сего подскочил и... Я сама из окна видела. Григорий, покажи нос!

Но Гришка не хотел показывать нос.

- А?а... - прорычала Гришкина тётка. Она не знала, как быть. Она боялась хоть на минуту выпустить Сашку. Но выпустить своего племянничка она тоже не решалась. Ей явно не хватало третьей руки. - Григорий, покажи нос, кому говорю!

Но Гришка только, как черепаха, втянул голову. Тут Гришкина тётка ловко перехватила Гришку за другую руку и стала пригибать её книзу. Гришка сдался. Он закрыл глаза и покорно выставил нос вперёд.

Нос был как нос. Ну, красный. Ну, распухший. Подумаешь!.. Сашка и не такие носы видел на своём веку. Но Гришкина тётка просто из себя выходила, глядя на этот нос.

Властно раздвинув толпу, к ним подошёл полицейский.

- Ты что правила нарушаешь? - строго спросил полицейский и положил руку на другое Сашкино плечо.

- Так этот хулиган ещё и нарушитель! - с наслаждением воскликнула Гришкина тётка. - Я предчувствовала это... да...

«Сцапали...» - безнадёжно подумал Сашка.

Рука полицейского тяжело лежала на его плече.

Рука Гришкиной тётки была полегче, но твёрдые её пальцы так и впились в Сашкино плечо. Они, как корни, прорастали в него всё глубже и глубже.

«Это всё из-за вранья проклятого... Из-за него. А может быть, можно всё... назад наврать? Так, как будто ничего и не было?»

- А зато плотину не прорвало! И моя мама дома! - вдруг ни с того ни с сего отчаянно заорал Сашка.

- Твоя мама на работе, - сказал неизвестно откуда появившийся мамин сослуживец Михаил Петрович. Он устало вздохнул. - Там такое творится... Просто водопад. Так что твоя мама специально просила меня забежать к вам и передать, что останется до утра. Так-то. Иду я и как раз вижу - ты...

- Врун! Врун! Врун! - в восторге закричала Гришкина тётка, встряхивая Сашку. - Он ещё и врун!

- А у меня зато дома зверей нет! И зеркало не разбито! - ещё отчаянней закричал Сашка.

Все посмотрели на него как на сумасшедшего.

- Комик, - сказал какой-то добродушный парень и покрутил головой. - Во даёт!

- Как тебе не стыдно, Кукушкин! - с укоризной сказала учительница Анна Семёновна, появляясь из-за плеча полицейского. - Я только что была у тебя дома. Познакомилась с твоим дядей. Боже, в каком состоянии ты держишь свою комнату! Но это отдельный разговор. Мы навели хоть какой-то порядок, накормили зверей и убрали осколки зеркала...

Сашка затравленно оглянулся. Вокруг него стояли люди и смотрели на него. И как будто держали его своими взглядами.

- Пустите меня! - взмолился Сашка. - У меня беда! Пустите же!..

- Беда? - переспросил полицейский. - А именно? Точнее!

- Нет у него никакой беды! Что вы его слушаете? У него опять какое-нибудь хулиганство на уме! - зашипела Гришкина тётка. Она и второй рукой вцепилась в Сашку. Теперь она уже совсем завладела им.

- Мне к Энциклопедии надо! К Волшебной! А то вы все пропадёте! Пустите меня... - в отчаянии закричал Сашка, уже плохо соображая, что он кричит.

Сашка увидел Лёльку. Она изо всех сил вцепилась в железную лапу Гришкиной тётки и по одному отгибала её пальцы. Он увидел Лёлькины глаза, стиснутые зубы и пустоту в том месте, где не хватало двух верхних зубов. Гришкина тётка локтем отшвырнула Лёльку.

«От полицейского я ещё вырвусь, а от этой - нет, никогда... - мелькнуло в голове Сашки. - Её не упростишь».

Сашка втянул в себя воздух.

- Пожар! - вдруг заорал Сашка что было силы. Он даже присел немного. - Тётя! Ваш дом горит!

Всё застыло на мгновение. Люди, машины, ветер. Потом все головы разом повернулись в одну сторону.

- Батюшки! - низким голосом завопила Гришкина тётка. - Горим! Горим!

Руки Гришкиной тётки медленно разжались. Сашка шевельнул плечами, почувствовал: свободен!

- Милые, горим! - закричал ещё кто-то.

- Тётя! - заорал Гришка.

Теперь никто не глядел на Сашку. Всем было не до него.

Сашка бросился бежать прямо к Катиному дому. Он бежал в толпе людей. Перед ним мелькали подошвы, двигались спины, работали локти.

Сашка обогнал учительницу Анну Семёновну. Поднажал и обогнал мамино сослуживца Михаила Петровича.

Теперь впереди были только Гришкина тётка и полицейский. Они бежали рядышком. Впереди всех неслась легконогая Лёлька.

Вдруг Сашка остановился. Кто-то налетел на него, охнул и пробежал мимо. Люди обегали его с двух сторон. Толкали, поворачивали. Сашка остался один посреди улицы. Топот, испуганные крики, вопли удалялись. А он всё стоял как вкопанный и в ужасе смотрел на Катин дом.

Над островерхой крышей Катиного дома поднимались, медленно разрастаясь, страшные, чёрные клубы дыма.

Что он натворил! Он совсем забыл, что Гришкина тётка жила в Катином доме. И теперь горел Катин дом. Горел Катин чердак, где под досками среди пыли и хлама лежала Волшебная Энциклопедия. Что он наделал?

Мимо Сашки с тревожным воем пролетели четыре красные пожарные машины.

Сашка застонал и снова бросился бежать.

Глава одиннадцатая

Горим!

Вдоль всего забора плотно стояла толпа людей. Спины красные, серые, коричневые и в полоску громоздились одна на другую.

Сашка попробовал втиснуться между ними. Куда там! Спины, плечи, локти – всё это отпихивало его, отталкивало, не пропускало. Тогда в полном отчаянии Сашка встал на четвереньки, нырнул между чьими-то ногами и пополз по земле.

Здесь было темно и сумеречно, как в лесу.

Над ним качались и гудели голоса:

- Сгорит!
- Весь сгорит!
- Да ну?!
- Что там пожарные еле шевелятся? Как сонные мухи!
- Сам попробуй! Без воды. Языком-то каждый горазд!
- Хорошо, если один сгорит! Не перекинулось бы!
- А сзади-то дом деревянный!
- А сараи?
- Батюшки, ветер-то какой! Так и дует, проклятый! На наш дом несёт!
- Как бы всё не сгорело!

Сашка пополз быстрее. Он судорожно пробирался через этот лес разных ног. Отдав ногу какой-то тётке. Что-то холодное шлёпнуло его по щеке. Это была сетка, в которой лежала ошипанная курица с закрытыми глазами.

Сашка рванулся в сторону. Попробовал пролезть между двумя толстыми тётками, но оказалось, что там стоит ещё какой-то совсем сплюснутый малыш. Малыш улыбнулся ему и погладил по спине лопаткой.

Сашка уже не понимал, в какую сторону надо ему ползти. Ноги в брюках. Ноги в чулках. Коробка с тортом. Сапоги. Что-то вонзилось ему между лопаток. Зонтик! Нет, конца этому не будет!

Сашка в отчаянии боднул головой чей-то портфель и вдруг вырвался прямо к забору.

Сашка прижался к нему грудью. Схватился за него руками, прильнул глазом к щели.

Что творилось на тихом Катином дворе!

Там стояло, наверно, штук десять машин, если не больше. Бегали пожарные с огнетушителями в руках. С красных машин, дрожа, поднимались серебряные лестницы.

Двери дома поминутно распахивались, и оттуда выбегали люди, держа в руках разные вещи.

Из дома выбежала старушка, прижимая к себе клетку, в которой трепыхалась какая-то птичка. За ней выбежала другая старушка, обнимая руками фикус.

«Может, ещё не поздно? - в тоске подумал Сашка. - Всё дым, огня-то не видно. Может, я успею, схвачу книгу - и назад».

Сашка, расталкивая людей, стал протискиваться к калитке. Но там, беспощадно перегородив вход длинной рукой, стоял полицейский и никого не пускал во двор. А около него Сашка увидел ещё несколько полицейских.

Тут Сашка вспомнил про дыру в заборе. Он вообще-то редко ходил в калитку, он чаще пользовался этой дырой. Вряд ли её тоже охраняли полицейские.

Сашка бросился назад, опять расталкивая людей, пихаясь локтями.

- А, посмотреть не даст!.. - с досадой сказал толстый дядя с портфелем. - То ползает, то бегают.

Сашка побежал вдоль забора. Вот она, дыра. Двух досок не хватает.

Сашка сунул туда голову и увидел синие брюки. Дыру тоже охраняли. Полицейский был высокий-высокий, как башня, и безнадежно строгий.

- Дяденька, - измученно зашептал Сашка, - пустите меня, а? Мне очень надо. Дяденька... что вам, жалко?

Слёзы закипели у Сашки на глазах и потекли по щекам. Он так и замер, глядя снизу вверх на полицейского.

- Что ты, что ты... будет тебе... - даже как-то испуганно сказал полицейский и присел на корточки рядом с Сашкой.

Сашка тупо удивился. Он никогда не видел, чтобы полицейские сидели на корточках.

- Ты что, тут живёшь?

- Ага... - вне себя проговорил Сашка. - Ага...

- Маму ищешь? - с сочувствием спросил полицейский.

Сашка быстро закивал головой.

- Иди, поищи, - сказал полицейский. - Да не дрожи так... Никуда твоя мама не денется, тут где-нибудь. Только, слышь, к дому не подходи.

Полицейский снизу подхватил Сашку одной рукой и помог ему пролезть через дыру. Сашка встал. Его качало. Он пошёл к дому, но нарочно повернул голову в сторону, незаметно убыстряя шаги. Полицейский стоял и неподвижно глядел на него. Сашка проскочил между двумя машинами и вильнул к дому.

- Куда? - закричали сзади.

В подъезде горько и страшно пахло дымом. Мимо Сашки вниз по лестнице бежали люди. Сашка услышал над головой топот маленьких башмаков по ступенькам. Навстречу Сашке, не видя его, бежала Лёлька.

Лёлька прижимала к груди большую лысую куклу. Одна рука у куклы болталась на нитке. А глаза всё время со стуком закрывались и открывались.

Лёлька пробежала мимо, совсем слепая от слёз. Жалость, тоска сдавили Сашке грудь.

- Лёлька... я так не хочу... - зашептали его губы бессмысленные слова. - Не надо эту куклу... Я не знал... я не буду...

Сашка, напрягая последние силы, бросился вверх по лестнице.

Вдруг Сашка остановился, и нога его повисла над ступенькой. Потом медленно, потрясённый, он стал пятиться назад.

Сверху, под бормотанье, рычанье, повизгиванье, как под звуки какого-то дикого, нестройного оркестра, спускался Симеон Симеонович со всеми своими зверями.

«Как его занесло сюда? - мелькнуло в голове у Сашки. - В гости ходил, что ли? И зверей взял?»

Вокруг Симеона Симеоновича пышно колыхался густой дым. Все четыре обезьяны обняли его за шею, и казалось, что у Симеона Симеоновича пять голов. В руках он нёс медвежонка да ещё подпихивал ногой большую медведицу, которая, переваливаясь, неуклюже спускалась по ступенькам.

И тут Сашка просто обомлел.

Позади Симеона Симеоновича шла Сашкина мама. Она неловко прижимала к себе коричневого медвежонка. А медвежонок испуганно вырывался и отпихивался короткими, толстыми лапами. Губы у мамы дрожали, она была бледна.

- Ничего... - немного задыхаясь, проговорила мама. - Вещи - дело наживное... Как-нибудь проживём...

- Как-нибудь, Маша... - с натугой сказал Симеон Симеонович, покачиваясь под тяжестью обезьян. - Потушат, авось всё не сгорит...

У мамы от дыма слезились глаза. Она старалась вытереть мокрую щеку о плечо и не заметила Сашку. К тому же в это время между ней и Сашкой оказалась большая медведица да ещё нога Симеона Симеоновича, подталкивающая медведицу.

«Почему у нас всё сгорит? - подумал Сашка. - Ведь не наш дом горит...»

- Ой! - Сашка повернулся и упёрся лбом в холодную пыльную батарею. - Это я тому дяденьке полицейскому наврал, что тут живу. И теперь мы и вправду тут живём. Я же ему только «ага» сказал. От одного «ага» такое вышло. Значит, даже кивнуть головой нельзя. Да что же это? Всё хуже и хуже!..

Навстречу ему бежали какие-то люди, что-то крича и кашляя. То чья-то рука, то голова, то круглая каска пожарного высывались из дыма.

Все люди бежали только вниз, вниз, вниз, и только один Сашка бежал вверх. И от этого ему стало совсем страшно.

А дым становился всё гуще. Он выедал глаза, жёг в груди.

- Эй, Степанов, людей больше нет? - закричал снизу чей-то голос. - Проверить по всем квартирам!

Сашка зажал нос и рот, зажмурился. Хватаясь за перила, он подтягивал себя кверху, с трудом преодолевая каждую ступеньку, расталкивая плотный и горячий дым.

- Немножко, ещё немножко... - вспомнил Сашка, и перед ним проплыло Лёлькино лицо с испуганными и сострадающими глазами.

Перила кончились. Не открывая глаз, он, как слепой, стал шарить вокруг себя, стараясь нащупать дверь на чердак.

Вот она! Доска качается - значит, она. Раскалённый тяжёлый дым ударил в лицо.

На чердаке творилось что-то невероятное. Там в глубине что-то трещало и ухало. Даже сквозь зажмуренные веки Сашка почувствовал что-то красное, движущееся, огненное.

- Книжки, книжечки! - беспомощно позвал Сашка, будто эти книжки были щенятами и могли сами подбежать к нему.

Сашка протиснулся в дверь, уже ничего не чувствуя, кроме невыносимого, палящего жара. Сноп искр ослепил его. Он задышался.

Он не мог не дышать. Но дышать было нечем. Он открыл глаза на мгновение и увидел охваченный огнём сундучок. Увидел остро, чётко, ясно освещённую огнём каждую щель. С гудением из него било пламя.

Сашка глотнул жгучий, набитый искрами дым. Голова закружилась. Больше нельзя было ни дышать, ни жить...

И Сашка, протянув руки, плашмя упал на горящий сундучок.

Глава двенадцатая

Здравствуй, двойка!

Сашка открыл глаза. Он сидел на чердаке около окна, и острый свежий воздух оведал его лицо.

Сашка ещё плохо понимал, где он. Он только с жадностью смотрел на окошко «кошачий глаз», на косо повисшую раму, на солнечный луч, наполненный цветными пылинками.

Сашка осторожно повернул голову. Он ещё боялся испугнуть всё это, боялся, что всё исчезнет: и чердак, и куча старого хлама, и тишина. Он чуть наклонил голову и скосил глаз. Сундучок. Он сидел на сундучке.

На коленях у него что-то слабо шевельнулось.

На коленях у него лежал раскрытый дневник. Сквознячок пролез между листами и перебирал их. Сашка с трудом разжал затёкший, судорожно сжатый кулак. С ладони прыгнул ластик, упал на пол и упруго скакнул в темноту.

mir-knigi.org

Сашка глянул в дневник. Двойка! Двойка! Милая! Живая и здоровая! Стоит себе как ни в чём не бывало, будто её никто и не стирал резинкой.

Безумная радость охватила Сашку. Значит, всё! Значит, ничего и не было! Ни пожара, ни аварии, ни «Степана Разина», лежащего на боку. Ничего, ничего!..

Сашка вскочил на ноги. Ура! Он затанцевал по чердаку, и луч солнца замутился от клубов

пыли.

Какое счастье! Ну и пусть папа посердится. Пускай даже ремнём... Переживёт он это. Пусть он не поедет с классом на катере. Не поедет с Катей.

Сашка вспомнил светлые сощуренные глаза Кати. Как она засмеялась там, на обрыве, когда со «Степаном Разиным» случилась беда!

И вдруг Сашка понял, что, хотя этого теперь как будто и не было вовсе, он никогда не забудет этот смех.

Тяжёлая туча стала наползать на солнце. На чердаке сразу же потемнело. Чернота надвинулась на солнце. И вся куча старья опять показалась таинственной и странной.

«Почему же кончилось волшебство? – подумал Сашка. – Я тогда не разобрал до конца, что там было...»

Ему не хотелось даже прикасаться к Волшебной Энциклопедии. Он наморщил лоб, вспоминая:

- Мне свидетель звёздный Лев,
Свет Стрельца и Водолея!
Волшебства сломай печать!
Только жи... не жа...
И себя преодо...
Смо... сно... всё... на...

И вдруг буквы сами собой подставились, и Сашка как-то легко и просто понял, что там было написано.

- Мне свидетель звёздный Лев,
Свет Стрельца и Водолея!
Волшебства сломай печать!
Только жизни не жалея
И себя преодолев,
Сможешь снова всё начать!..

Сашка разгрёб пыльный хлам и сунул сундучок в самую глубину. Завалил досками, припёр сломанным велосипедом, а сверху ещё положил стул.

Тут уж её никто не найдёт. Эта Волшебная Энциклопедия – опасная штука. Ещё попадёт в руки какому-нибудь Гришке. Он чёрт-те что натворит.

- Пусти! Я тебя трогала, да? – раздался со двора тонкий плачущий голос.

Сашка выглянул в слуховое окошко. Ну, так и есть: Гришка сцапал Лёльку. Он обмотал вокруг кулака её косичку – крысиный хвост и медленно, безжалостно подтягивал её к себе. Лёлька старалась вытянуть косу из его кулака, и лицо её сморщилось от боли.

И тут Сашка понял, что он ударит Гришку. Сейчас сбежит вниз и ударит его... изо всей силы. Что бы потом Гришка с ним ни сделал, всё равно он будет драться с Гришкой до последнего.

- Ты что делаешь? – яростно заорал Сашка, наполовину высовываясь из окна. – А ну, пусти её! Зубы тебе мешают? Так я их тебе сейчас пересчитаю!

Гришка в изумлении поднял голову и застыл.

И Лёлька подняла кверху бледное маленькое лицо. И на лице её был только испуг, никакой радости.

- Вот ненормальный, - сказал Гришка, сплюнул, выпустил Лёлькину косичку и пошёл к калитке. Вид у него был такой, что ему просто лень связываться с Сашкой, что у него есть дела поважнее.

Но Сашка видел, что Гришка идёт чуть-чуть быстрее. Совсем чуть-чуть. Самую малость. Но всё же торопится.

Сашка был мальчишка. И он прекрасно понимал, что это значит.

Его так и обожгло изнутри жаром от гордости.

Сашка выкарабкался на лестницу, приладил доску на место и побежал вниз.

Он думал о том, что, когда он уже исправит эту двойку и дома все забудут о ней, он очень попросит маму, чтобы она забрала к ним Лёльку.

Похоже, что она там никому не нужна. А если даже они не отдадут им Лёльку, то всё равно: пусть только попробует кто-нибудь её тронуть, пусть только попробует.

Приключения плюшевого тигра

Глава первая

Прежде чем я расскажу вам всю эту невероятную историю, вы должны узнать, что случилось в этот день рано утром.

Было воскресенье. Поэтому Серёжа Скворцов решил сходить в кино, а его мама собиралась пойти по всяким своим взрослым делам.

Мама надела очки и посмотрела на Серёжу. Потом она сказала таким голосом, от которого сразу десять сыновей могли покраснеть с головы до ног.

- Ах! - сказала она. - Посмотри на свои брюки. Я их только вчера погладила. Ну как ты огорчаешь меня своей рассеянностью и своими брюками! А ещё идёшь в кино вместе с Наташей...

Серёжа посмотрел на свои мятые брюки и покраснел. Брюки были мятые потому, что вчера он лёг в постель и забыл их снять. Правда, потом он вспомнил, но было уже поздно...

Нет, чтоб не терять времени зря, лучше сразу сказать вам всю правду о Серёже Скворцове. Человек он был просто замечательный, хороший друг и отличник почти по всем предметам. Но была у него одна ужасная черта характера: Серёжка Скворцов был рассеянный.

И вот мама, зная его характер, потому что она была его мама, уходя, сказала ему:

- Серёженька, умоляю тебя, когда пойдёшь в кино, проверь газ на кухне, не оставляй свет в передней, дверь один раз захлопни и два раза дёрни.

Затем мама надела перед зеркалом голубую шляпку с пёрышком, поцеловала Серёжку и ушла.

А Серёжа поглядел в зеркало на свои мятые брюки, и вдруг ему пришла в голову одна мысль: он решил их погладить. А что тут такого особенного? Он уже два раза в жизни гладил сам себе брюки. Серёжа поставил утюг на узорную металлическую подставку и сунул вилку в чёрный штепсель. А когда через пять минут он послюнявил палец и потрогал утюг, то утюг зашипел на него, как гусь.

Серёжка уже отгладил одну штанину, но тут зазвонил телефон. Это была Наташа Петрова.

- А я тебя жду-жду на углу. Уже, наверно, полчаса жду! - сказала Наташа своим красивым голосом, как будто она говорила из стеклянной телефонной будки в прозрачную стеклянную трубку.

- Сейчас иду! - крикнул Серёжа. - Подожди!

Он прямо-таки прыгнул в брюки, выключил газ на кухне, погасил свет в передней, один раз захлопнул, а потом два раза дёрнул входную дверь и сломя голову побежал вниз по лестнице.

«Все думают, что я рассеянный, - подумал он, - а я вот взял и ничего не забыл...»

Вот что случилось в воскресенье утром. А теперь послушайте, что было дальше...

Глава вторая

В комнате было тихо-тихо.

Солнце бесшумно светило в открытое окно. Разноцветные пылинки кувыркались в широком жёлтом луче, но тоже делали это совсем тихо.

Серёжкин плюшевый тигр, лежавший на диване и давно уже ставший не то игрушкой, не то подушкой, зашевелился и с усилием встал на четыре лапы.

Оттого, что он редко слезал с дивана, и оттого, что на него часто садились, опилки, которыми он был набит, сваялись в один комок, и тигр двигался с большим трудом.

Плюшевый тигр сделал несколько шагов и скатился прямо под стол.

«...Раз уж я набит опилками, - рассуждал он, вылезая из-под стола, - я не буду отрицать, что стол и диван мои родственники. Нечего задирать нос, особенно перед теми, у кого вообще нет носа. И всё-таки это очень дальняя родня...»

А самой близкой своей родственницей плюшевый тигр считал мамину меховую шубку, жёлтую с чёрными полосками. Она была такая добрая и пушистая!.. Когда зимой мама надевала эту шубку, тигр любил думать о том, что Серёжкина мама немного и его мама.

Для начала плюшевый тигр решил сделать зарядку. Он стал приседать на задних лапах, разводя в стороны передние, стараясь глубоко дышать, чтобы получше проветрить свои опилки. При этом он пел такую песенку:

- Сказать по правде: мой диван
Имеет маленький изъян.
Ведь там, где есть диваны,
Чудесные диваны
(Я сам не знаю почему),
Не скачут обезьяны.
Сказать по правде: океан
Не омывает мой диван.
Ведь там, где океаны,
Большие океаны
(Я сам не знаю почему),
Там не стоят диваны.

А потом ему захотелось попрыгать по комнате. Сначала он прыгнул на низкую табуретку, потом на стул с высокой спинкой, а оттуда прямо на стол.

И вдруг - ой!

Плюшевый тигр с разгона ткнулся носом в раскалённый утюг.

Тигр взвизгнул и отскочил в сторону. Он сразу же почувствовал носом запах палёного. Конечно, очень легко почувствовать носом запах палёного, когда ты спалил свой собственный плюшевый нос.

- Серёжа забыл выключить утюг! - сообразил тигр. - И поставил его прямо на скатерть!..

От ужаса вся шерсть на нём встала дыбом.

Больше всего на свете плюшевый тигр боялся пожара. Он представил себе, как стонут и трещат в огне его двоюродный стол и троюродный диван, как огонь добирается до маминой шубки, как пламя с хохотом глотает Серёжины дневники вместе с четвёрками и пятёрками.

Тигр вцепился передними лапами в шнур утюга и стал тянуть и тянуть его изо всех сил. Он чувствовал, как рвутся нитки у него на спине, на лапах и даже на хвосте. Но всё равно выдернуть вилку из штепселя он не мог.

- я больше не увижу моего Серёжку! - в отчаянии всхлипнул плюшевый тигр. - Потому что я сгорю. И Серёжа больше меня не увидит, потому что я сгорю...

Тигр прыгнул на подоконник.

Окно было открыто. Ветер шевелил глупые, весёлые занавески с розовыми цветочками.

«А если я выпрыгну из окна, - подумал тигр, - то всё уже не сгорит, потому что я не сгорю. А если я не сгорю и выпрыгну из окна, то я пойду и обязательно найду Серёжу или маму. Они не игрушечные. Они сильные. Они выключат этот злой утюг - и всё...»

Плюшевый тигр посмотрел во двор. Там ходили очень короткие люди и совсем крошечные ребяташки. Потом он увидел, как по двору пробежала длинная полосатая кошка.

- Раз, два, три!.. - сказал тигр... и не прыгнул. - Лучше я сосчитаю до пяти, потому что я живу на пятом этаже! - сказал сам себе тигр. - Раз, два, три, четыре, пять! - сосчитал тигр и опять не прыгнул. - Нет, если считать «раз, два, три, четыре, пять», то получается какой-то «вышел зайчик погулять». Это всё несерьёзно... - озабоченно бормотал тигр. - Не помню, кто-то говорил мне, что когда прыгаешь из окна, то лучше считать до десяти или даже до ста...

Но в этот момент до тигра донёлся слабый запах гари.

Можно было подумать, что этот запах подтолкнул его. Плюшевый тигр высоко подпрыгнул и полетел вниз.

Глава третья

Плюшевый тигр упал довольно удачно. Сразу на все четыре лапы, как обычно падают кошки. Правда, нитки на одной лапе порвались, а голова кружилась, как будто в ней произошло сотрясение опилок.

Но это всё были пустяки. Главное, что никто не обратил на него внимания. Все, кто были во дворе, толпились около большого зелёного самосвала. Самосвал, подняв кузов, высыпал на середину двора целую кучу ярко-жёлтого песка. А вокруг с горящими глазами стояли малыши. В руках они держали совки и лопаты, чтобы сразу начать копать в песке, как только

самосвал отъедет.

Плюшевый тигр перебежал через двор и бросился к тёмным воротам. И вдруг навстречу ему из ворот вышли две совершенно одинаковые собаки. Такие светло-серые с тёмно-серыми пятнами.

Это были Жучка Петина и Жучка Колина. А звали их так потому, что они были очень похожи друг на друга, жили в одном доме и обеих звали Жучками. Их даже хозяева путали, и из-за этого бывало много ужасных недоразумений. Хорошо ещё, что они своих хозяев не путали. Правда, Петя и Коля были совсем не похожи друг на друга. И вот Жучка Петина и Жучка Колина остановились. Они повернули свои одинаковые головы и посмотрели на бегущего плюшевого тигра.

- Игрушка! - прорычала Жучка Петина.

- Куда-то очень быстро бежит! - добавила Жучка Колина.

- Тоже придумала по нашему двору бегать... - проворчала Жучка Петина. - Если тут все игрушки забегают, так порядочной собаке и ступить негде будет...

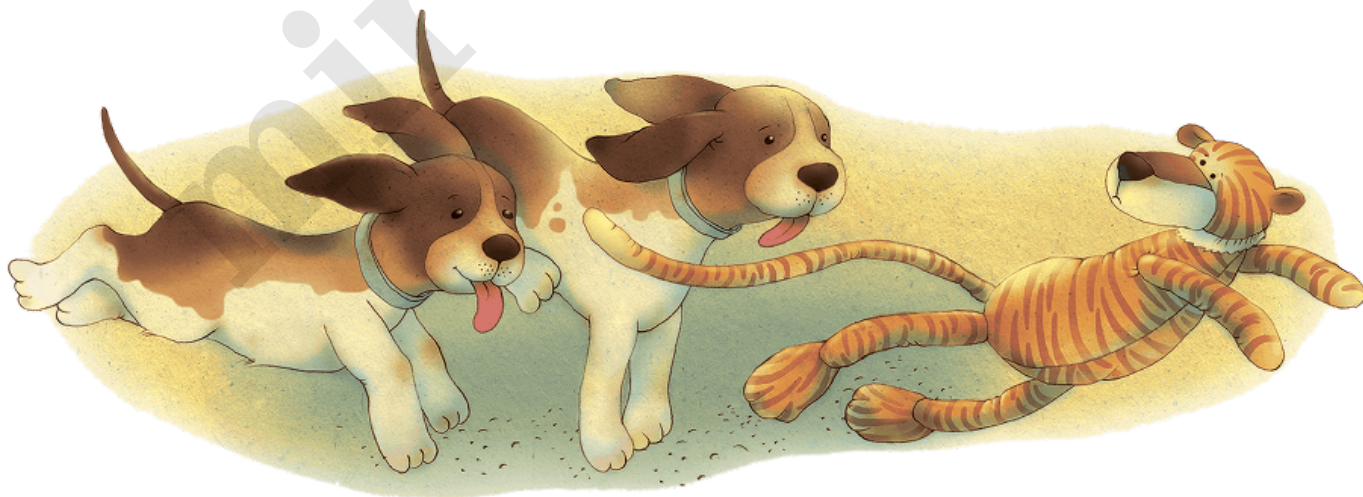
- Правильно! - сказала Жучка Колина радостным голосом. - Поэтому я сейчас схвачу эту игрушку и отнесу Коле.

- Нет, это я её сейчас схвачу и отнесу Пете, - прорычала Жучка Петина.

- У моего Коли через месяц день рождения, и я ему её подарю! - умоляюще тявкнула Жучка Колина.

- Нет, это у моего Пети в прошлом месяце был день рождения, а я ему до сих пор ещё ничего не подарила... - рывкнула Жучка Петина.

И обе Жучки бросились за плюшевым тигром.

Бедный маленький тигр!

Он бежал так быстро, что невозможно было сосчитать, сколько у него лап. А они - эти ужасные собаки - были всё ближе и ближе... Ещё мгновение - они схватят его и разорвут на части. И даже не получат при этом никакого удовольствия.

Тигр повернул за угол и сразу попал под ноги какому-то малышу, которого тащила за руку ещё не очень старая старушка, наверно, его бабушка.

День был очень жаркий.

Все ребята бегали в одних шортах и рубашках.

А на малыше, которого вела за собой бабушка, был надет шерстяной костюмчик с корабликами и рыбками. На голове у него была шапочка с помпоном, похожим на большое яблоко.

И конечно, поэтому несчастный ребёнок оглушительно ревел. Пот капал у него со лба, щёк и носа. А из глаз лились слёзы. Можно было подумать, что у него плачет сразу всё лицо.

Увидев тигра, малыш моментально схватил его и прижал к своей груди.

- Это моя Киса! - сказал он.

- Это чужая Киса! Может быть, её какой-нибудь больной ребёнок бросил! - заволновалась бабушка и попробовала отнять у него тигра.

Но малыш заревел ещё громче.

- Молодые люди, это ваш тигр? - закричала бабушка мальчишкам, играющим в футбол на другой стороне улицы.

Но мальчишки ничего не ответили.

Только две совершенно одинаковые собаки стояли рядом и не сводили жадных, сверкающих глаз с игрушки.

Бабушка махнула рукой. А малыш вытер плюшевым тигром пот и слёзы, несколько раз глубоко вздохнул и успокоился.

Они вошли в подъезд нового жёлтого дома и поднялись по лестнице. За ними захлопнулась тяжёлая дверь с замками и цепочками.

«Всё пропало! - в отчаянии подумал тигр. - Отсюда мне уже не выбраться! И я больше никогда не увижу моего Серёжу Скворцова...»

В комнате, куда малыш принёс плюшевого тигра, на стене висел большой портрет моряка в капитанской фуражке, а на шкафу стояла игрушечная модель прекрасного корабля. На таком корабле можно было свободно доехать до любого места, где живут настоящие тигры.

Малыш положил тигра на стул и пошёл вслед за бабушкой умываться.

Тигр сейчас же прыгнул на подоконник.

Но окно было закрыто - наверно, для того, чтобы в комнате было поменьше свежего воздуха.

Тигр с тоской посмотрел на улицу. Там, на воле, ходили разные люди. Какая-то тётя везла ребёнка в розовой коляске. И ребёнок чему-то весело улыбался.

- я даже не могу выпрыгнуть из окна... - простонал тигр. - А если я и выберусь как-нибудь на улицу, всё равно меня схватит любая собака и любой ребёнок... Ведь я такой маленький

и слабый...

И вдруг он увидел на подоконнике большой морской бинокль. Наверно, это был бинокль самого капитана. Может быть, он забыл его, когда отправлялся в плавание, а может быть, это был его запасной бинокль.

Тигр заглянул в бинокль - и ахнул.

Вся улица мгновенно изменилась.

Дома стали шире и выше. Сосиски, мирно лежавшие в витрине продовольственного магазина, стали размером с колбасу. А чтобы поднять одну бутылку молока, надо было бы позвать десять продавцов и одного директора. Что касается тёти, которая везла малыша в коляске, то она стала самой большой тётёй на свете. Коляска стала, как грузовик. А малыш, если бы он вылез из коляски, мог бы сразу пойти учиться в десятый класс.

«Вот так штука! - в изумлении подумал тигр. - Значит, если посмотреть в бинокль, всё сразу становится огромным!.. А что, если я возьму и пролезу сквозь этот бинокль? Ведь тогда и я должен сразу увеличиться. Это же ясно!»

Плюшевый тигр разволновался и забегал по подоконнику между горшками цветов.

Конечно, это была невероятно смелая мысль.

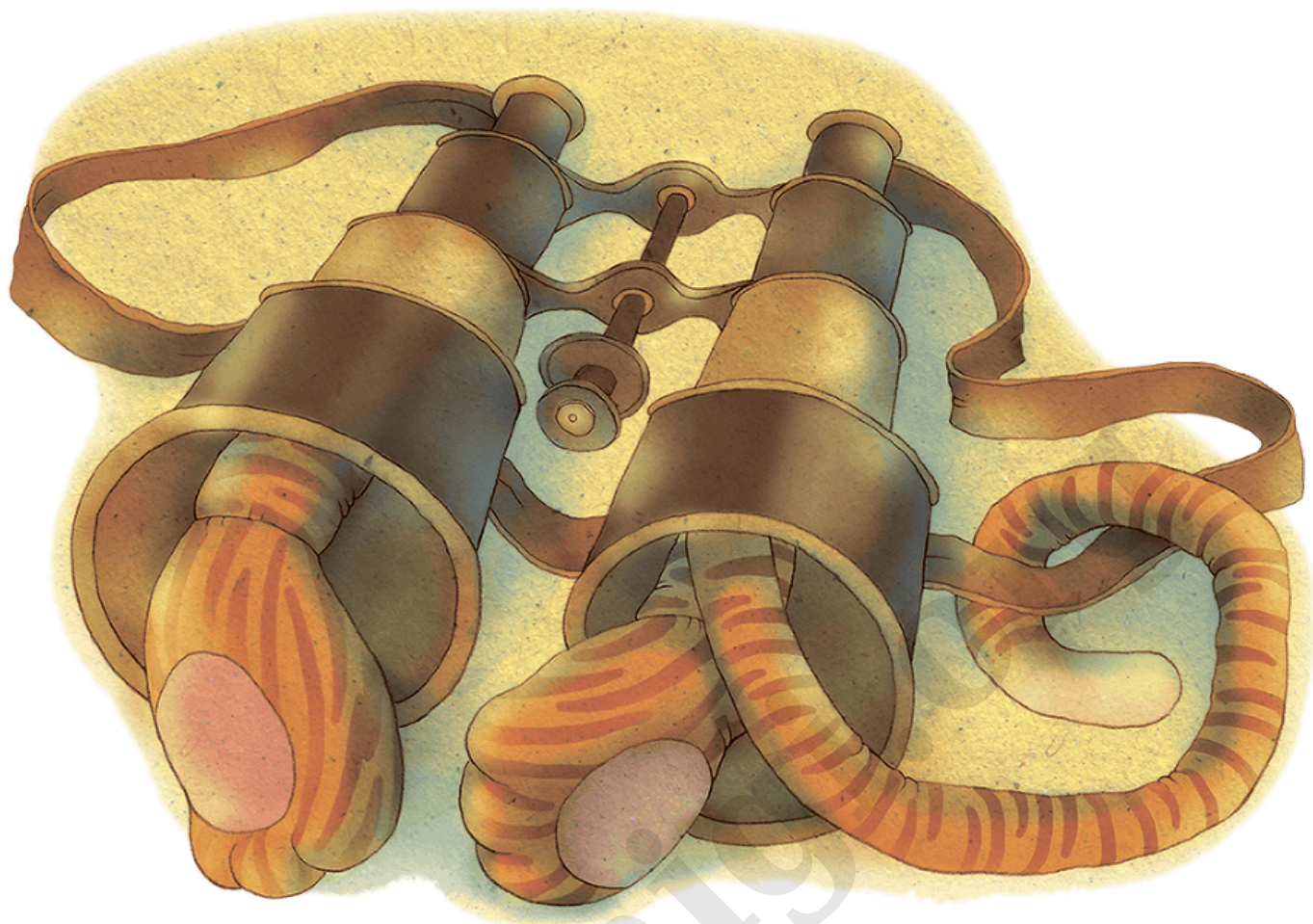
Ведь никто из его знакомых ещё не пролезал сквозь бинокль.

Может быть, это опасно? Может быть, это вредно для здоровья?

- А где моя Киса? - вдруг запищал за дверью малыш.

Нельзя было терять ни секунды. Надо было на что-то решаться.

- Серёженька! - прошептал плюшевый тигр, разбежался и, вытянув вперёд лапы, нырнул прямо в бинокль.

Он ничего не успел почувствовать. Всё произошло очень быстро. Его подхватили какие-то голубые и зелёные волны. Что-то оглушительно треснуло и ослепительно вспыхнуло.

Тигру показалось, что он лопнул, как воздушный шарик, а все его опилки разлетелись в разные стороны. В следующее мгновение тигр кувырком полетел с подоконника, уронив по дороге какой-то противный колючий цветок без цветов.

Подоконник неожиданно оказался совсем маленьким и узким.

Тигр сделал несколько шагов и сразу уронил два стула.

«Вот это здорово! – с восторгом подумал он. – Я стал большим. Во мне теперь по крайней мере две лошадиные силы!..»

– Батюшки! – где-то закричала бабушка. И как отдалённый гром мрачно загрохотали кастрюли.

Плюшевый тигр перепрыгнул через стол и, распахнув дверь, выскочил в переднюю.

Глава четвёртая

Тем временем Жучка Петина и Жучка Колина сидели около подъезда и, высунув свои одинаковые языки, ждали, что будет дальше.

Всё равно торопиться им было некуда. Петя и Коля пошли в театр и не взяли их с собой.

Вот они сидели и от скуки тихонько пели разные собачьи частушки.

Первой запела Жучка Петина:

- я - собака Петина,
На лбу моём отметины.
Уши мои гладкие,
А кошки очень гадкие.

Жучка Колина посмотрела на Жучку Петину с молчаливым восторгом. Хотя на лбу у Жучки Петининой не было даже маленького пятнышка, а шерсть на ушах торчала клочьями, зато она была настоящим поэтом.

Жучка Колина отошла в сторонку и тоже стала сочинять частушку, тяжело вздыхая и молча шевеля губами.

Потом она робко запела:

- я - собака Колина,
Его подруга школьная.
Его до школы провожу
И под окошком подожду.

- Гав-гав-гав! - презрительно захохотала Жучка Петина. - Ты бездарна, как кошка! Ты ничего не понимаешь в настоящей поэзии. Вот слушай:

С ним на парте я сажу.
Его тетрадки лижу.

Жучка Колина только вздохнула с восхищением и завистью. А Жучка Петина подняла голову и снова запела:

- я нисколько не шучу,
Я Петю лаять научу.
Будет он кричать: «Гав?гав!»,
Хватать прохожих за рукав.

Но не успела она допеть последнюю ноту, как дверь подъезда с грохотом распахнулась. Оттуда выскочило какое-то неизвестное, необъяснимое существо.

Оно было огромным, мохнатым и необыкновенно полосатым. У него были зелёные вытаращенные глаза, а позади болтался длинный хвост.

Жучки мгновенно вскочили на свои одинаковые лапы, зарычали одинаковыми голосами и бросились за ним вдогонку.

- Это настоящий тигр! - на бегу рявкнула Жучка Петина.

- Но он пахнет опилками! - робко тьякнула Жучка Колина.

- Это игрушечный тигр! - уверенно пролаяла Жучка Петина и побежала ещё быстрее.

- Но ростом он совсем как настоящий тигр! - тихо возразила Жучка Колина и побежала помедленнее.

- я наполовину не боюсь, а наполовину боюсь! - прорычала Жучка Петина.

- А я, наоборот, наполовину боюсь, а наполовину не боюсь! - призналась Жучка Колина.
- Давай сложим эти половинки. Тогда одна из нас будет бояться, а другая не будет бояться!
- Ладно! Гав?гав!..
- Тогда давай я буду бояться, а ты не будешь бояться.
- Ладно! Гав?гав!..
- Тогда чего же ты! - рявкнула Жучка Петина. - Хватай! Хватай его за ногу!
- Нет уж! Давай лучше я буду бояться, а ты не будешь! - твякнула Жучка Колина.

А плюшевый тигр в ужасе мчался посреди улицы, прижав к голове круглые уши.

Прохожие шарахались от него с перекошенными от страха лицами, кто громко вскрикивая, а кто, наоборот, молча закрывая рот ладонью.

Что касается старушек, то они сразу же падали в обморок.

Пока тигр добежал до угла и свернул на Садовую улицу, в обморок упали пять старушек: Нина Васильевна, Анна Петровна, Валентина Семёновна, Лидия Степановна и Олимпиада Ильинична.

А за тигром бежала толпа народа. Те, кто были очень смелые, бежали очень быстро. Те, кто были потрусливее, бежали помедленнее.

Впереди всех бежал полицейский и громко свистел в свой свисток. За ним бежал высокий старый дворник. Он был тоже очень смелый, потому что для своего возраста он бежал очень быстро. Его длинная белая борода развевалась по ветру и щекотала лицо бегущего позади него толстого гражданина с двумя толстыми портфелями. Гражданин отмахивался от бороды портфелями. Один портфель расстегнулся, и из него посыпались круглые удивлённые бублики.

А позади уже неслась целая толпа дядей и даже несколько смелых тётей.

Другой полицейский, который сидел в круглой стеклянной будке и не мог оставить свой пост и бежать за тигром, позвонил по телефону всем полицейским и сказал:

- Так, мол, и так. По Садовой улице в настоящее время бежит тигр и очень мешает уличному движению. Принимайте меры!..

Бедный, несчастный тигр! Он никогда не бегал по улицам. Его совершенно оглушил этот крик и топот. К тому же, когда он падал из окна, у него порвались нитки на одной лапе. И теперь из этой лапы всё время сыпались опилки! Но какие это были опилки! Ведь не надо забывать, что они тоже во много раз увеличились.

Поэтому теперь из лапы плюшевого тигра сыпались на асфальт уже не опилки, а довольно-таки большие деревяшки.

Первым споткнулся и упал толстый гражданин с портфелем. Падая, он ухватился за длинную белую бороду бежавшего впереди дворника. Потому что, когда человек падает, у него остаётся слишком мало времени, чтобы как следует подумать, за что надо хвататься, а за что не надо.

Дворник упал на толстого гражданина, а сверху на них стали падать другие дяди и, наконец, даже некоторые смелые тётки, бежавшие позади всех.

Но вдруг со всех сторон послышалось: тр-тр-тр! Это из разных переулков стали выезжать полицейские на мотоциклах. Откуда-то появился грузовик. В кузове стояла большая железная клетка.

С грузовика стали спрыгивать люди в синих комбинезонах. В руках они держали длинную и, наверно, очень крепкую сетку.

- Какие хитрые! - шепнула Жучка Петина Жучке Колиной. - Они нарочно делают вид, что идут ловить рыбу, а не тигра!

Неизвестно, о чём подумал тигр. Он жалобно завизжал и попробовал перепрыгнуть сразу через одного полицейского и один мотоцикл. Но люди в синих комбинезонах подскочили и ловко накинули на него сетку. Толпа окружила тигра.

Тигр беспомощно лежал на боку и смотрел на всех испуганными, умоляющими глазами. То есть, конечно, не глазами, а пуговицами. Только не надо забывать, что эти пуговицы тоже увеличились. Раньше они были совсем маленькими. Теперь они стали большими, как пуговицы для пальто.

- Отпустите меня, пожалуйста! - вдруг завопил тигр громким голосом.

Толпа дрогнула и замерла.

- Дрессированный! - в восторге воскликнула какая-то румяная тётка в розовом платье. - Он, наверно, из цирка убежал!

- Дожили! - сказал толстый гражданин, мрачно глядя на свои похудевшие портфели. - Уже тигры разговаривают!

- Отпустите меня! Я - Серёжин! - опять закричал плюшевый тигр умоляющим голосом.

- Какой разговорчивый! - радостно сказала румяная тётка. - Серёжин - это, наверно, фамилия укротителя.

- У нас утюг включён! Понимаете?! Понимаете?! - в полном отчаянии крикнул тигр.

Тётка приложила розовые ладони к румяным щекам и сказала:

- Понимаю, понимаю! Он хочет сказать, что новый номер с утюгом включён в программу...

Но тут люди в синих комбинезонах ловко сунули тигра в клетку, и машина тронулась. На тротуаре осталась только куча бывших опилок. Взволнованная толпа ещё долго не расходилась, горячо обсуждая, что лучше: говорящие тигры или говорящие попугаи.

Глава пятая

Между тем в цирке в большой железной клетке сидел совершенно настоящий живой тигр. Шершавым, похожим на тёрку языком он лизал свою большую лапу.

Это был очень талантливый, умный и знаменитый тигр. За всю свою жизнь он ни разу никого не съел и даже не укусил. Укротитель, который его укрощал, иногда с радостной улыбкой

совал свою голову прямо к нему в пасть. Но к старости характер у тигра испортился. Он стал мрачным и подозрительным. То ему казалось, что во время выступления его нарочно плохо освещают, то музыка играет какая-то совсем неподходящая.

- Два представления в день! - сердито бормотал он. - Безобразие! Хотят, чтобы я работал, как верблюд. Не успел отдохнуть от ребячьего визга - выступай для взрослых... Это всё интриги... Это всё дрессированные обезьяны...

Тигр, сонно рыча, улёгся поперёк клетки.

- Знают, что я культурен и прекрасно воспитан... - продолжал он ворчать. - Вот и пользуются... А вот если бы я был простым диким тигром...

И тигр мрачно запел такую песню:

Песенка тигра

В джунглях зелёных,
Жёлтых, пурпурных
Бегают много зверей некультурных.
Скачут там мои сестрицы - тигрицы.
Скачут там мои братишки - тигришки.
Ходит мама там - тиграма.
Ходит папа там - тиграпа.
Ходят дяди там и тётки.
Всё тигряди и тигрётки.
Если в лапы,
Если в лапы
К ним случайно попадёте,
Вы, конечно, пропадёте...

Голос тигра звучал всё тише и тише... Он закрыл глаза с рыжими ресницами. Но ему так и не удалось заснуть.

Неожиданно железная дверь клетки с лязгом открылась, и люди в синих комбинезонах втолкнули туда ещё одного тигра.

Но что это был за тигр!

Мятый, грязный, с круглыми перепуганными глазами, с высунутым языком...

Старый тигр вскочил на ноги. От ярости у него перехватило дыхание. Его глаза стали сначала совершенно зелёными, потом совершенно жёлтыми, а потом совершенно красными. Можно было подумать, что у него не глаза, а настоящий светофор.

Как?! Без его разрешения?! Не дав ему даже вздремнуть после обеда! И всё это при такой нагрузке!.. Видимо, они хотят, чтобы вечером он выглядел просто отвратительно...

- Защищ-щ?щайся! - заревел старый тигр, и эхо прокатилось под потолком.

- Не-не-не могу! - заикаясь проговорил тигр с круглыми глазами. - Мне не-не-нечем!..

Он широко открыл свой рот, как будто на приёме у зубного врача. Старый тигр невольно заглянул туда, как будто он действительно был зубным врачом, и замер, потрясённый: во рту не было ни одного зуба! Ни единого!

Старый тигр от удивления тоже широко открыл рот. Так они просидели некоторое время, с изумлением глядя друг на друга.

Потом старый тигр с лязгом закрыл свою пасть и, вытянув шею, стал обнюхивать плюшевого тигра.

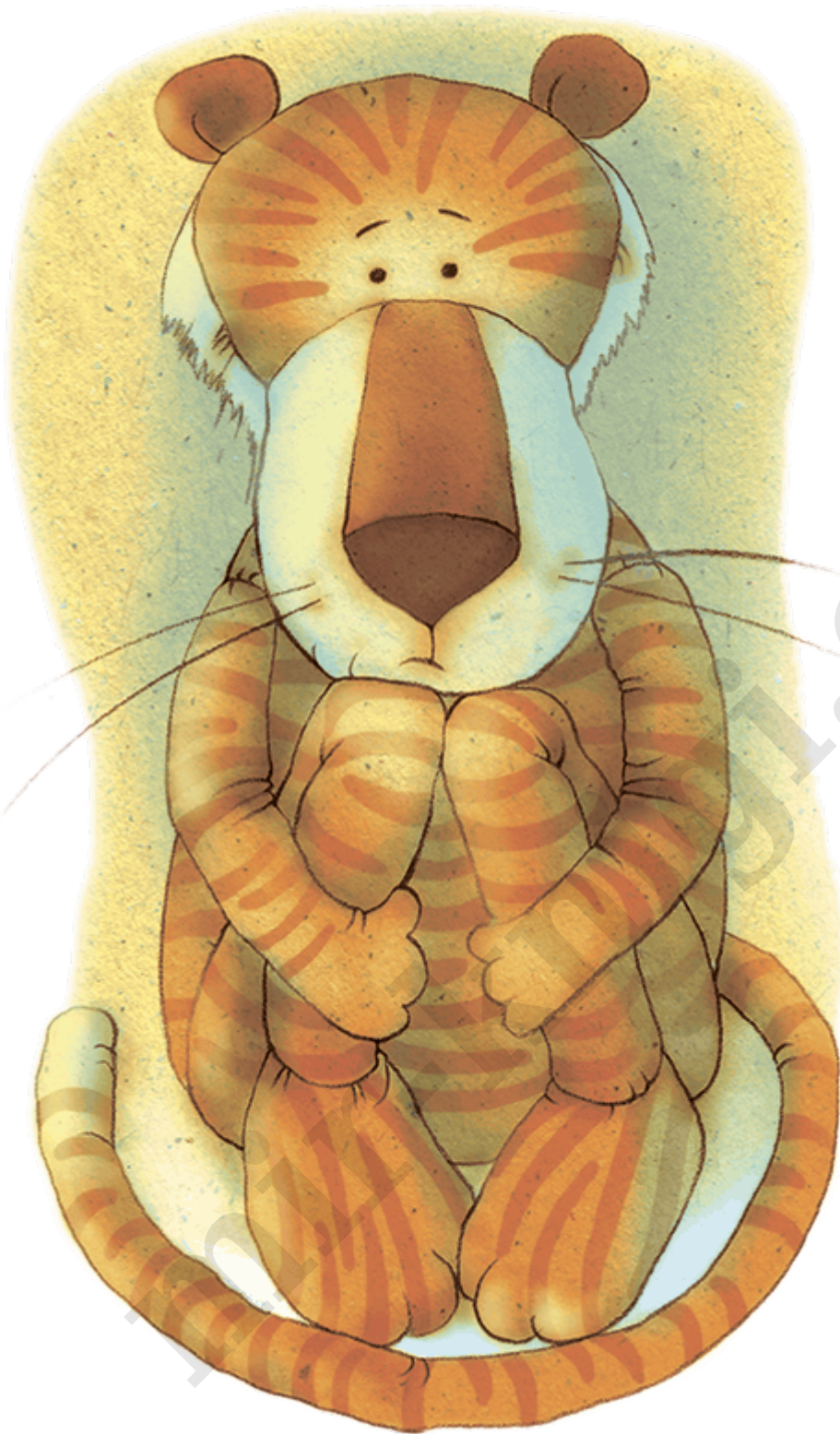
Сперва он понюхал его нос, потом хвост, потом ухо, потом заднюю лапу и вдруг отскочил в сторону.

- Деревяшки! - проревел он.

- Опилки! - стыдливо шепнул плюшевый тигр. - Я ими набит...

- Опилками? А где же кровь, мясо, кости и всё пр?р?рочее?

- Да ничего нет! - Плюшевый тигр с виноватым видом развёл лапами. - Я же не настоящий, как вы. Я только... понарошку. Понимаете?

Но старый тигр ничего не понимал. Он сидел и только моргал глазами. И тогда плюшевый тигр, захлёбываясь и дрожа, рассказал ему всё.

Старый тигр ласково положил ему на голову свою большую и очень тяжёлую лапу. Одна такая лапа весила, наверно, десять с половиной кило.

- А что, этот твой Серёжа хороший мальчик?

- Ой! - в волнении воскликнул плюшевый тигр. - Ну, просто замечательный! Такой хороший! Такой хороший!.. Такой добрый... И отличник почти по всем предметам...

- А как относится к цирку? - деловито спросил старый тигр.

- Обожает!

- Да... такому человеку надо помочь, - задумчиво проворчал старый тигр.

- Чем тут поможешь? Мы теперь погорельцы! - простонал плюшевый тигр. - Я так хотел ему помочь, да ничего не вышло. Тиграм почему-то не разрешают ходить по улицам.

Старый тигр с раздражением пожал рыжими плечами:

- я тоже не понимаю, почему нам нельзя ходить по улицам, как и всем остальным. Я считаю, что это всё интриги... Это всё дрессированные обезьяны...

- Серёженька мой! - всхлипнул плюшевый тигр. - Не уберёг я твои дневники!..

И тут на старого тигра посмотрели невыносимо грустные глаза. Наверно, в этот момент это были самые грустные пуговицы на свете.

Но вдруг суровое лицо старого тигра просветлело.

- Скажи мне, тигр понарошку! - рявкнул он. - А ты умеешь ходить на задних лапах, ну как люди ходят?

- Умею. Но ведь люди ходят одетые. А я, сами видите, какой... Голый... - Плюшевый тигр смущённо прикрыл морду лапой. Но старый тигр уже не слушал его.

Он подскочил к железной двери. Он что-то лизнул языком, на что-то нажал плечом, и тяжёлая дверь клетки медленно отворилась.

Глава шестая

Схватив своей когтистой лапой мягкую лапу плюшевого тигра, старый тигр тащил его по длинному коридору.

- Гм... - ворчал он. - Я знаю, что налево должен быть кабинет директора, а направо костюмерная. Но дорого бы я дал, чтобы узнать, где это самое «лево», а где это самое «право». А у меня, как нарочно, никаких дел к директору...

Вдруг в конце коридора послышался топот каблуков и какие-то голоса. Старый тигр нервно оглянулся и вздрогнул.

- А вы не знаете случайно, где ваша правая лапа? - вежливо спросил плюшевый тигр. - Обычно правая сторона бывает там, где правая лапа.

- Пр-р?редставления не имею!

- А какой лапой вы хватаете мясо?

- Вот этой! - радостно воскликнул старый тигр, поднимая правую лапу.

Каблуки по коридору топали всё громче и громче.

Плюшевый тигр торопливо толкнул носом какую-то дверь и вдруг очутился в полной темноте.

Только два зелёных огонька светили страшным холодным светом.

Это были глаза старого тигра.

На мгновение огни исчезали – это тигр моргал глазами.

В коридоре слышались голоса.

- Ох, милая моя! – сказал женский голос. – Второго тигра мне поручили!..

- Они идут сюда! – шёпотом прорычал старый тигр. – У меня могут быть неприятности... а дрессированные обезьяны...

- А ты справишься, моя дорогая? Теперь тебе за двумя тиграми убирать надо, – сказал второй голос.

Хлопнула дверь, голоса исчезли. Оба тигра вздохнули с облегчением. Старый тигр очень громко, а плюшевый тигр немного потише.

- А ну-ка пошарь лапой около двери. Там где-то должен быть выключатель, – нетерпеливо приказал старый тигр.

Плюшевый тигр повернул выключатель и, взвизгнув не своим голосом, с глупым видом сел на хвост.

Он был ослеплён. Кругом всё струилось и переливалось. Дрожали в воздухе какие-то сияющие прозрачные ткани. Между ними на стенах висели тяжёлые бархатные плащи и прекрасные шляпы, украшенные сверкающими перьями. А уж золота и драгоценных камней было просто сколько угодно!

Перед зеркалами на маленьких столиках стояли красивые бутылочки, лежали кольца, бусы и даже пистолеты.

- Здесь почти так же красиво, как в джунглях, правда? – спросил старый тигр.

Плюшевый тигр с восторгом кивнул головой: «Да, почти так же красиво, как в игрушечном магазине!»

- Выбирай себе всё, что пожелаешь! – сказал старый тигр, царственным жестом указывая на стены.

Но вдруг он увидел, что плюшевый тигр, сгорбившись, сидит на полу и торопливо закалывает булавками большую дырку на своей лапе.

- Чепухой занимаешься! – неодобрительно рявкнул старый тигр.

- Так ведь я через эту дырку весь высыплюсь!.. Я и так уже похудел... – тихонько шепнул плюшевый тигр, поднимая на него смущённые круглые глаза.

- Ну, ты будешь одеваться или нет? – рассердился старый тигр.

- Извините... Я с удовольствием... Спасибо большое...

- Ну ладно, – смягчился старый тигр. – Тогда я советую тебе надеть вон ту коротенькую

розовую юбочку с блёстками. Она очень мила!

Плюшевый тигр с сомнением приложил к своему животу розовую юбочку.

- Она мила, но мала! Она... на тигрёнка!

- Тогда надень клоунский костюм. Вот этот, оранжевый с синими горошками. Он большой, ты в него влезешь. Или этот плащ со звёздами.

Плюшевый тигр с виноватой улыбкой поспешно стал натягивать на себя клоунский костюм.

- На твоём месте я обязательно надел бы эту шаль. Какая р?р?роскошь! - промурлыкал старый тигр, накидывая себе на плечи зелёную индийскую шаль с золотыми полосками. - Мне идёт зелёный цвет, правда?

И старый тигр, запахнув шаль на груди и приоткрыв одно плечо, стал медленно поворачиваться перед зеркалом, томно полужакрыв глаза.

- Ну что ты стоишь, как деревяшка? - с досадой обернулся он к плюшевому тигру, который с убитым видом стоял посреди комнаты в широкополой ковбойской шляпе и в красных сапогах со шпорами. - Ну что ты нарядился под кота в сапогах? Ты же не на маскарад собираешься! Надень что-нибудь человеческое!

И он бросил ему чёрный фрак с большой белой хризантемой в петлице.

- Это очень мило! И очень эффектно! Если тебя научить изящно кланяться... и как следует осветить... - бормотал он, помогая плюшевому тигру надеть фрак.

Плюшевый тигр тоскливо замотал головой.

- Извините меня, настоящий тигр... - робко проговорил он. - Вы так обо мне заботитесь... Спасибо большое... Но, понимаете, всё это как-то не совсем то... У меня внешность и так заметная... И так на меня все смотрят... Мне бы что-нибудь попроще, поскромнее...

- Так бы и сказал, - проворчал старый тигр и, повернувшись к нему спиной, стал рыться передними лапами в куче вещей, лежавших в углу.

Оттуда прямо в плюшевого тигра полетели заплатанные валенки, овчинный тулуп и шапка-ушанка.

- Вот то, что мне надо! - дрожащим от радости голосом закричал плюшевый тигр.

- Это нашего сторожа тулуп. Неужели он тебе нравится? - презрительно фыркнул старый тигр. - Ну и вкусы у нашей молодёжи...

Но он не успел закончить.

В это время в коридоре поднялась суматоха. Послышались какие-то женские голоса, похожие на звонки, и звонки, похожие на женские голоса. Сразу затопало очень много ног.

- Милые мои! - громче всех кричал один женский голос. - То два тигра были, то ни одного на мою голову...

- Беги! - закричал старый тигр. - А я побегу обратно в клетку!

Вдруг плюшевый тигр подскочил к старому тигру и поцеловал его прямо в усатую колючую щёку.

Старый тигр от изумления сел на пол.

- Всё у меня было, всё: слава, цветы, статьи в газетах, - всхлипнул старый тигр, - но никто, никогда за всю жизнь меня не поцеловал...

А тем временем плюшевый тигр, подняв воротник и запахнув тулуп, мчался по коридору.

Глава седьмая

Плюшевый тигр выскочил на улицу.

Ярко и радостно светило солнце. По большой площади мчались разные машины. Всюду было очень много цветов: и на платьях, и на клумбах, и в цветочных киосках, и даже на некоторых соломенных шляпах.

Тигр в растерянности остановился прямо посреди тротуара, и на него налетели сразу три девочки. Они шли под ручку, не желая расстаться даже на секунду. А все втроём они никак не могли пройти мимо тигра.

- Ой, девочки! - тихонько сказала одна девочка двум своим подружкам. - Ой, посмотрите, дедушка в тулупе и в валенках!

- Бедный, он, наверно, после болезни! - сказала вторая девочка двум своим подружкам.

Это была очень красивая рыжая девочка с золотистыми веснушками.

Ох и много же веснушек было у неё на носу! Казалось, что если она как следует потрясёт головой - они так и посыпятся на тротуар.

А третья девочка сказала двум своим подружкам:

- Такие вот старенькие всегда любят, когда тепло. Вот мой дедушка всегда надевает платок моей бабушки... Даже летом.

Наконец все три девочки, держась под ручку, боком пролезли мимо тигра и пошли дальше.

«Они хорошие, добрые», - подумал тигр и бросился вслед за ними.

- Скажите, пожалуйста, девчонки! - крикнул он им. - Как мне поскорее добежать до Садовой улицы?

Серёжа Скворцов всегда называл девочек девчонками, и плюшевый тигр тоже привык их так называть.

Шесть глаз с длинными ресницами заморгали так быстро, что на плюшевого тигра повеяло холодком.

- я очень тороплюсь, девчонки! - жалобно проговорил тигр, от нетерпения стучая одним валенком о другой, как будто у него озябли ноги. - Возможно, у меня дома сейчас пожар!

У меня там, понимаете, утюг остался невыключенный!..

- Ах! Ах! Ах! - вскрикнули три девочки.

- Дедушка! - закричала красивая рыжая девочка. - Вам не бежать надо, а вон там на первый троллейбус сесть. И как раз доедете.

- Где?

- Вон там! Видите длинный хвост за углом?

- Хвост?!

- Ну, очередь, очередь! Видите?

- Спасибо, девчонки! - крикнул тигр и бросился через дорогу.

В это время к остановке бесшумно на круглых толстых шинах подкатил троллейбус.

Двери открылись. Тигр отчаянно зарычал и, расталкивая всех, бросился первым.

- Гражданин, куда без очереди?! - закричала какая-то гражданка в лиловом прозрачном плаще. - Я вас не пропущу!

Она вцепилась сзади в плюшевого тигра.

- Ай! - вдруг оглушительно взвизгнула она. - Ай! Хвост! Хвост! Я держу хвост! Держите меня! Мне дурно!..

Прозрачную гражданку усадили около окна и стали обмахивать газетами и журналами, уговаривая её успокоиться.

- Этот гражданин! - говорила она, хватая за руки сидящих рядом. - Этот гражданин... с хвостом...

Неизвестно, чем бы всё это кончилось, если бы в этот момент тигр не увидел в окно маму.

То есть, конечно, не свою маму (потому что, по правде говоря, невозможно увидеть в окно маму плюшевого тигра), а маму Серёжи Скворцова.

Она шла рядом с мамой Наташи Петровой.

Мелькнуло её милое лицо и голубая шляпка с пёрышком.

- Остановите, остановите троллейбус! - диким голосом закричал тигр. - Люди! Слышите? У меня на столе горячий утюг! Понимаете? Этот стол вот-вот загорится!

Пассажиры заволновались. Много согнутых указательных пальцев сразу застучали в окно кабины водителя:

- Остановите троллейбус!

- Выпустите старичка!

- Понимать надо! Беда у человека!

В троллейбусе, где только что было ужасно тесно, сразу образовался проход, похожий на тропинку в густом лесу.

Двери раскрылись.

Тигр выскочил из троллейбуса и бросился в погоню за голубой шляпкой с пёрышком.

Глава восьмая

Голубая шляпка была всё ближе и ближе. Плюшевый тигр уже протянул лапу, но вдруг дорогу ему перебежала какая-то гражданка. Она тащила за собой малыша, а малыш тащил за собой грузовик с прицепом.

И вот эта самая игрушка с прицепом испортила всё дело. Плюшевый тигр почему-то с огромным уважением относился ко всем игрушкам. Поэтому он остановился и ждал, пока грузовик с прицепом проедет мимо.

А обе мамы тем временем вошли в парикмахерскую.

Тигр вбежал вслед за ними.

На вешалке, покачиваясь на резиночке, висела мамина голубая шляпка с пёрышком. А сама Серёжина мама вошла в стеклянную дверь и села в кресло перед зеркалом. К ней подошла кудрявая девушка, и мама стала проводить пальцем по своим волосам и что-то ей объяснять.

Плюшевый тигр рванулся к стеклянной двери, но толстый швейцар, строго шевеля усами и бровями, преградил ему путь:

- Нельзя, гражданин, это дамский зал! Вон там мужской зал. Займите очередь, и вас обслужат!
- Да мне на одну минуточку!..
- Нельзя гражданин, уже сказано вам, нельзя!
- Да мне!..

Но швейцар так грозно зашевелил усами, что плюшевый тигр попятился и покорно опустился на стул. С тоской посмотрел он сквозь стеклянную дверь на мамин затылок, который становился всё более кудрявым.

В это время в дверях мужского зала, помахивая белой салфеткой, появился необыкновенно красивый молодой человек. От него прекрасно пахло сиренью, жасмином, ландышами, гвоздикой и розами. Можно было подумать, что под своим белым халатом он весь состоял из одних букетов цветов.

- Заходите, дедушка! Подстрижём, побреем!

«Я же не лев... - с ужасом подумал плюшевый тигр. - Это вот льва и постричь и завить даже можно... а... меня нельзя...»

- Разденьтесь, гражданин! - строго сказал швейцар.

- Не хочу! - жалобно простонал тигр.

- Разденьтесь!

- Не могу!

- А ну, разденьтесь! - грозно сказал швейцар и потянул тигра за воротник.

Что было делать? Тигр покорно дал снять с себя тулуп и остался во фраке с хризантемой в петлице.

- Ишь, во фраке, а штаны полосатые. Да ещё в обтяжку, - с презрением проворчал швейцар. - Возьмите номерок!

И он сунул ему в лапу какую-то железку с металлическим колечком.

Молодой человек в белом халате посмотрел на тигра и захихикал, но сделал вид, что чихает.

- Пожалуйста, - сказал он, распахивая перед тигром стеклянную дверь мужского зала.

mir-knigi.org

«Отсюда я тоже могу наблюдать за мамой», - решил тигр, усаживаясь в кресло.

Одной лапой тигр придерживал под фраком свой хвост, чтобы его никто не заметил, в другой держал номерок.

«Куда мне девать эту железку?» - подумал он и быстро сунул номерок прямо в рот.

Молодой парикмахер увидел это в зеркале и захихикал, но сделал вид, что кашляет.

- Вас побрить? – спросил он, оборачивая вокруг шеи тигра белую салфетку.

И вдруг плюшевый тигр увидел Серёжину маму. Она надевала голубую шляпку на свои новые удивительные кудряшки. Рядом с ней стояла Наташина мама. На голове у неё были такие же красивые кудряшки.

- Ах! – вскрикнул тигр и проглотил номерок вместе с металлическим колечком.

Конечно, если у тебя в животе и до этого было полно опилок, так ещё один номерок почти не меняет дела.

А парикмахер, решив, что это «ах» обозначает «да», сейчас же опустил короткую кисточку, похожую на заячий хвост, в серебряный стаканчик, набрал на неё много-много белого пушистого мыла и густо помазал им одну щёку тигра.

Тигр вскочил, фыркая и отплёвываясь, и, оттолкнув парикмахера, выскочил из мужского зала.

- Отдайте мне мою шкуру! – закричал он, бросаясь к швейцару.

- А где номерочек, гражданин?

- Проглотил я ваш номерочек!

- Что?о?о? – От изумления швейцар так высоко поднял свои густые брови, что они исчезли под волосами. – За потерянный номерочек платите штраф!

- Да он не потерянный, он проглоченный, понимаете?

- Платите штраф, или я полицейского позову! – грозно сдвигая свои густые брови, рявкнул швейцар.

Но вместо ответа тигр с отчаянным видом хлопнул себя лапой по животу, и номерок слабо звякнул где-то у него внутри.

- Батюшки! – завопил швейцар, бросаясь к нему. – Как же вы так, голубчик мой?! Разве можно?.. Что же теперь делать? Может, вам водой запить этот номерочек?

И швейцар дрожащими руками стал наливать из графина воду в стакан.

- А вот один мой знакомый парикмахер гребёнку проглотил, – просовывая голову в стеклянную дверь, прошептал молодой парикмахер. – Так он...

Но швейцар так посмотрел на него, что тот мгновенно скрылся за дверью.

- Голубчик мой! Прямо в больницу идите! – умоляюще твердил толстый швейцар. – Без очереди! Так и скажите: я, мол, номерочек проглотил... И главное, без очереди...

Но тигр уже не слушал его. На ходу натягивая на себя тулуп, он выскочил из парикмахерской.

Глава девятая

- Мама! Мамочка! – громко закричал тигр и бросился за голубой шляпкой с пёрышком.

Но мамы даже не оглянулись. Ведь каждая мама знает голос своего ребёнка, и они думали, что это какой-то совсем другой ребёнок зовёт совсем другую маму.

Тигр догнал их и, расставив лапы, преградил им дорогу. От радости и от волнения он совершенно забыл слово «утюг». Ведь всё-таки его голова была набита опилками, и поэтому память у него была неважная. Стихи, например, он вообще не мог запомнить.

- У вас на столе стоит... этот самый, понимаете? - волнуясь и тяжело дыша, закричал он. - Который всё бельё... это самое!..

Обе мамы с ужасом смотрели на него, бледнели и пятились назад. Плюшевый тигр, в отчаянии лепеча какие-то слова, схватил за руку Серёжину маму и потащил её за собой. Серёжина мама упиралась, её каблук скользили по асфальту.

- Отпустите меня! Я вас не знаю, гражданин! - волновалась она.

- Нет, вы меня знаете! Вы вчера на меня сели, когда я на диване лежал!

- Вы с ума сошли! - чуть не плакала Серёжина мама, стараясь вырвать свою руку.

- Такси! Такси! - что есть силы кричала в это время мама Наташи Петровой и махала рукой проезжавшей мимо машине с зелёным огоньком. Такси остановилось.

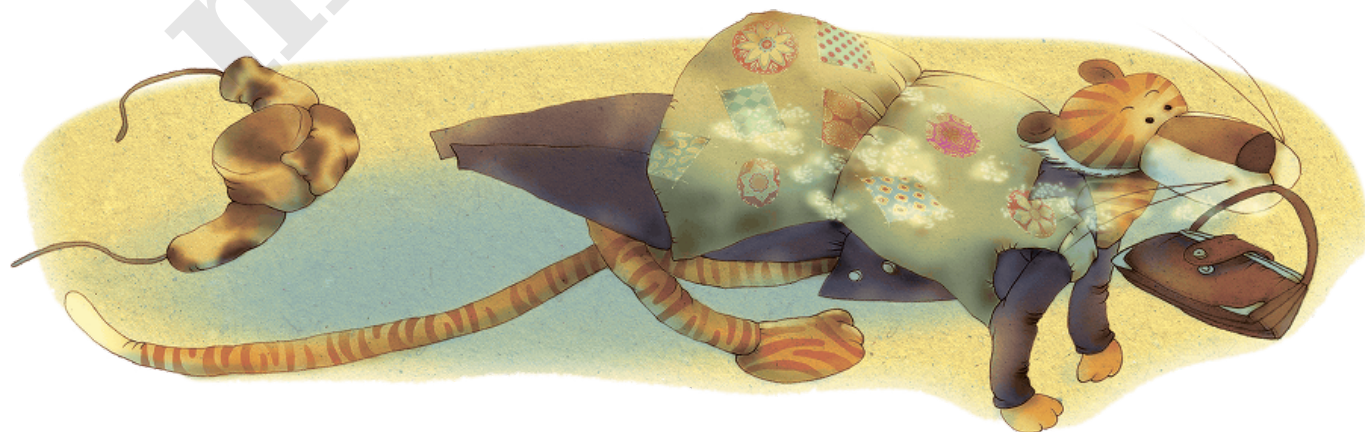
И тут Наташина мама, крепко вцепившись в руку Серёжиной мамы, изо всех сил потянула её к себе.

Бедная Серёжина мама! Ещё немного, и её вообще разорвали бы на две половинки. Что бы сказал тогда Серёжа?

Мамины очки сползли на самый кончик носа. Красивые кудряшки перепутались. Выражение лица у Серёжиной мамы было именно такое, какое бывает у человека, которого изо всех сил тянут в разные стороны. Тигру стало невыносимо жаль Серёжину маму, и он выпустил её руку. В лапах у него осталась только её коричневая сумочка.

Обе мамы моментально прыгнули в машину.

В машине мамы быстро поцеловались и прижались друг к другу.

- Научитесь вести себя по-человечески! - крикнула Наташина мама, и такси уехало.

- я должен догнать её, - простонал тигр.

Тут было уже не до церемоний!

Схватив мамину сумочку в зубы, тигр встал на четыре лапы и огромными скачками помчался по улице.

Ох, что это было за зрелище!

Мыльная пена слетала у него с морды, как у загнанной лошади. Полы тулупа развевались по ветру. Из-под тулупа высывались чёрные фалды фрака, а из-под чёрного фрака с жалким видом торчал полосатый хвост.

Раздался резкий свисток.

Тигр испуганно вскочил на задние лапы.

К нему угрожающе медленной походкой направлялся полицейский. Он был в тёмно-серой форме и со светло-синими холодными глазами.

Мгновенно собралась толпа.

- Задавили? Задержали? - взволнованно спрашивали те, кто стоял в дальних рядах и ничего не видел. В толпе вертелись и тоже волновались какие-то две собаки.

- Нехорошо, гражданин, на четвереньках по улице бегать. Не положено, - строго сказал полицейский. - Как ваша фамилия?

- Моя... фамилия?..

- Конечно, ваша. Я же с вами разговариваю.

- А разве обязательно, чтоб была фамилия?.. - пугливо озираясь, спросил плюшевый тигр. - Разве у них всех есть фамилии?.. - робко добавил он, указывая лапой на собравшуюся толпу.

- Гражданин! - сказал полицейский, и взгляд его стал холодным и острым, как сосулька. - В последний раз спрашиваю: как ваша фамилия?

- Моя фамилия? - с мольбой глядя на полицейского, пробормотал тигр. - Моя фамилия?.. Э?э?э... Я же плюшевый!

- Так вот, гражданин Плюшевый, - твёрдо и строго сказал синеглазый полицейский, - вас придётся отправить в полицию.

«Всё кончено! - в ужасе подумал тигр. - Из полиции один путь - в клетку. А уют тем временем... Прощай, дневники! Прощай, мамина шубка!..»

И тут на полицейского посмотрели ужасно испуганные глаза. Наверное, в этот момент это были самые испуганные, самые скорбные пуговицы на свете.

Потом тигр задрожал всем телом и пошатнулся. Лапы у него подкосились. Усы вяло повисли. Голова упала на грудь.

- Вам плохо, товарищ Плюшевый? - с тревогой спросил полицейский, подхватывая тигра под локоть.

И плюшевый тигр увидел, что его синие глаза стали добрыми и тёплыми, как будто в них что-то растаяло. Глаза полицейского стали как летнее небо.

- Обопритесь на меня. Сейчас мы вас отправим в больницу!

- Нет-нет-нет! Не надо! Это минутная слабость! - закричал тигр.

- Присядьте на скамеечку, товарищ Плюшевый!

И полицейский, ласково и крепко поддерживая тигра под локоть, повёл его к маленькому скверику. Там он усадил его на скамейку, позади которой рос большой куст сирени и мирно жужжали разные насекомые.

- Может, всё-таки вызвать «скорую помощь», товарищ Плюшевый? - заботливо спросил полицейский.

Тигр замотал головой.

Полицейский приложил руку к козырьку и ушёл.

Толпа разошлась.

«Эх я, плюшевый осёл! - с отчаянием подумал тигр. - Надо было мне всё этому полицейскому рассказать. Он - добрый!.. Он бы помог!..»

Тигр поднял голову. Но синеглазого полицейского нигде уже не было видно. Наверно, он пошёл искать других нарушителей.

Что было делать?

И тут плюшевый тигр не выдержал.

Он обхватил морду лапами и горько заплакал. Из глаз его брызнули слёзы, размером с электрическую лампочку для карманного фонарика...

Глава десятая

А за кустом сирени сидели Жучка Петина и Жучка Колина. Вы думаете, они там отдыхали, дышали свежим воздухом и нюхали цветы? Ничего подобного! Они даже не ловили разных вкусных жуков, которые с жужжанием проносились мимо них. Просто они запомнили этот куст и решили прийти сюда за жуками в следующий раз.

А пока они сидели, сунув морды в сирень, и смотрели сквозь ветки на неизвестного с хвостом.

- У этого неизвестного на одну шкуру надета ещё одна шкура! - шёпотом прорычала Жучка Петина.

- Тогда, значит, это человек! - откликнулась Жучка Колина.

- Но у него есть хвост!

- Тогда, значит, это тигр!

- Нет, не нравится мне этот неизвестный с хвостом! Если у тебя хвост, так не носи шубу. А если

у тебя шуба, так не носи хвост!

- Да, тут уж одно из двух! - согласилась Жучка Колина.

- Вот что! - решительно рявкнула Жучка Петина.

- Что? - с трепетом тьякнула Жучка Колина.

- Давай бросимся на него и вместе залаем: «Лапы вверх!» Если он человек, то он поднимет две лапы, а если он тигр, то он поднимет сразу четыре!

- Ладно! Давай!

Обе Жучки припали к земле, оскалили белые зубы и приготовились к прыжку.

И вдруг они услышали горькие вздохи и всхлипывания.

- Плачет! - растерянно сказала Жучка Петина.

- Рыдает! - подтвердила Жучка Колина.

- Жалко! - не выдержала Жучка Петина.

- Бедный! - добавила Жучка Колина.

- А что он плохого сделал? Ничего он плохого не сделал!

- Обидели его, ясное дело!

И Жучка Колина, подняв морду, тихо завывала от жалости. Даже Жучка Петина, несмотря на свой суровый и мужественный характер, вытерла мокрый нос красным тюльпаном. А до них доносились душераздирающие всхлипывания и ужасные звуки: кап-кап-кап!

Выдержать это было невозможно.

И обе Жучки с серьёзными мордами обогнули с разных сторон жужжащий куст сирени и подошли к плюшевому тигру.

- Неизвестный с хвостом! - торжественно сказала Жучка Петина. - Мы ваши друзья!

Плюшевый тигр вздрогнул от неожиданности и с испугом уставился на Жучек.

Но он увидел перед собой честные собачьи глаза. Эти глаза были полны такой доброты, такого сочувствия, что плюшевый тигр не выдержал. Горестно всхлипывая и дёргая носом, он рассказал им всё...

- А как ваш Серёжа относится к собакам? - деловито спросила Жучка Петина.

- Всю жизнь мечтал завести... Но мама не позволяет... А теперь и вообще собаку держать негде будет... - всхлипнул тигр и безнадежно умолк.

- Обычная история. Все нас хотят завести, да родители не позволяют... - чтобы поддержать разговор, сказала Жучка Колина, глядя на погрузившуюся в задумчивость Жучку Петину.

Да, Жучка Петина что-то обдумывала. Это было несомненно. Она сидела, нахмурив свой собачий лоб и сосредоточенно глядя в одну точку.

- Такому человеку надо помочь! - наконец твёрдым голосом сказала Жучка Петина. - Скажите, в какое кино пошёл ваш мальчик?

Плюшевый тигр горько улыбнулся:

- Если бы я знал... У нас тут три кинотеатра в районе - «Пламя», «Знамя» и «Юное племя»...

- Послушайте, Неизвестный с хвостом! - вдохновенно воскликнула Жучка Петина, и глаза её загорелись каким-то особым огнём. - Вот что! Дайте нам какую-нибудь Серёжину вещь. Мы её как следует понюхаем, возьмём след и найдём вашего Серёжу!

- Ох! - плюшевый тигр в отчаянии схватился за голову. - Да где же я возьму вам Серёжину вещь? Ведь все его вещи заперты в квартире... Они, может быть, уже...

Глаза у Жучки Петинной померкли. Обе Жучки понуро опустили свои одинаковые головы.

Но вдруг радость осветила лицо плюшевого тигра...

Он вскочил со скамейки, рванул на себе тулуп и распахнул фрак на своей полосатой груди.

- Нюхайте меня! - радостно закричал он. - Я - Серёжина вещь!

Глава одиннадцатая

Жучка Петина и Жучка Колина уверенно шли по следу. Следы вели прямо к кинотеатру «Юное племя». Жучки бежали рядом, почти скользя носами по асфальту. Через некоторое время

Жучка Петина подняла голову и строго спросила Жучку Колину:

- Чуешь?

- Ага! - ответила Жучка Колина. - Чую большие круглые следы сандалий... рядом маленькие узкие следы туфель...

- Большие следы - это Серёжкины! - растроганно пробормотал тигр. - Для его возраста у него очень большая нога!

Но вместо того чтобы идти прямо к кинотеатру, Жучки свернули к голубому киоску с надписью «Кондитерские изделия». Из киоска выглядывали разные конфеты, печенья и весёлая тётя в белой наколке. Жучки подбежали к киоску и остановились.

- Чуешь? - деловито спросила Жучка Петина.

- Чую! - серьёзно ответила Жучка Колина. - В этой красивой голубой конуре «большие следы» купили две «мишки». Одну себе, а одну - идущим рядом «маленьким следам»...

- Уважаемые Жучки! Пожалуйста, если можно, поскорее! - простонал плюшевый тигр.

Но Жучки не обратили на его слова совершенно никакого внимания.

- Извините, мы на работе, - небрежно бросила Жучка Петина.

Наконец Жучки свернули к кассам кинотеатра. Тигр торопливо открыл дверь и пропустил их вперёд. Жучки внимательно обнюхали каждый квадратный сантиметр пола, время от времени чихая от пыли.

Тигр вне себя от волнения не сводил с них глаз.

- Чуешь? - рявкнула Жучка Петина.

- Чую! - деловито ответила Жучка Колина. - Здесь «маленькие следы» встали на цыпочки и вертелись от нетерпения, а «большие следы» с досады топнули правой ногой.

- Эх! - простонал плюшевый тигр. - Значит, билетов не достали... Уважаемые Жучки! Пожалуйста, побежим скорее к «Знамени»!

К счастью, кинотеатр «Знамя» был тут же рядом, за углом. Но не тут-то было! Жучки одновременно свернули к белому ящику на колёсах с голубой надписью «Мороженое».

Около ящика толпились девчонки и мальчишки, которые с наслаждением лизали мороженое розовыми языками.

- Чуешь? - спросила Жучка Петина.

- Чую... - разнеженным голосом ответила Жучка Колина. - Не следы, а пирожные... даже тротуар сладкий... Я считаю...

- Своё мнение выскажешь потом! - резко оборвала её Жучка Петина.

- «Маленькие следы» держат в зубах эскимо, - виноватым голосом доложила Жучка Колина. - А «большие следы» смотрят на «маленькие следы» и...

Тут плюшевый тигр застонал так глухо и отчаянно, что Жучки, молча переглянувшись, бросились к кассам кинотеатра.

Но, не добежав до входа, они остановились перед большой жёлтой доской, на которой было что-то написано чёткими синими буквами.

- Следы останавливаются. Они не идут к кассам! - удивлённо пролаяла Жучка Петина.

- «Маленькие следы» загрузили. Видите, носки вместе, а пятки врозь! - добавила Жучка Колина.

- А что, что здесь написано? - нетерпеливо допытывался тигр.

Обе Жучки с недоумением пожали своими одинаковыми плечами.

Жучка Петина сказала с досадой:

- Мы умеем читать только то, что пахнет. А буквы не пахнут.

- Ну-ка, мальчик, прочитайте, пожалуйста, что здесь написано! Я очень... я очки дома забыл, - поспешно сказал тигр худенькому симпатичному мальчику.

Мальчик стоял и с большой грустью смотрел на объявление. Он pokrutil головой на длинной шее и сказал отчаянным голосом:

- «Дети до шестнадцати лет на фильм не допускаются». Вам-то что, дедушка... Вы-то уже после шестнадцати, а я... Эх!..

Но когда симпатичный мальчик оглянулся, то около него уже никого не было.

Дедушка с двумя собаками, мелькая подшитыми валенками, с необыкновенной скоростью мчался по переулку.

- Значит, Серёжа и Наташа в «Пламени»! - на бегу крикнула Жучка Петина.

Плюшевый тигр ахнул и споткнулся.

- Нет, нет, нет! - отчаянно воскликнул он. - Это, может быть, квартира в пламени, а Серёжа и Наташа в кино!

- Так я и говорю, в кино. Если их нет в «Знамени», значит, они в «Пламени»!

- Осторожнее выбирайте выражения! - задыхаясь, простонал тигр, прижимая лапу к левой стороне груди.

Глава двенадцатая

На этот раз Жучка Петина и Жучка Колина, пробежав мимо газированной воды, мимо конфет, мимо мороженого, сразу бросились к кассам кинотеатра. Их не очень белые хвосты замелькали между брюками, юбочками и разноцветными носками.

Чувствуя слабость во всём теле, плюшевый тигр прислонился к стене.

«Следы, следы, - безнадежно подумал он. - Одни следы... Но этого ещё недостаточно. Следы - это ещё не мальчик... И следы - это ещё не девочка...»

Но вдруг Жучки выскочили из толпы и замерли, опустив головы. Можно было подумать, что их носы приклеились к каменному полу.

- Они купили билеты! - в один голос закричали обе Жучки, глядя на тигра сияющими глазами.

- Значит, они здесь? - усталым, но счастливым голосом воскликнул тигр, с нежностью глядя на кинотеатр. - Я пойду к Серёже!

Тигр распахнул тяжёлые светлые двери, и они со стуком захлопнулись за ним.

Навстречу ему со стула поднялась строгая и сердитая тётя. Тигр хотел проскочить мимо, но билетёрша привычной сильной рукой ухватила его за тулуп.

- Ваш билет!

Тигр с надеждой и тоской взглянул ей в лицо. Но её лицо было суровым и строгим. Холодно и жёстко смотрели на тигра маленькие глаза. Билетёрша стояла и своими тяжёлыми руками загораживала ему дорогу.

Конечно, в крайнем случае можно было через неё перепрыгнуть. Но плюшевый тигр не решился на это. Он жалобно застонал и выскочил на улицу.

- Не пускают! - с отчаянием сказал он Жучкам. - Надо поискать другой выход... То есть другой вход...

- Незвестный с хвостом! А может быть, вам забраться по пожарной лестнице? - осторожно предложила Жучка Петина.

- По какой лестнице?

- По пожарной!

- Скорее! Ведите меня туда! - закричал тигр и мрачно добавил: - Для меня теперь все лестницы пожарные.

Плюшевый тигр и обе Жучки сломя голову побежали вдоль дома и свернули на тихую улицу.

С этой стороны кинотеатр был не окрашенный, а просто кирпичный. И, уютно пристроившись около водосточной трубы, прямо на крышу вела пожарная лестница. Она была коричневая и немного ржавая.

Тигр поднял голову.

Где-то наверху было голубое небо. Туда не надо было лезть. А немного пониже ярко блестела зелёная крыша. Кроме голубей, на крыше были ещё какие-то полукруглые окошки. Может быть, они вели в зрительный зал?

- Эх! - сказал тигр таким голосом, в котором сразу смешалось и отчаяние, и страх, и любовь к Серёже, и ещё много каких-то чувств, но уже не таких важных.

Тигр торопливо и неловко полез по лестнице, а взволнованные Жучки замерли, задржав головы.

И вдруг они увидели, что навстречу тигру, который карабкался вверх, спускается маляр с ведром и кистью в одной руке. Это, наверно, он красил зелёную крышу в зелёный цвет.

Ему было очень неудобно спускаться вниз, держа в руке тяжёлое ведро, в котором оставалось ещё на полкрыши зелёной краски.

Поэтому маляр смотрел на ведро и совсем не смотрел вниз.

«Что это? - подумал плюшевый тигр, вытирая с носа большую и жирную зелёную каплю. - Кажется, пошёл зелёный дождь?»

И тут случилось самое страшное.

Маляр, желая спуститься на одну перекладину вниз, поставил ногу прямо на голову плюшевого тигра. А плюшевый тигр, желая подняться на одну перекладину вверх, ухватил за ногу маляра.

- Ай! - одновременно вскрикнули оба.

Ведро с краской полетело вниз и шлёпнулось на тротуар. Можно было подумать, что на тротуаре мгновенно вырос хорошенький зелёный газончик. А кисть, которая полетела вслед за ведром, слегка задела одну Жучку и с ног до головы обрызгала другую Жучку.

- Ура! - в восторге закричала Жучка Петина. - Нас теперь с тобой не спутаешь! Теперь меня все будут звать - Жучка Очень Зелёная, а тебя - Жучка Не Очень Зелёная.

А на лестнице тем временем происходило следующее.

- Прошу вас, пожалуйста, поднимайтесь вверх! - умолял тигр и лапой гладил ногу маляра.

- А ну, спускайся вниз, хулиган! - в ярости рычал маляр, как будто именно он и был тигром.

Тигру пришлось уступить.

Шаг за шагом, перекладина за перекладиной спускались они вниз.

Тигр первым спрыгнул на землю и бросился наутёк.

- Куда, голубчик?! - закричал маляр, догоняя тигра и хватая его за шиворот. - Я тебе сейчас уши надеру!

«Меня нельзя драть за уши! - со страхом подумал плюшевый тигр. - У меня и так уже одно ухо плохо держится...»

И вдруг маляр увидел белые усы тигра, торчащие из-под мехового воротника.

Лицо сердитого маляра сразу же изменилось.

Он глубоко вздохнул, виновато повертел головой и почесал в затылке.

- Дедушка! - сказал он тихо. - Ты уж извини меня!.. Может, я что не так сказал. Я думал, так... Мальчишки балуют... Как хорошая картина, так они все на крышу лезут... А директор на чердаке замок повесил...

Плюшевый тигр тихо застонал.

А маляр подобрал кисть, взял ведро и, оставив на тротуаре зелёный газончик, пошёл прочь.

Тигр в растерянности взглянул на Жучек.

- Может быть, подождём до конца сеанса? - озабоченно сказала Очень Зелёная Жучка, которая прежде была Жучка Петина.

- Да, подождём! - согласилась Не Очень Зелёная Жучка.

- Что вы! Что вы! - в ужасе закричал плюшевый тигр. - Ждать нельзя ни минуты!

И плюшевый тигр помчался к главному входу.

- я эту тётю попрошу! Я этой тёте объясню! - кричал он.

Плюшевый тигр распахнул тяжёлые светлые двери и вместе с Жучками ворвался в кинотеатр.

- Опять вы, гражданин! - поморщилась строгая билетёрша. - Сейчас же выведите ваших собак из помещения!

- Тётенка, миленькая!..

- Стыдно, гражданин, пожилой человек, а ведёте себя как мальчишка!

- Да я не пожилой человек и не мальчишка! Я - игрушка! - диким голосом закричал тигр.

Он сорвал с себя ушанку и распахнул тулуп.

- Что?о?о?! - тоненьким голосом сказала толстая билетёрша и беспомощно села на стул.

- Видите, видите? - подскочил к ней тигр. - Видите, у меня не руки, а лапы? Вы их погладьте! Они мягкие, плюшевые. А вместо глаз у меня пуговицы. Потрогайте их, потрогайте! Мне только приятно...

Билетёрша протянула дрожащий указательный палец и дотронулась до зелёного глаза тигра.

- А лапа у меня булавками заколота! - продолжал кричать тигр, стаскивая валенок. - Разве

у настоящего зрителя так бывает?

- Булавки, - прошептала билетёрша.

- Видите, видите?! - обрадовался тигр. - Я же вам говорил. И никакой я не зритель, а игрушка!

Билетёрша удивлённо всплеснула руками. Её строгое лицо стало совсем-совсем добрым.

- Батюшки, какие игрушки делать стали! - с восторгом сказала она. - Самостоятельные да прочные какие! Надо будет мне внучонку Женечке такого купить. У них квартира новая, хватит места, где с такой игрушечкой поиграть...

- я потерялся! - жалобно заныл тигр. - Я к своему Серёже хочу... А мой Серёжа кино смотрит...

- Ну, ладно, ладно! - ласково сказала билетёрша. - Пойди вон около тех дверей постой. Как фильм кончится, так твой Серёжа из них выходить будет.

Плюшевый тигр бросился бегом через зал, уставленный круглыми столиками с газетами и журналами.

- А собачки тоже игрушечные?! - крикнула им вслед сердитая тётя, ставшая доброй. - Ну, это уже ни к чему собачек зелёными делать! - добавила она, качая головой. - Неужто другого плюша не нашли?

Глава тринадцатая

Плюшевый тигр вместе с зелёными Жучками проскользнул в зрительный зал. Его пуговицы не сразу привыкли к темноте. Он только видел на фоне светлого экрана головы ребят. Круглые головы мальчишек с торчащими вихрами и ушами. И аккуратные головы девчонок с бантами различной величины.

Тигр, согнувшись, побежал вслед за Жучками.

Вдруг Жучки остановились и повернули носы в одну сторону.

- Здесь! - шепнула одна из них. Вероятно, это была Очень Зелёная Жучка, потому что её почти не было видно в темноте. - В этом ряду, седьмое место.

- Пропустите, пожалуйста! Разрешите пройти! - вполголоса умолял тигр, медленно протискиваясь в узкий проход между спинками кресел и ребячьими коленками.

И тут он увидел сидящих рядом Серёжу и Наташу Петрову. Они сидели совершенно неподвижно. В темноте их глаза казались серебристыми и прозрачными.

Что-то дрогнуло в груди тигра. Ему вдруг захотелось заплакать. К горлу подступил какой-то комок. Но возможно, это был просто комок опилок.

Тигр протянул свою дрожащую лапу и схватил знакомую руку Серёжи.

- Утюг, утюг, утюг! - задыхаясь, прошептал он.

На этот раз тигр от волнения забыл все слова на свете, кроме слова «утюг».

- Дяденька, сядьте! - закричали сразу несколько голосов. - Ничего не видно!

Вы не стеклянный!

- Утюг! Утюг! Утюг!.. - вне себя твердил тигр, стараясь удержать в своих лапах вырывающуюся руку Серёжи. И вдруг Серёжина рука перестала вырываться.

- Утюг? - медленно повторил Серёжа и вскочил на ноги.

Тем временем Жучка Очень Зелёная и Жучка Не Очень Зелёная вздохнули с облегчением. Они, конечно, захотели воспользоваться случаем и посмотреть фильм. Потому что было неизвестно, когда они в следующий раз попадут в кино.

На экране в это время как раз показали забор, а на нём большую кошку с противными красивыми глазами.

Обе Жучки не выдержали и оглушительно залаяли.

Ну и поднялась суматоха!

Плюшевый тигр кричал:

- Скорее!

Серёжа кричал:

- Бежим!

Наташа кричала:

- Серёжа, ты куда?

Очень много голосов кричали:

- Садитесь! Ничего не видно!

Поменьше голосов кричали:

- Ай!

И всего один голос кричал:

- Мама!

Но тигр, не обращая ни на кого внимания, мчался через зрительный зал и тащил за собой Серёжку. А за ними бежала Наташа и обе зелёные Жучки. Вихрем пролетели они мимо билетёрши.

Лицо билетёрши стало очень-очень бледным. Наверно, она уже начала сомневаться - надо ли покупать внучонку Женечке такую игрушку.

Серёжа выскочил из кинотеатра и испуганными глазами уставился на тигра.

- Но кто же вы?.. - медленно проговорил Серёжа побледневшими губами.

- Об этом после, после! - торопливо закричал тигр. - Сначала надо выключить утюг!..

И все вместе они побежали по улице.

Четырнадцать ног замелькали в воздухе.

Но вдруг Серёжа остановился. Он сунул руку в один карман, потом сунул другую руку в другой карман. Потом он покраснел. Глаза у него налились слезами. И он сказал задрожавшим голосом:

- я забыл дома ключи от квартиры... Я когда брюки гладил, их из кармана вытащил, а положить обратно забыл...

Глава четырнадцатая

Все замерли. Наступила тишина.

Наташа Петрова была хорошим товарищем. Она не стала кричать своим красивым, звонким голосом: «Ой!», или: «Серёжка, как тебе не стыдно!», или: «Какой ты рассеянный!». Нет, она знала, что сейчас для этого неподходящее время...

И вот все стояли, молчали и глядели на Серёжку. Серёжка пошевелил пересохшими губами, кашлянул и сказал с усилием:

- Надо вызвать слесаря, пусть он дверь взломает...

- Если только она есть, эта дверь... - мрачно пробормотал тигр и побежал вслед за Серёжей. На этот раз он бежал с трудом, напрягая все свои силы. Ему казалось, что его лапы набиты не деревянными опилками, а железными.

На углу Садовой улицы Серёжа оглянулся...

Он оглянулся и увидел, что Наташа Петрова исчезла. Просто как сквозь землю провалилась в неизвестном направлении.

«Понятно, - с горечью подумал Серёжка. - Она меня теперь презирает. Считает: пускай горит себе на здоровье...»

Тут Серёжка не выдержал и всхлипнул, а тигр, бежавший рядом, посмотрел на него с любовью и жалостью.

- Скажите, пожалуйста, Серёжа, - осторожно спросил он, - а больше ключей нет?..

- Есть... У моей мамы в сумочке...

- В сумочке? В коричневой сумочке? - закричал тигр, хватая Серёжу за плечи и поворачивая к себе. - Вот в этой?

Тигр высоко поднял локоть и показал болтавшуюся на нём мамину сумочку.

- Она! - закричал Серёжка, дрожащими руками хватая коричневую сумочку и встряхивая её. В сумке звонко и беспечно звякнули ключи...

Ох как они бежали! Если бы это был командный забег, то команда Серёжи, тигра и двух зелёных Жучек заняла бы первое место. Плюшевый тигр бежал так, как будто у него на лапах выросли крылья.

«Неужели от дома остались одни головешки?..» – с тревогой подумал тигр, сворачивая за угол.

Дом стоял на месте.

- Уф!.. – одновременно вздохнули Серёжа и плюшевый тигр.

Они вбежали во двор. Серёжа сразу же посмотрел на своё окно. Ветер захлопнул раму. Но из узкой щели тонкой струйкой шёл дым. Струйка была совсем маленькой. Просто можно было подумать, что на подоконнике сидит несколько человек и курят несколько папирос.

Серёжа, плюшевый тигр и зелёные Жучки стремглав бросились к подъезду.

Как они бежали по лестнице!

Никакой лифт на свете не мог бы за ними угнаться.

Из-под двери плоской струёй шёл дым.

Серёжа, дрожа, вставил ключ в замочную скважину и распахнул дверь.

Навстречу ему круглыми чёрными клубами повалил дым, как будто ему было тесно в квартире и он только ждал, когда наконец откроется дверь.

- Ай! – в ужасе закричал тигр.

Сквозь клубы дыма он увидел языки пламени.

Огонь лизал стол, прыгал по стульям и карабкался вверх по розовым занавескам. Весь в дыму, трещал и корчился диван.

Серёжа что-то закричал и бросился в переднюю. Плюшевый тигр замер с вытянутыми вперёд лапами.

- Мне туда нельзя! – простонал он. – Я весь сгорю... От меня останутся только глаза и... номерок! На помощь! – заорал тигр.

И вдруг – нет, просто можно было подумать, что эти слова волшебные – окно широко распахнулось, и в комнату один за другим стали прыгать пожарные.

Было совершенно непонятно, откуда они взялись. Они прыгали в комнату прямо из голубого неба.

Сквозь дым и пламя плюшевый тигр не мог их хорошенько разглядеть. Ему казалось, что вся комната полна пожарных. Он только заметил на голове одного из них сверкающую серебряную каску.

Наверно, это был самый главный пожарный.

- Ну, скорее! Скорее! - шёпотом торопил их тигр, от нетерпения прыгая на задних лапах.

Ох какие храбрые были пожарные! Они полезли прямо в дым и пламя!

«Им хорошо! - с восхищением и завистью подумал тигр. - Они так легко не загораются... Счастливые... Они опилками не набиты...»

- Давайте воду! - крикнул главный пожарный. На мгновение в тёмном дыму блеснула серебряная каска. В ней отражались золотые языки пламени.

И тотчас через всю комнату брызнула сильная струя воды.

Что тут началось!

Вода била и стегала огонь. Огонь пригибался, увёртывался и снова бросался на пожарных... Комната наполнилась густым серым дымом. Струя воды, как живая, двигалась по воздуху и даже опрокинула стул с высокой спинкой. На полу что-то выло, злобно шипело и плескалось.

Но всё это длилось одно мгновение.

Дым рассеялся, и плюшевый тигр увидел, что огня больше нет.

Только чёрная копоть плавно летала в воздухе, и, как вулканы, дымились подушки на диване.

Тут откуда-то прибежало много соседей, а из ванной выскочил перепуганный и перемазанный Серёжа с ведром воды.

- Потушили! - с облегчением закричал он и уронил ведро на пол.

Плюшевый тигр вслед за соседями боком пролез в комнату.

Он глянул в окно и тихо ахнул. Во дворе стояли три ярко-красные пожарные машины. От одной из машин прямо к их окну тянулась длинная серебристая лестница. По двору бегали пожарные, а за каждым пожарным бегали по крайней мере три малыша.

- Ну, товарищи, кто же это уютг забыл выключить? А? - строго спросил самый главный пожарный. У него было смелое и очень загорелое лицо. Наверно, потому, что он часто лазил в самый огонь.

И тут Серёжа так низко опустил голову на грудь, что даже подбородку стало больно.

Но главный пожарный ничего не сказал, а только погладил Серёжу по голове рукой в толстой брезентовой рукавице.

Наконец все разошлись. Пожарные пошли осматривать соседние квартиры, а соседи пошли вместе с ними.

Только в углу, прижавшись друг к другу, сидели две чёрно-зелёные Жучки, да посреди комнаты стоял Неизвестный, который разыскал Серёжу в кино. Серёже стало даже как-то неудобно. Стоит чужой человек посреди комнаты. Стоит и молчит. Молчит и смотрит странными непонятными глазами.

- Не узнаёте меня, Серёжа? - вдруг спросил Неизвестный каким-то грустным и укоризненным голосом. - Конечно, вы уже в игрушки не играете... Вы из меня уже выросли... И всё-таки...

Вдруг случилось нечто невероятное.

Неизвестный быстро стянул с себя валенки, сорвал с себя ушанку, сбросил на пол тулуп. Потом скинул со своих покатых плеч что-то чёрное, и потрясённый Серёжа увидел перед собой огромного тигра.

- Ай! - в ужасе закричал Серёжка.

Чёрно-зелёные Жучки залаяли измученными голосами.

В это время в дверях показалась мама.

И что за картина предстала её глазам!

В жидких полосах серого дыма болтались обгорелые занавески размером не больше передника. Посреди комнаты ещё дымился обеденный стол, как будто он весь был заставлен тарелками с горячим супом, клетчатый диван стал полосатым. А среди остатков дыма и чёрной копоти металось что-то ярко-жёлтое. Мама, конечно, решила, что это огонь.

- Ах! - вскрикнула мама и упала в обморок.

Очки свалились у неё с носа.

И вдруг!.. Ой!..

Этот Неизвестный с хвостом, этот полосатый тигр, начал быстро прыгать сквозь мамины очки. Он немного разбежался и прыгал, вытянув вперёд лапы, с каждым разом становясь меньше и меньше.

- Серёженька... пожалуйста... отнесите эту одежду... в цирк... К настоящему тигру?у?у... - кричал он, и голос его становился всё тише и тише.

А когда мама пришла в себя, первое, что она увидела, - это был Серёжка, который с совершенно круглыми глазами стоял перед ней и прижимал к груди своего игрушечного плюшевого тигра. И вы думаете, мама стала его ругать? Ничего подобного! Она стала его обнимать и целовать от радости, что с её сыном ничего не случилось.

Зато уж как ругал себя сам Серёжа Скворцов.

- Mamochka! Я больше не буду рассеянным! - горячо говорил он. - Я буду стараться!

Потом он открыл ящик стола и сказал:

- Тетрадki и дневники в порядке!

А мама открыла шкаф и увидела, что там всё тоже тихо и спокойно.

А усталые зелёные Жучки с удовольствием ели сахар, валявшийся на полу, рядом с разбитой сахарницей. Они были очень довольны. Ещё бы! Целая сахарница сахара! Это встречается в жизни не так уж часто...

- Но кто же вызвал пожарных? - спросила мама.

- Я! - ответила Наташа Петрова, появляясь в дверях. - Я позвонила по номеру 01 и вызвала пожарных.

- Верно! - сказал Серёжа. - Это ты правильно! 01. А я совсем забыл про это! Но я даю честное слово: это последняя вещь, которую я забыл!..

И тут Серёжа взял и поцеловал своего плюшевого тигра. Обычно мальчишки никого не целуют. Но вы сами понимаете - это был совершенно исключительный случай.

